ПОПУТЧИКИ
Сборник рассказов
ЧТО я ищу?
Я стоял с цветами в руках перед самым дорогим в мире человеком
На ее лице появилось и чувствовал себя никем
выражение неловкости, как бывает у людей и мы снова
Сердце отпустило, а мысли прояснились
настраиваясь на дорожный лад будем вместе
Кошка дорогу перебежала.
Все в порядке.
Людей спасла
ОГНЯМИ МИГАЛОК И РЕВОМ СИРЕН
Бутыль была опо довинена.
Объяснения были выс душаны
Спокойно и деловито шумел двигатель
Патриота
Я смотрю, у вас тоже Патрик?
МЕНЯ ЗОВУТ ЕГОР
Что это было?
Кто знает.
Места-то сказочные
После драки прошло уже три года, и все было по-прежнему
КУДА
Я НА САМОМ ДЕЛЕ ЕДУ?
Черти бы взяли эту оболоченную сволочь
Назад!
Дракон!!!
Дракона привели!
Не хочу... в больницу... — с трудом выдавил Олег.
Мне стало по-настоящему неловко
я напрочь забыл фамилию Кати!
С утра потащился в ЗАГС со своей законной
а вышел я уже с беззаконной. То же лицо с
распахнутыми от ужаса глазами и полный ужаса
Я остался наедине с самым загадочным
ПОПУТЧИКОМ. Наедине с собой
Держите своих собутыльников в узде
а то я сейчас милицию вызову крик Таня!
Это явно был не «Патриот»
Что-то хищное и опасное даже на вид
РУССКАЯ ДОРОГА
НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
И побежит ведь, бросится прямо наперерез
плотному вечернему потоку. Уже, конечно
понимали недолго нам осталось просто разговаривать
Клад каменного века, чтоб меня
Слушай, а ты случайно не журналист?
Кручу с кем хочу — бросила она в ответ
Я уже не гнался за химерами
Я ехал домой. Создать женщину хочешь?
Выходит, любовь моей
жизни — выдумка больного
сознания? И вся жизнь... тоже?
У меня есть цель и скоро я раскрою
самую главную загадку: куда я еду
Не страшно автостопом одной так далеко?
Разные за рулем бывают. Съездить с ней. Господи.
Может, я стал жертвой какого-то
секретного эксперимента? Раньше я
никогда не инте
ресовался историей
своих родителей.
А ПОТОМ
ВСЕ ВЗОРВАЛОСЬ
Кручу с кем хочу.— бросила она в ответ
Сотня километров-и вот он, конец маршрута
В висках билась только одна мысль
«Только бы успеть!» Трое гопников лежали
на земле, слабо шевелясь. Слушай, а ты случайно
Я стоял и вспоминал все те годы не журналист?
Сотня километров
и вот он, конец
Так я маршрута
милиционер! отозвался
обиженный лейтенант.
Мы словно дикие звери
СКОЛЬКО РАЗ ТЫ
ВЫРУЧАЛ МЕНЯ
Нас с ней
ничего
не свя
зывает
Ничего
Тепьки
Она
оберну
лась
Погля
дела на
меня. Молча
спокойно
доброжелательно
Три года
пустоты кончились.
Наконец я вернулся.
Место здесь какое-то домой
прокатное. Что не месте? Что авария
Ну, а вот и столица
Лежит в пыльном облаке собе
ПОЖАЛУЙ
ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ
В ЧЕМ Я СЕЙЧАС
УВЕРЕН
ДОРОГА
ЭТО ТЫ.
ПОЙМИ ЭТО
ИТОГ, ТЕБЕ ХОТЬ
В БОЛОТЕ
БУДЕТ ХАЙВЭЙ
МОЙ НАДЕЖНЫЙ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ТОВАРИЩ!
Куда там! Российский внедорожник! – гордо
Ирокрил стал готовиться. Она обвила его шею
форменного кителя
Россия
Российский
Трубным
Лаховым
Сотовым
Кирилл
А кто
Куда
Рам
Россия
Российский
Трубным
Лаховым
Сотовым
Кирилл
А кто
Куда
Рам
Россия
Российский
Трубным
Лаховым
Сотовым

Главный редактор: В. Ульянов
Координатор: А. Михайлов
Продюсер: Т. Чвоканова
Редактор: Я. Шенкман
Дизайн: В. Кондрашов, Д. Мирошниченко

Коллектив авторов: Н. Богоненко, А. Борисов, А. Жавжарова, А. Зиборов, А. Иванов, А. Каштанов, Д. Кащеев, К. Кудряшев, Р. Павлов, Д. Русинова, Е. Тимонова.

Попутчики. Сборник рассказов. — М.: ООО «Эдвайс», 2011 — 224 с.

Долгий путь, длинная трасса. Молчаливый водитель едет в Москву через всю Россию и берет случайных попутчиков. У этого человека есть цель, ради которой он готов оставить все. Есть воля, чтобы продолжать движение. Есть машина, которая не подведет. Нет только одного — понимания, как ему жить дальше. В рассказах попутчиков, как в зеркале, герой видит отражение собственной судьбы. И продолжает гнаться за своей любовью, которая, на самом деле, принадлежит совсем не ему...

© ОАО «Ульяновский Автомобильный Завод», 2011
© ООО «Эдвайс», 2011

ПОПУТЧИКИ

Сборник рассказов

ПРИРОДА
ДВИЖЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Лес **9**
Алексей Борисов

Служба **21**
Наталья Богоненко

Ночная гостья **31**
Роман Павлов

Феникс наших дней **41**
Дмитрий Кащеев

Ночной принц **51**
Александр Зиборов

Рождённые летать **61**
Наталья Богоненко

Женщина за трёшку **69**
Александр Зиборов

Всё к лучшему **79**
Евгения Тимонова

Дорога и люди **91**
Андрей Каштанов

Светлый рыцарь, чёрный пояс **99**
Дмитрий Кащеев

Вершины **109**
Александра Жавжарова

Кошка **121**
Алексей Борисов

Море **129**
Александра Жавжарова

Уральская история **139**
Анатолий Иванов

Мигалка **149**
Алексей Борисов

Близкий человек **161**
Александра Жавжарова

Археолог, восставший из ада **175**
Константин Кудряшов

Возвращение **193**
Дарья Русинова

Резьба по судьбе **203**
Константин Кудряшов

Дорога домой **211**
Дмитрий Кащеев

Меня зовут Егор. Пожалуй, это единственное, в чём я сейчас уверен, да и то не на сто процентов. Я ощущаю себя стопкой страниц, вырванных из толстого романа. Живу здесь и сейчас, так как почти ничего не помню о своей прошлой жизни, и будущее видится мне столь же туманным и непредсказуемым. Всё, что у меня есть, это старенький китайский навигатор с автомаршрутом Иркутск — Москва и письмо, которое я нашёл в лотке принтера. «Егор, прости. У нас не получится». У нас не получится... Сперва я опешил. А потом понял — Катя.

Славная, немного взбалмошная девчонка из столицы... Она умудрилась рассказать нам, коренным жителям, о душе нашего Иркутска. О городе, который мы совсем не знали. Её статьи заставляли гордиться новым Иркутском. Катя писала обо всём, о людях и событиях: о новой школе-интернате, о нелёгком труде селян в условиях сурового климата, о мальчике, маленьком гении, который в свои шесть лет уже освоил десяток музыкальных инструментов. Она искренне полюбила наш город, и город ответил ей взаимностью.

Восходящую звезду московской журналистики приглашали всюду. А она не отказывалась, заворожённая широтой сибирской души. Я следовал за ней везде, пока наконец не смог найти в себе достаточно мужества, чтобы позвать посмотреть на наш цех художественной резьбы по дереву. Она охотно согласилась, с неподдельным интересом общалась с нашими мастерами, фотографировала резные беседки, флюгера, детские городки... А потом я катал её по окрестностям Иркутска на своем «Патриоте». Где мы только ни побывали за это счастливое время, отмеренное нам жизнью. Я и сам раньше не подозревал, насколько прекрасной может быть природа, когда рядом любимый человек, с которым ты на одной волне. Роман наш

развивался настолько стремительно, что сейчас я уже даже не смог бы толком сказать, когда мы познакомились и при каких обстоятельствах. Важно, что мы были вместе.

И вот нелепый финал: записка в принтере, навигатор с маршрутом и полное отсутствие следов Катиного пребывания. Ни одной фотографии, ни одной женской мелочи, утерянной в спешке. Только несколько газет с её статьями. Объяснить причины её бегства было невозможно. Ведь всё складывалось так здорово — мы собирались отгулять свадьбу узким кругом в Иркутске и после вместе отправиться в Москву. Вместе...

И вот я еду по трассе. Один. На душе тошно и пусто. Я должен догнать её хотя бы для того, чтоб объясниться. Чтобы услышать лично то, о чём и так уже знал из куцего послания, оставленного у меня дома. Я даже не спрошу «почему».

Мимо проносились деревья и редкие фонари. Спокойно и деловито шумел двигатель «Патриота». Сколько раз выручал меня, мой надежный железный товарищ! И вот новое дело. Может быть, самое важное из всех.

Задумчивость — плохой помощник водителю, поэтому я даже обрадовался, когда увидел на обочине голосующего человека. Не люблю оставаться один на один с собой в таком настроении.

Крепкий подтянутый парень сел рядом.

— Алексей.

— Егор.

Мы немного помолчали. История его была какой-то нескладной, неправильной, но в жизни бывает именно так...

ЛЕС

Алексей Борисов

С детства Лёха был смазливым пареньком. И если кто смотрел со стороны, наверняка думал — растёт девчачья погибель. Раза три-четыре Лёха целовался в старших классах, но о том, чтобы всерьёз встречаться, мыслей не было. Так продолжалось до десятого класса. В тот год Лёха нечаянно и крепко влюбился в девчонку Зою из параллельного, стал её до дому провожать. Но не учёл серьёзного момента: у девчонки был ухажёр, крепкий и молодцеватый парень из одиннадцатого «Б». Кончилось тем, что Лёху крепко побили и отвадили ходить по пустырю возле Зойкиного дома. С тех пор Лёха слыл побитым тюфяком и неудачником.

Так бы ему и горевать до скончания века, но жизнь взяла своё, схватила Лёху под руку и кинула в обжитое, проверенное русло. Он поступил в институт. Студент на первом курсе — всё равно что первоклассник: вроде бы из ниоткуда, с чистой биографией и репутацией, кем хочешь, тем и становись. Как говорится, все дороги хороши, выбирай на вкус. Лёхина фотография в студенческом билете удалась со стопроцентной достоверностью. С неё на мир смотрел серьёзный замкнутый подросток с правильным красивым лицом. Он не спешил сходиться с новыми людьми и был по-своему доволен тем, что думают о нём однокурсницы: напыщенный самовлюблённый задавала, и, должно быть, девок много перепортил, а местными брезгует.

Лёха знал, что о нём думают. Он снисходительно похмыкивал на взгляды и смешки. И представлял, как всё изменится однажды. Как встретится ему одна, прекрасная, единственная. И тогда уж точно всё случится как в книгах или кино. Однокурсникам было до лампочки, что думают девчонки. Обузой в коллективе Лёха не был, а то, что держался сам по себе, одиночкой, всех устраивало.

Аня появилась в жизни Лёхи неожиданно и быстро. Дело было на субботней дискотеке в общежитии. В первый час всё шло как обычно. Лёха с приятелями выпил по пиву, покурил, а когда ребята вернулись в зал под светомузыку китайского бумбокса, там же оказались гости из другого института — дюжина парней и столько же девчонок. Все были немного навеселе, моментально перезнакомились, и Лёха оказался в тесном танце с высокой длинноволосой девицей. Косметики на ней оказалось не меньше, чем одежды. Танцу это не мешало. В календаре висели майские деньки, вот-вот должна была грянуть сессия, и девушки как будто соревновались, у кого тоньше топик и короче мини-юбка.

— Ты чё такой стрёмный?

— Давно не танцевал вот так.

— С девчонкой что ли?

Лёха уловил подвох в её вопросе, промолчал и обнял Аню крепче. Она прижалась к нему в ответ, а после дискотеки поцеловала его в щёку, и они обменялись телефонами. Аня сказала, чтобы он ей не звонил, сама позвонит, когда придёт время, — родители дают на телефон немного денег.

— Так вроде входящие бесплатно, — нахмурился Лёха.

— Для кого как, — сверкнула блёстками на веках Аня и звонко рассмеялась, — у меня особый тарифный план.

В тот же вечер Лёха напился, а на утро решил, что если вот это и есть долгожданное счастье, то какое-то оно странное. День за днём он уговаривал себя не думать о горячих Аниных руках и о глубоком вырезе на светлом топике. И всё-таки считал по числам дни и жил не мыслями, сколько дней до следующего экзамена, а скоро ли пройдёт неделя, и что будет после.

Аня позвонила через девять дней и предложила встретиться, погулять где-нибудь в центре, глянуть киношку, пройтись по набережной, а что дальше, будет видно. Дальше поцелуев дело не пошло ни в этот раз, ни в следующий. Любое действие, предпринятое Лёхой для развития их отношений, Аня моментально пресекала. Не так он представлял себе «ту самую» любовь, сердился на себя и на неё за то, что всё у них не так, как у людей. Да и не вовремя. Из-за свиданий с Аней Лёха едва не завалил экзамены, два раза приходил на пересдачу и еле-еле одолел третий курс. Сессия прошла, настало время летней практики. Лёха уже внутренне готовился к разлуке месяца на полтора, но получилось наоборот. Практику им назначили в одном и том же месте, в Академгородке, там и продолжились их невнятные отношения. Свободное время Аня проводила

по-разному: то со своими однокурсниками, то с ребятами из Лёхиного института, а иногда среди совсем незнакомых людей. Она ни с кем особо не сблизилась, так что многие были уверены — он её парень. Но и Лёху Аня держала на комсомольском расстоянии. Так продолжалось почти два месяца, до окончания практики.

Отметить это радостное летнее событие собрались за городом, на даче Лёхиного однокурсника. Звали его Леонид Степнов, для своих — Лес. Были они с Лёхой близкими приятелями, чуть ли не друзьями. Тот же колоритный, привлекательный типаж и внешность бабских любимчиков. Но в отличие от Лёхи Лес реально имел успех у девиц и пользовался этим без малейших угрызений совести. По характеру парень он был непростой, и многие предпочитали с ним не враждовать — себе дороже. Некоторые зубоскалили, мол, «с такими друзьями враги не нужны». Однажды они с Лёхой чуть не подрались по пустяку — не поделили спиннинг с японской катушкой. На следующий день Лес пришёл мириться с пивом. С того-то самого момента дружба между ними и пошла.

Конечно, Лес был в курсе отношений Лёхи с Аней, но ни разу с ним не говорил на эту тему, уважал личные тайны. А на вечеринке по случаю окончания практики за шашлыком и винцом намекнул, что для Лёхи с Аней он в любое время предоставит личные апартаменты — комнату на чердаке. Конечно, не отель, зато интимно.

— Спасибо, Лес, — смутился Лёха.

— Да не за что, старик. — Лес подмигнул другу и похлопал по плечу.

«Лес попусту заботится», — сердито думал Лёха. Аня хохотала в окружении подружек, танцевала под магнитолу на тесном пятачке под рябинами, поглядывала на него своим игривым взглядом, и дальше поцелуйчиков урывками, как обычно, дело не шло. Глубокой ночью она отправилась спать в отведённую девичью комнату, в компанию таких же девчонок-одиночек. Несколько парочек по очереди разбрелись кто куда, и Лёха остался один.

Ему не спалось, он так и просидел полночи под вино и сигареты и в конце концов твёрдо решил, что с него хватит. Надо будет завтра же уехать домой, напроситься через предков куда-нибудь подальше, к родственникам в деревню, и ну её, эту Аню, пусть найдёт себе кого-нибудь и крутит им, как ей вздумается.

— Ты тут не скис, заяц?

Вопрос прозвучал из-за спины, и Лёха не успел обернуться, чтобы высказать Ане в лицо все свои мысли. Она обвила его шею руками, а потом словам

помешал поцелуй. Всё происходило как во сне. Аня настойчиво потянула его за собой, и вскоре они вместе оказались у подножия чердачной лестницы.

— А там открыто? — насторожился Лёха.

Аня улыбнулась и показала ключик на тесёмке.

* * *

Едва утреннее небо начало сереть рассветной свежестью, Аня оттолкнула его и стала нащупывать впотьмах свою одежду. Они не разговаривали, не задавали друг другу вопросов. Лёха пребывал в полуобморочном состоянии, не мог понять, холодно ему или жарко, он только чувствовал, как ему было хорошо и как хотелось бы повторить это снова, если не сейчас, то как-нибудь попозже. Что чувствовала Аня, он не знал, не понимал, да и, наверное, ему тогда было всё равно. Она не смотрела Лёхе в глаза, а ему было достаточно тех мгновений, которые он помнил. В те мгновения, когда они были особенно близки, в её глазах блестело отражение лунного света.

Лёха чувствовал, произошло что-то важное. Он знал, теперь их отношения иные, в них появилось что-то большее, что-то должно, просто обязано измениться в поведении Ани.

Едва компания собралась после сна, рассредоточилась по месту пикника и потихоньку завела вчерашнее веселье, Лёха понял, что ошибся. Аня продолжала с ним вести себя так, будто ничего не случилось.

Лес нашёл его в комнате, где Лёха нервно и бестолково упаковывал рюкзак. Собирать было особо нечего, но он спешил, срывался, путался в застёжках. Лес нахмурился и несколько минут молчал.

— Что? — огрызнулся Лёха.

Лес, точно в издёвку над Лёхой, покрутил на пальце белую тесёмку с чердачным ключом. Нахмурился, шумно вздохнул, убрал ключ в карман и закурил, а потом заявил:

— Это всё чушь, ерунда и ребячество. Собирайся, я через пять минут тоже поеду.

— Не понял. Это же твоя дача.

— Наша. Сеструха через полчаса подъедет, звонила на мобилку. Она тут разрулит этот бардак и всех разгонит, а нам с тобой важнее разрулить твой бардак.

— В каком смысле?

— Ты знаешь, в каком. Сейчас я буду говорить тебе всякие вещи, но ты не спеши кидаться с кулаками, а лучше послушай. Лады?

Лёха неохотно кивнул.

— Я тебя старше на три года и кое-что не только в жизни, но и в бабах смыслю. Не лыбься ты так, я серьёзно. Ты не такой, как я, и это, блин, не знаю, хорошо или плохо, факт. Я, кстати, по Шолохову выпускное сочинение писал, а ты?

— По Шекспиру.

— Романтик, ёлкин корень. О том и речь, короче, ты из породы женатиков. Ну, знаешь, из тех, кому не в падлу все эти кастрюли да пелёнки.

— С чего это ты взял?

— Да ты погоди, послушай, не перебивай. Сдалась тебе эта коза драная, Анька. Лёха, тебе другая баба нужна, нормальная, обычная баба, а не эта длинноногая стерлядь.

— Как это ты за меня решаешь?

— Блин, ничего я не решаю, а просто хочу, чтобы ты на мир посмотрел. Поехали со мной в тайгу, ёлкин корень, прямо сейчас. Праки все сдали, а у меня друзья есть, у них там экспедиция вот-вот начнётся.

— Чего я, в тайге, по-твоему, не был?

— Видать, не был, — пожал плечами Лес и длинно затянулся новой сигаретой.

Через пятнадцать минут они уже стояли на платформе. Оба с рюкзаками и в штормовках, Лес прихватил видавшую виды двухместную палатку и два флакона «Дэты». Об остальном сказал не беспокоиться. Начальник экспедиции — свой человек, без тушёнки в лесу не оставит.

— Слушай, Лес, я вот, правда, никак не пойму, — начал Лёха, после того как они загрузились в электричку.

— С чего это я встрял в твои отношения с Аней? — догадался Лес. — Во-первых, ты мне друг, а во-вторых, она себя со всеми так ведёт.

— И с тобой?

— Иди ты лесом, — отшутился Степнов, и друзья от души посмеялись.

* * *

До нужной станции, посёлка Танхой, добирались больше суток. Денег с собой было немного, и студенты, где было возможно, ехали зайцами.

— Расскажи-ка, а чего они тебя с собою в экспедицию позвали, и вообще кто такие? — спросил Лёха, пока они сидели в придорожном кафе и пили ароматный чай с чабрецом. Лес вытащил из рюкзака потёртую флягу, подлил в стаканы с чаем душистого рома.

— Геологи. У них тут тоже практика. Ходят по хребту Хамар-Дабан, месторождения ищут. Понятное дело, всё полезное давно до них нашли и разрабатывают. А они там так, типы следовых пород учитывают, почвенные карты рисуют.

— Угу, — кивнул Лёха. — Ты — почвовед, тебе с ними интересно, по приколу.

— Да не, я им не в масть. Там оборудование донести, ещё куда ни шло, а вообще они сами по себе, я сам по себе. Так, тусуемся вместе. А ещё я гербарий собираю. С этим поможешь, лады?

— Лес, я не понял. Ты почвовед или ботаник?

— Я — энтомолог-приколист. Шучу. Хобби у меня такое тайное, понял?

— Странное хобби, — хмыкнул Лёха.

— Ну, это, знаешь ли, у каждого своё, — дёрнул бровью Лес и долил по стаканам из фляги.

* * *

В Танхой они приехали раньше срока. Экспедиция должна была прибыть дня через два или три. Лёха с Лесом вышли из электрички, вдохнули свежий, мокрый ветер с Байкала и скоро совершенно позабыли институт и практику, а вместе с ними все городские заботы. Густые синие волны с барашками бились о гальку недалеко от станции. Друзья поставили палатку прямо на берегу, под соснами. Пытались было искупаться, но вода оказалась холодной не по сезону, так что делать им было, в сущности, нечего. Они гуляли по посёлку вместе или порознь, а вечером сидели у палатки, жарили на ветках пойманную рыбу и болтали обо всём на свете.

Лёха давно так не выбирался на природу, год, а может, и больше. Да и прежде были пикники с родителями или студенческая практика. Теперь всё иначе. Он чувствовал себя физически оторванным от ясного привычного ритма городской жизни. Здесь, в небольшом селении, казалось, время двигалось иначе, плавилось и растекалось по пространству под спокойным и тёплым солнцем летней тайги. Люди двигались и говорили по-другому, их голоса звучали чисто, сочно и легко, не то, что в городе. Помимо голосов людей, звучали Байкал, тайга и тишина. Да что там голоса, все жесты, взгляды, позы у людей, казалось Лёхе, обрастали новыми, прежде невиданными смыслами. Однажды он шёл по сухой неровной дороге вдоль заборов и домов, и ему встретилась девочка лет четырёх или пяти. Она была одета в льняное платье с обесцвеченным солнцем узором, в чумазых руках несла куклу Барби с отвёрнутой назад головой,

а на правой сандалии болтался незастёгнутый ремешок. Безымянная девочка стрельнула в Лёху взглядом, от которого прошибло, будто разрядом. Лёха видел этот взгляд у женщин, либо где-нибудь в кино, либо на улице, в кафе или на дискотеке. Так может смотреть взрослая, опытная женщина, которая осознаёт своё умение привлечь мужчину и привлекает, заманивает его. Взгляд алчущей женщины-охотницы. Лёха содрогнулся от мысли, что этот взгляд, эта манера охотницы может быть врождённой, неосознанной. Что будет, если эта девочка сумеет осознать свой магнетизм, свои бесстыдные чары? А что если уже осознаёт и пользуется ими? Лёха нервно сглотнул, дошёл до перекрёстка и свернул на другую улицу.

В другом месте, на рынке, Лёха увидел пожилую женщину в простом бесцветном одеянии. Она смотрела на людей не по-старушечьи ясными голубыми глазами и разговаривала с каждым, кто оказывался рядом, но при этом не произносила ни слова. Говорили её чистые глаза, движения бровей, прикосновения тёплых шершавых ласковых пальцев. Она едва заметно вздыхала, её сухие губы всякому дарили то улыбку, то упрёк, то презрение. Каждый её взгляд или вздох казался Лёхе полным древних языческих тайн. Старуха торговала разноцветными тувинскими сувенирами и сухими таёжными травами.

— Ну как, нагляделся, впечатлился? — спросил его Лес на третий день. С утра они собрались рано, свернули палатку и выдвинулись на позицию, к электричке, на которой должен был прибыть геологический отряд.

— Да-а-а, — выдохнул Лёха.

— Ты погоди, сейчас самая движуха начнётся, — Лес подмигнул и указал на двери электрички. Оттуда повалила пёстрая толпа геологических девчонок и ребят. Кто в чём — одетые крикливо по-спортивному на западный манер или скромнее — в зелёное, практичное, родное таёжное. Лес представил друга щуплому и загорелому парнишке в светлой афганке.

— Зачислим на довольствие, не обидим. По тайге ходил?

— Ну, так, — смутился Лёха и впервые пожалел, что учится на престижной лабораторной кафедре.

— Не беда, — начальник экспедиции прищурился и улыбнулся в густые казачьи усы, — следуй правилам леса, и всё получится. Леонида держись, с ним не пропадёшь.

Лёха увидел, как Степнов едва заметно покраснел.

— А если что, зови Сергея Палыча, это я. Ну всё, давайте, поближе ко мне,

сейчас будем грузиться в вездеходы и поедем, — тут он неожиданно повысил голос: — Эй, народ, пожалуйста, внимание, объявляю задачу.

* * *

Через два часа они уже ехали в горы, а к вечеру остановились на привал с ночёвкой. Геологи быстро разбили лагерь, сразу было видно — в экспедицию собрался бывалый народ. Они легко и беззлобно подтрунивали друг над другом, Лёху с Лесом называли «микроскопы». Лес объяснил:

— Они так всех лабораторных называют, хотя и сами иногда разглядывают свои камушки в бинокуляры.

— Так ты же вроде тоже полевик, — заметил Лёха.

— А это, чтоб тебе, подшефному, обидно не было. Ты лучше, ёлкин корень, не болтай, гляди по сторонам. Это тебе не городские мымры, которые, кроме гламурных журналов, знать ничего не желают. Смотри, смотри. Не думай, что хочу тебе кого-нибудь сосватать, ты же знаешь, я такими глупостями не занимаюсь. Я только советую понять, что в этой жизни ценная руда, а что — сопутствующий шлак.

И Лёха смотрел. Девчонки были совершенно разного калибра, цвета и фасона. Загорелые, улыбчивые и проворные в хозяйстве. Можно было поручиться, каждая сумела бы не только поставить палатку, заготовить дров и сдать на знаменитый женский норматив пожарного и коневода. С каждой Лёха или Лес рискнули бы пойти не только в таёжный поход, но и в разведку. И только стоило взглянуть в любые добрые, задумчивые, строгие или смешливые девчоночьи глаза, мгновенно приходило понимание — тут нет простых и плоских дурочек, маминых и папиных избалованных любимиц. У каждой была своя полнокровная, возможно, непростая жизнь, она склоняла к вдумчивым словам и лёгким свежим шуткам. Лёха неожиданно подумал, что таких девчонок мало будет просто охмурить смазливым лицом. Чем мог бы, скажем, он привлечь любую из них, чем мог бы оказаться не просто полезен, а интересен?

Лес прочел на его лице сомнение и рассмеялся:

— Многие в тайге находят своё счастье. Зови, ищи, всё — без толку. Само находится. Я тебе не хвастаю, могу любую из них хоть завтра в постель затащить, а послезавтра она меня и не вспомнит. Мне такая ерунда совсем не по нутру. А так вообще, — Лес поискал кого-то взглядом, нашёл и незаметно показал искомое Лёхе, — ты вон к той парочке внимательнее приглядись, но не глазей, они тут этого не любят.

— Да понял я, чего они не любят, — отшутился Лёха, а Лес отчего-то нахмурился и буркнул: «Ну, как знаешь».

Парочка и правда была хоть куда. Дима с Ниной, если покрутить на языке, то Диманина получается. Была потеха тут не только на словах. Он — простоватый с виду паренёк, какой-то вроде бы излишне молчаливый и спокойный, с небольшими рыжими усами, как у главного геолога, разве что покороче. А она — задорная и хулиганистая, вся в веснушках, фенечках, с замашками юной каратистки. В шутку, а иногда и всерьёз они устраивали потасовки. Дима неизменно легко и делано лениво отбивался. Если в него летела палка или алюминиевая ложка, то чаще пролетала мимо цели. Незадачливая жертва артобстрела со смехом принимала извинения Нины. Однажды они умудрились опрокинуть палатку, и весь лагерь на привале оценил их баловство смехом и свистом.

Надо было быть последним дураком, чтоб не понять: готовая парочка, не разлей вода. Но спали они порознь: он в палатке с пацанами, а она с подружками. А, бывало, спали на привалах вперемешку — по пять, по шесть человек в палатке, и не важно, парни там или девчонки. «Ты с Мишкой спала? — Я спала. Ужас какой-то: храпит, как паровоз. — А я вот с Васей спала вчера, он потом с утра ругался, мол, во сне локтями больно в него тыкалась. Ну что за бред, скажи? Вот ты спала со мной? — Спала. — Я тебя локтями разве тыкала?» Лёха с Лесом разговор услышали нечаянно, а потом все вместе смеялись до упаду.

Всякое бывало в экспедиции, не было там только нарочитого интима для влюблённых парочек. Лёха поразмыслил и решил — хорошее правило. Меньше сплетен и завистливых вздохов.

Через неделю неожиданно полил тяжёлый долгий дождь. Он продолжался с небольшими перерывами три дня, и все дороги под хребтом размыло вдрызг — неровные участки с колеёй превратились в дикую трясину. Все три дня стояли на привале безвылазно. Пили чай, а иногда и что покрепче, но немного. Лёха вдоволь наслушался песен Визбора, Высоцкого и Цоя. Таёжный мир, всё ощущение его сгустилось у Лёхи до небольшого замкнутого царства возле экспедиционного костра. Мир пропитался звуками гитарных аккордов, уютным запахом густого дыма, чая на душистых травах, ароматами сосновых смол и туристических снастей. Весь мир звенел голосами и смехом счастливого нескучного безделья.

На третий день снялись с привала. Но не успели проехать и километра, как встретили в жиже бездорожья горемыку. «ЗИЛ» застрял по самые двери и без посторонней помощи имел все шансы остаться тут зимовать. Геологи не

растерялись — на то и транспорт у геологов особый, проходимый. За несколько минут соединили «ЗИЛ» и вездеход могучим металлическим тросом, и водитель гусеничного агрегата дал газ.

Трос надёжно закрепили с обоих концов. Он оборвался где-то посередине. Хлёсткий удар с влажным хрустом метнулся над бездорожьем. И бессильные куски металла потонули в грязи. Не было ни крика, ни стона. Всё произошло мгновенно.

Нина упала.

Лицом вниз.

Скользкая бесцветная грязь под ногами быстро краснела.

Кто-то сдавленно кричал, звал Сергея Палыча, но в крике не было необходимости. Он оказался подле Нины в тот же миг, что и Дима. Оба что-то делали, и оба молчали. Не прошло и двух минут, как они встали с колен. Лёха не посмел посмотреть им в лица, да, наверное, никто не посмел. Толпа отхлынула, дважды расступилась. В малом русле оказался Дима. Он стоял и смотрел прямо перед собой, видимо, пытался осознать, но не мог. Он сделал несколько безумных шагов, а потом бросился обратно в грязь, туда, где лежало тело девушки. По второму руслу глава экспедиции прошёл в кабину вездехода. Там уже расчехлили походную рацию.

В эту ночь горело несколько робких костров, не слышно было песен, голоса звучали приглушённо. Ждали наступления утра.

А в семь часов прилетел вертолёт. Люди в милицейской форме долго разговаривали с руководителем экспедиции, вместе заполняли протокольные бумаги. Документы трещали и мялись на ветру под свистом лопастей, норовили вырваться из рук и улететь куда-нибудь, где будут никому не нужны.

Лес поманил к себе Лёху и прошептал:

— Ты, если хочешь, оставайся с ними, а я пойду.

Он смотрел в лицо Лёхи зло, точно приготовился к бою или к вопросам, а может, к упрёкам. Но Лёха промолчал. Тогда Леонид сказал своё последнее слово:

— Прощай.

Лёха так и не понял, кем был Лес для участников экспедиции, случайным попутчиком или кем-то близким, своим. Оставалось лишь гадать, какими были отношения Леса и Нины. Не послужила ли её нелепая смерть причиной поспешного бегства Леонида Степнова. Как бы ни было на самом деле, Лёха в этом коллективе, а тем более без Леса, не успел стать своим. Когда у людей общее горе,

они невольно сторонятся тех, кому это горе не близко. Лёха попрощался с геологами сухо, деловито сказал всем «до свидания» и улетел из тайги на том же вертолёте, в который погрузили тело Нины.

Студенческое лето кончилось по календарному закону. И жизнь должна была пойти своим чередом, но что-то разладилось.

— А ты какой-то не такой, — сказала Аня на первом осеннем свидании.

— Да всё нормально, ёлкин корень, — отозвался Лёха тоном, невольно подхваченным у Леса. Он обнял девушку, о близости с которой ещё недавно мечтал и терзался. Было чувство и не было. В душе он ощущал раздвоенность, а в голову лезли беспощадные мысли. В последние дни лета Лёха больше думал не об Ане, а о девушке из экспедиции. Любил ли он её? И можно ли любить, но не знать? Он никогда не знал ни Аню, ни Нину, а может, и не любил. Ни ту, ни другую.

Любовь похожа на магнит, думал Лёха рядом с Аней. Каким-то чудом повернётся полюс, и всё сложится, а если повернётся как-нибудь иначе, ничего не поделать. Он даже не заметил, как всё изменилось. Аня перестала держать его на расстоянии, наоборот, она старалась быть к нему поближе, а однажды он услышал её слёзы и слова:

— Мне кажется, что я разбила прекрасную вазу.

Лёха только пожал плечами и не запомнил день, когда они расстались.

* * *

Лес остался его другом, близким человеком, с которым хочется поговорить и поделиться самым сокровенным. Лёха представлял, как задаёт ему вопросы или спрашивает совета. Неоднократно в мыслях он хотел спросить, а Нина, кто она, и что между вами было? Но никогда не стал бы говорить об этом первым. Лес уважал личные тайны, и друг отвечал ему тем же. Что стало с Лесом после, неизвестно. Поговаривали, будто он бросил институт, ушёл в тайгу и заделался лесничим на дальнем кордоне. Наверное, там он и закончит собирать свой гербарий, с грустью думал Лёха и всей душой желал ему счастья.

Парень вышел, а его рассказ поехал со мной дальше. Лес... Вроде ничего общего с моими метаниями, а всё же... В тайге всё просто. Жизнь, смерть, выживает сильнейший. Хуже, когда заблудился в лесу человеческих отношений, где все мы — мужчины и женщины — бродим кругами. Моя запутанная ситуация не стала проще, но теперь я вспомнил, что не один несусь куда-то в потемках, и у других тоже существует множество «зачем» и «почему»...

СЛУЖБА

Наталья Богоненко

— Ой, а вы ведь мимо Тайшета едете? Будьте добреньки! У папы сослуживец в гостях был... Хотел на поезде поехать, да очень неудобно — ему ещё от Тайшета на автобусе до села добираться, он так домой только к ночи попадёт. Может, возьмёте его?

Егор даже обрадовался — на душе было совсем темно, и он уже раздумывал, а не повернуть ли назад. «Что ж, подвезу человека, а там и повернуть можно...»

Официантка бросилась звонить домой, а Егор заказал ещё одну чашку горячего сладкого чая. Через полчаса в кафе вошли двое мужчин лет семидесяти — они обнялись на прощание, и один из них — седовласый, худой, с аккуратной бородкой — подошёл к Егору.

— Здравствуйте. Кирилл Николаевич. А вы, видимо, Егор, с которым я поеду. — Они пожали друг другу руки.

— Да, всё верно. Часа через три-четыре будем на месте, это как повезёт. Давайте я вам помогу. — Егор поднял чемодан.

— Спасибо, я сам. — Кирилл Николаевич подхватил чемодан и с молодецкой лёгкостью побежал к машине.

Сначала ехали молча, пока у попутчика не запиликал мобильный.

— Матушка, не волнуйся, еду уже, еду, буду к вечеру, накрывай на стол. Нет, не на поезде, на автомобиле везут, с комфортом! Что, донимают тебя? Не верят, что успею к завтрашней службе вернуться? Ну, так ты скажи, что отец Кирилл велел ждать — буду всенепременно!

Перехватив удивленный взгляд Егора, Кирилл Николаевич улыбнулся.

— Что, молодой человек, удивляетесь, что священника везете? Непохож?

Егор смутился.

— Почему, непохож... Удивляюсь скорее, что вы в армии служили. Официантка

сказала, что сослуживца отца я везу. Может, я понял, что не так...

— Нет, Егор, всё верно. Пришлось мне послужить, как ни удивительно. Причём я уже в сане был. Советская власть нас ведь не очень жаловала...

Егор выключил радио.

* * *

— Кирилл! У тебя сзади ряса разрезана! Как ты не заметил!

Совсем новый подрясник, как же так... Кирилл, обернувшись, огорченно рассматривал большие порезы на черной материи. Это был уже не первый случай, который подтверждал — выбранный путь оказался не из простых. На занятия в окна семинарии часто летели камни, дети плевались на улице бумагой, взрослые женщины и мужчины презрительно отворачивались, видя юного семинариста где-нибудь в очереди или автобусе. Как только Кирилл стал готовиться к принятию сана и надел рясу вместо форменного кителя, он почувствовал на себе агрессию и непонимание, которые преследовали его с детства.

— Опомнись, Кирилл! Неужели ты веришь в это мракобесие!

— Кирилл, не порть себе жизнь!

— Подумай о матери!

Все это Кирилл неоднократно слышал как от незнакомых, так и от самых близких людей. После деревни, где он провёл детские годы, ему было непривычно сталкиваться с неверием. В самые сложные минуты Кирилл вспоминал огонёк лампадки около иконы Николая Чудотворца и жаркие молитвы бабушки Марфы: «Угодниче преизрядный Господень, Теплый наш заступниче и везде в скорбях скорых помощниче...»

Одноклассники мечтали стать пожарными, врачами и учителями, а маленького Кирилла с детства тянуло в церковь, достигнув совершеннолетия, он уже не сомневался в своём предназначении.

— Кирилл, ну что ты, не расстраивайся, я всё зашью, будет незаметно! — Анечка старалась успокоить мужа. Они поженились совсем недавно. Выпускница музыкального училища Аня преподавала музыку в школе и готовилась к переезду в приход по распределению — ректор семинарии обещал Кириллу отправить их молодую семью поближе к родителям Анечки, которые часто болели.

— Спасибо, родная. Опять школьники хулиганят... Я ненадолго, поем и в библиотеку — боюсь экзамен провалить...

— Да что ты, Кирюша, разве можно? Ты непременно сдашь, я уверена! — Аня верила в мужа и видела упорство, с которым он занимается.

Распорядок дня в семинарии был непрост: первую половину дня шли занятия — будущие священники изучали более тридцати предметов, аналогов которым не было в светских вузах. После обеда шли самостоятельные занятия. Кроме того, семинарист раз в неделю, в один из будних дней, был обязан петь в хоре — нести клиросное послушание. Железная дисциплина, сравнимая с армейской, запредельные учебные нагрузки и постоянный контроль со стороны начальства отсекали тех, кто был не готов посвятить жизнь служению. За курение и вообще за малейшую провинность семинариста могли наказать, а то и выгнать из семинарии.

Кирилл задумчиво поглядел на жену — ходили слухи, что их выпуск будет последним, и семинарию закроют до лучших времен — режим закручивал гайки, священники были неугодны власти. Кирилл волновался — представляет ли его дорогая, такая неприспособленная к жизни Анечка, что её ждёт на новом месте?

* * *

Кирилл обтёр пот со лба. Да, предстоит большая работа, чтобы привести церковь в пристойный вид.

— Отец, кинь шпатель! — Строитель Олег, который вызвался помогать Кириллу, работал споро и ловко. Он и кровлю крыл, и заготовки на верстаках делал, и стены шпаклевал. Кирилл не спрашивал его, как он попал в богом забытое село и почему помогает ему. Сам Олег тоже не спешил откровенничать — восстановлением церкви занимался в охотку, исправно посещал службы по выходным в храме соседнего села, где служил отец Кирилл, и про будущее не думал. А если и думал, то ничего Кириллу не говорил.

— Олег, ты представляешь, ко мне вчера опять из исполкома приходили. Грозили выслать и запретить нам работать. Если до дела дойдет, поеду в облисполком жаловаться, что памятник архитектуры мешают восстанавливать! Куда это годится — крыша вскрыта, работа полным ходом, а они — запрещать!

Прибыв на место с молодой женой, деятельный Кирилл сразу же нашел себе занятие — восстанавливать небольшую церковь по соседству. Каждый день, когда не было службы, он приезжал на стареньких «Жигулях» в село и до ночи работал с Олегом. Местные трактористы и пастухи крутили у виска, старушки

неистово крестились каждый раз, приходя к церкви и наблюдая, как движется строительство. Кирилл верил — с божьей помощью они смогут закончить дело. Но пока работа только начиналась — по стенам церкви текла вода, в зимнее время сильно разрушался фундамент. Строительство затягивалось и по причине нехватки рук — вдвоем с Олегом они успевали немного.

— Отец Кирилл, не серчайте на меня, но я тут слышал... будто вам товарищи из исполкома предложили квартиру и перевод в Саратов, и вы как будто раздумываете... Правда это или брешут люди?

Кирилл не удивился — неугодного попа действительно пытались то кнутом, то пряником выдворить из села и отправить в большой город.

— Что ты, Олег! Дело у меня тут, и никуда я не собираюсь! Да и привыкли мы с Анечкой уже — даром что условия...

Олег вздохнул с облегчением и, заметно повеселев, принялся за шпаклевку с двойным старанием.

В церковь забежала запыхавшаяся Аня.

— Что случилось, матушка? — Кирилл давно не видел жену в таком состоянии.

— Повестку принесли тебе, батюшка... Из военкомата двое пришли, спрашивали тебя — где, говорят, этот дезертир прячется — ему давно служить пора...

Аня тихо заплакала. Кирилл, успокаивающе погладил жену по спине, сам не меньше взволнованный произошедшим.

— Ну-ну, не плачь, милая. Это, наверняка, какая-то ошибка...

* * *

Егор слушал отца Кирилла и не мог поверить: отец Кирилл служил в военной части под Иркутском — драил туалеты, чистил полы, сдавал нормативы. Посмеиваясь, он сравнивал армейские порядки с порядками семинарскими.

— А что, очень похоже. Форма — раз, режим — два, постоянно недоедать я тоже привыкший. Единственное — дедовщины в семинарии не было, а в армии, конечно, все пришлось пройти. Не мне, меня ребята сразу зауважали, стеснялись Кириллом просто называть, все норовили то батюшкой, то святым отцом... Хотя разрешение служить у меня сразу отняли, как призвали. А что делать? Время такое было... Совет по религии решал, кого казнить, так сказать, а кого и помиловать. Ни один я, конечно, под раздачу попал.

Егор не мог сдержать удивления.

— Как же так, отец Кирилл? Тяжело вам, наверное, после рясы казённую

форму носить было. Да и автомат в руки как вы взять смогли?

Кирилл улыбнулся.

— Все правильно говоришь. А что делать было? Главное, во всех тяготах господь был со мной, а то, что форма, — так ведь содержание важно, а обёртка любая может быть. Правда, каждый день я видел во сне, как служу в церкви... Причём, что интересно, не там, где я до армии служил, а в той, что восстанавливал со строителем. Как будто церквушка разрушена, а я всё равно служу, да так хорошо, светло кругом, народ стоит, Анюта моя в хоре поёт... Просыпался в казарме — хоть плачь! И ещё с друзьями мне повезло: крепко мы втроём сдружились — Ванька Черных, Паша Кузнецов и я. До чего славные ребята!

* * *

Анюта прислушалась — половица скрипнула в сенях или показалось? Поискала глазами топор — всё там же, около печки. Громко окрикнула:

— Свои или гости дорогие?

Дверь распахнулась, и на пороге стоял Кирилл. «Господи, до чего же худой!» — Аня бросилась к мужу на шею.

— Свои, свои! Что, не ждала, голубка? А вот он я. Решил сюрпризом приехать. Удался подарок?

Аня тихо плакала. Наконец-то вернулся! Три долгих года дались Ане нелегко: пришлось устроиться на работу в коровник — в местной школе учительницы музыки не нужны, а жить надо было.

— Удался, удался! А то, что плачу, не смотри, это от радости!

Кирилл улыбнулся. Жена умудрялась писать ему длинные весёлые письма, не рассказывая, как ей живётся на самом деле. Но любящее сердце не обманешь. Кирилл, зная, что Анюта побежит занимать денег и накрывать стол, если узнает о его приезде заранее, решил нагрянуть неожиданно.

Поздно вечером, после бани, они сидели на крыльце и тихонько строили планы.

— Что же делать, Кирюша? Поедешь к владыке просить восстановления? — Аню беспокоила судьба мужа. Его призвание — служить Богу, ни на какой другой работе она его не представляла.

— Не знаю, Анюта, не лучшее время сейчас... Пока добирался, наслушался историй — почти все семинарии в стране закрыты, священников призывают, церкви заколачивают... Думал я пока строительством заняться, церковь хочу

продолжить восстанавливать. Жаль, Олег уехал, да ничего, сам справлюсь, а там, может, и люди подтянутся. А после, глядишь, что-то да и изменится. Тебе вот только, голубка, тяжело придется. — Кирилл с беспокойством посмотрел на жену. — Может, и мне стоит на поклон сходить к председателю, пусть меня устроит в цех хотя бы столярный...

Аня замахала руками:

— Что ты, Кирюша! Тебя до сих пор отцом Кириллом люди называют, а ты в цех собрался. И думать забудь! Восстанавливай церковь, проживём как-нибудь... А время всё на места расставит.

* * *

Кирилл сколачивал доски — леса приходилось ставить заново. К его расстройству в селе не нашлось желающих продолжить богоугодное дело и принять участие в реставрации. Приходилось всё делать самому. Строительство продвигалось медленно — одному было несподручно и кровлей заниматься, и стены чинить. Но Кирилл не сдавался — он твёрдо решил, что доведёт начатое до конца. Несколько раз приезжали из области, да что с него взять! Всё, что могли, уже сделали. Поэтому согласились с формулировкой «Восстановление памятника архитектуры» и убрались восвояси.

— Эй, строитель! Помощники не нужны?

Кирилл удивленно обернулся — неужели?..

— Что, отец, сослуживцев не узнаешь? — Ванька и Паша! Вот уж кого не ждал! Мужчины обнялись. Такие непохожие — балагур и весельчак Ванька, немногословный Паша и рассудительный Кирилл, — они понимали друг друга с полуслова и сдружились к удивлению всей роты. Демобилизовались друзья в один день и разъехались. У каждого была своя жизнь — парни уехали в Иркутск, Кирилл вернулся в деревню. Он никак не ожидал увидеть их здесь после шести месяцев разлуки, но всё равно был ужасно рад.

— Какими судьбами? Проездом или погостить? — Кирилл с радостью смотрел на друзей и мысленно прикидывал, где постелить, чем накормить и как задержать гостей дорогих подольше.

Ванька с Пашей переглянулись.

— Да по письму твоему последнему поняли, что дело у тебя не споро движется. Решили помочь. Возьмёшь в работники? Нам много не надо — крыша над головой и хлеб с водой, да и то на первое время!

— Как же так, ребята? У вас ведь в Иркутске жизнь — дела, родные... Да и денег я платить вам не смогу — сам работаю за идею. Вам надо свою жизнь устраивать — работу искать, жениться. Ты вот, Ваня, помнится, собирался сразу по возвращении. Или передумал?

Иван посерьезнел.

— Нет, не передумал. Она мнение свое изменила. Долгий разговор, да и ни к чему это. Мы с Пашей так решили, что работу найти и тут сможем, нас в Иркутске ничто не держит, мы парни с руками и головой — прокормим себя. По вечерам, на выходных будем тебе помогать. А про жениться... Ты вроде говорил, что прихожанки у тебя были красивые, а? — Ваня громко засмеялся собственной шутке.

Паша тронул Кирилла за рукав.

— Кирилл, мы, правда, хорошо подумали. Если не сложится тут, успеем в город вернуться. А тебе всё же помочь хотим — один ты вряд ли управишься.

Кирилл пожал плечами.

— Не знаю, ребята. Не хочу жертвы от вас такой...

Иван загорячился.

— Какой жертвы? Или не слышишь ты, чего говорим тебе? Это наше собственное желание, а хочешь ты или нет — значения не имеет! Приехали помогать и поможем!

Кирилл успокаивающее похлопал друга по плечу.

— Не горячись, друг! Я вас, конечно, останавливать не буду — помощь мне и правда пригодится. А вы только зароки не давайте — посмотрите месяц-два, понравится, устроитесь здесь — хорошо, а нет — никаких обид, расстанемся друзьями. Одно меня радует, что приехали, хоть я вас и не звал. Спасибо вам за это от всего сердца!

Ваня засмеялся:

— Вот так сразу бы! А то спорить стал, гнать нас... Ну, с женой знакомиться поведёшь или работать сразу заставишь?

* * *

— Не скоро ребятам уехать пришлось — восемь лет мы церковь восстанавливали. Они и жениться успели, и детей родить. Все отпуска, правда, мы вместе, на лесах проводили. Да... А там уже и послабление стало — я к владыке съездил, вернул себе разрешение служить. Каждый раз у меня сердце радуется, когда

в церковь захожу! Если бы не ребята, я бы до сих пор дыры латал! Паша недавно уехал к дочери поближе — вы его и сами видели, а Ивана похоронили пять лет назад...

Егор снова погрузился в свои мысли. Вот человек. Поставил цель, верил, боролся и достиг своего. А ведь мог бы свернуть, найти дорожку протоптанную. Егор решился задать вопрос.

— Скажите, отец Кирилл... Стоит ли упорствовать, если толком и не знаешь, что за цель у тебя?

Священник задумался.

— Повернуть-то всегда легче, сынок. Мне сложно судить — мне вера помогала, знал, что богоугодное дело делаю, не было сомнений. Я так думаю, что верить всегда нужно — в то, что делаешь, в тех, кто рядом с тобой. Если веришь, что кругом люди хорошие, так оно и будет. И с путём то же самое — ищешь вроде дорогу, и всё кочки какие-то. А вот если веришь, то мало-помалу выруливаешь на ровную трассу, по которой и сворачивать не захочешь. Запутал тебя или ответил на твой вопрос?

Егор грустно улыбнулся.

— Ответили, отец Кирилл, спасибо...

Оставшуюся дорогу ехали молча. Кирилл чувствовал — Егор погружён в собственные мысли, и ему есть, о чём подумать...

...Священник, сам того не желая, всколыхнул в моей душе сомнения, осадком лежавшие на дне. Куда я еду? Что и кому хочу доказать? Себе? Кате? Не проще ли повернуть домой? Проще... В том-то и дело, что проще. Тому же отцу Кириллу было бы куда как легче бросить всё и забыть как страшный сон. Но он удержался на своей трассе, хотя сложности у него были — не чета моим. Против государства пошёл, против махины. А у меня делов-то: догнать — сказать!

...Доставив отца Кирилла до нужного места, я недолго пребывал в одиночестве. Да и не очень хотелось быть одному, если честно, после разговора со священником. А вот и пассажир кстати. Надеюсь, нам по пути.

Человек, подсевший ко мне, оглядел салон машины и радостно улыбнулся:

— Я смотрю, у вас тоже Патрик?

— Не понял, что?

— Ну, как же... Патрик — УАЗ «Патриот». Один мой добрый знакомый так ласково называет своё авто. С ним как-то приключилась забавная история, можно сказать, судьбоносная встреча, когда он ехал на этом своём УАЗе ночью...

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

Роман Павлов

— Чёрт возьми, кто это? — Игорь вильнул рулём в сторону и чуть было не поймал столб. На мокрый от дождя асфальт вылетела молодая девушка. Упала на бок и замерла. Игорь распахнул дверь своего «Патриота» и выскочил из-за руля. Подошёл к девушке и, затаив дыхание, склонился над ней.

— Дышит, слава богу, — понял он и попытался перевернуть странную девушку на спину, чтобы рассмотреть её лицо. — Одно точно — я её не знаю. Но что с ней?

Игорь огляделся по сторонам. Ничего и никого подозрительного поблизости не было. Лишь тусклая луна сквозь уходящие дождевые тучи да тихий рокот речки Тайшетки.

Вдруг Игорю на миг показалось, что девушка вздохнула. Он склонился ещё ближе и замер, прислушиваясь:

— Нет, показалось.

Он взял её на руки и, слегка придерживая под шею, отнёс в машину.

Подъехав к своей старой пятиэтажке, Игорь осторожно приоткрыл окно и, озираясь по сторонам, вытащил ключи из замка зажигания.

— Спите-спите, — прошептал он кому-то невидимому, беглым взглядом осматривая окна дома. «Не спало» только одно окно.

— Баб Ганя, вот старая шпионка...

Игорь посидел пару минут и вышел из машины. Окно соседки погасло.

— Следит, — мелькнула в голове язвительная мысль.

Он широко распахнул заднюю дверь, взял девушку на руки и внёс в дом.

— Мя-а-а, — заорал из темноты испуганный кот.

— Вот гад! Бася, заткнись! — прикрикнул на кота Игорь. — Наступил что ли? Опять у порога дрых...

Не снимая обуви, он пронёс гостью в зал и аккуратно положил на софу. Девушка оставалась безмолвна. Игорь быстро скинул куртку и отбросил в угол. Намочив полотенце, аккуратно, словно всю сознательную жизнь только этим и занимался, протёр девушке запачканное лицо, накрыл её пледом, выключил свет и удалился в соседнюю комнату: утро вечера мудренее.

Грохот разбудил Игоря рано утром. Он вскочил как ошалелый, уставился опухшими ото сна глазами в электронное табло часов на тумбе:

— Какого чёрта? Пять утра...

Игорь заглянул в зал. Ночная гостья сидела на полу и отсутствующим взглядом озиралась по сторонам.

Когда в проеме появился мужчина, она тихо взвизгнула, вскочила на ноги и тут же обессиленно опустилась на пол.

— Кто вы? — испуганно тараща размазанные глаза, спросила девушка.

— Нет, это вы кто? — уже по-хозяйски переспросил Игорь.

— Оля. Жалова, — ответила гостья и жадно глотнула воздух.

Игорь вошёл в комнату, включил свет и сел в кресло.

— Что же с тобой делать? Может, в больницу надо?

— Нет-нет, — засуетилась Оля, — у меня всё хорошо. — Она осторожно приподнялась на руках и перебралась на диван.

— Может, воды? — по-джентльменски учтиво спросил Игорь.

— Да, если несложно, — выдохнула Ольга.

Игорь, словно опасаясь, что девушка в его отсутствие растворится в воздухе, сорвался с места и мигом принёс ей гранёный стакан с холодным «Нарзаном». Оля жадными глотками опустошила стакан и тяжело выдохнула:

— Спасибо.

— Да ничего. На здоровье, — изображая из себя джентльмена, ухмыльнулся Игорь. — Может, расскажешь...

— Что?

— Ну, откуда, куда, почему ночью и на дороге... — начал допрос Игорь.

— Да, в общем, ничего интересного, — прервала его Оля.

— А мне интересно. Ты у меня дома. Может, ты воровка. Втираешься в доверие... — в шутку стал нападать Игорь.

— Я сейчас уйду, — Оля резко встала и тут же осела обратно на диван.

— Извини. Ладно, давай спать. С утра разберёмся.

Игорь щёлкнул выключателем и вышел из комнаты.

* * *

Проснулся Игорь от жгучего ощущения чьего-то присутствия рядом. Он приоткрыл один глаз. Прислонившись к косяку двери, стояла Оля, необыкновенно красивая, и рассматривала его.

— Ты чего? — Игорь повыше натянул на себя простыню и уселся посреди кровати.

— Прости, если напугала.

— Да нет, не напугала. Что случилось? — переспросил Игорь.

— У меня была дамская сумочка, такая голубенькая. Ты не находил? — вопросом на вопрос ответила Оля. — Кстати, можно узнать твоё имя?

— Ах, да. Игорь, журналист.

— А журналист — это фамилия? — попыталась запустить шутку Оля. — Так была сумочка?

— Да, что-то было. Посмотри там, в прихожей у зеркала.

Оля вышла из комнаты и тут же вернулась с сумкой в руках.

— А ты не открывал её случайно? — снова спросила она.

— Нет. А что там было? — заинтересовался Игорь.

— Уже неважно...

Ольга прислонила голову к косяку и виновато улыбнулась:

— Будешь чай? Я у тебя немного похозяйничала.

— Да, конечно, — ответил Игорь. — Сейчас, только надо одеться.

Оля кивнула и вышла.

* * *

Громкий звонок в дверь напугал их. Игорь встал и пошёл к двери. Оля схватила его за руку:

— Не открывай никому.

Она была ужасно напугана.

— Да это, наверное, баба Ганя. Шпионка старая. А так, в общем, ничего старушка. Только любопытная чересчур.

На пороге стояла соседка Игоря Агафья Петровна с пирогом в руках:

— Игорёша, а это тебе. Яблочный.

— Баба Ганя, вы — чудо. Я... мы как раз собирались завтракать, а к чаю — ничего. Заходите, — отшагнул в сторону Игорь, и бабуля вошла в прихожую.

— Ты не один? — беззубая улыбка озарила её морщинистое лицо. — Когда ж ты женишься...

— Баб Ганя, ни-ког-да! — заверил Игорь и захлопнул за ней дверь.

— Здравствуйте, — Оля привстала со стула, едва завидев вошедшую соседку.

— Сиди, милая. Я вот пирог принесла. Игорёша мне как внук. Угощайся.

Знакомство Оли и бабы Гани прошло благополучно. Уже через пять минут они щебетали, как заправские подружки, забыв о хозяине квартиры. А Игорь молча пил чай вприкуску с «шарлоткой», и ему на миг показалось, что он знает Олю уже очень давно.

* * *

— Хороша девка, — засобиралась Агафья Петровна, но вдруг вцепилась в рукав рубахи Игоря, — не упусти.

Едва Игорь закрыл дверь и отошёл, раздался звонок.

— Ну, баб Ганя... Что ещё? — Игорь вернулся и открыл дверь. На пороге стоял внушительных размеров детина и жевал жвачку.

— Ольгу можно?

Игорь опешил:

— А вы, собственно, кто?

Детина, недолго думая, отодвинул Игоря и вошёл без приглашения, громко захлопнув дверь.

— Какого чёрта? — вскрикнул Игорь и в тот же момент осел на пол, получив сильный удар в лицо.

* * *

Открыв один глаз (второй слипся от крови из рассечённой брови), Игорь попытался встать. В голове звенело и гудело. Собственные шаги отдавались эхом. В квартире, кроме самого Игоря, никого не было.

— Чёрт, где Оля? Кто это был? — голова абсолютно отказывалась соображать. — Как он узнал?

Игорь бросил беглый взгляд на диван и увидел небрежно брошенную дамскую сумочку. Это была какая-никакая зацепка во всей этой странной истории.

Самой ценной вещью из прочих дамских мелочей сейчас был лишь маленький серый блокнотик. Куча каких-то цифр, дат, иностранных имён...

— О, подруги! — обрадовался Игорь записи «Подруги» в самом конце блокнота.

Он бегло переписал все имеющиеся имена и номера телефонов, взял с тумбы мобилу и набрал Антона, друга, дебошира, советчика и просто хорошего опера.

— Алле. ОВД на проводе, — как всегда, пошутил в трубку Антон. — Рад слышать тебя, друг мой.

— Взаимно, — мрачно ответил на шутку Игорь.

— Ты что, брат, с похмелья? — засмеялся Антон. — Почему не пригласил?

— Да нет. Антоха, ты мне сейчас нужен. Можешь подъехать? Только побыстрее.

— Э-э, брат. Я не по этим делам. Тебе женщина нужна, — продолжал хохмить друг. — Жди, буду.

Короткие гудки сотнями тончайших игл впились в голову.

* * *

На лестничной площадке кто-то долго шуршал, прежде чем позвонить. Игорь метнулся к дверному глазку. Это был Антон.

— Алле оп! — в одной его руке был мятый пакет с чем-то съестным, а в другой — бутылка Red Label. Не дожидаясь приглашения, он вошёл в прихожую, наскоро сбросил стоптанные набок туфли и прошёл в кухню. Игорь молча проследовал за ним.

— Красавчик... Давай бокалы. История потом, — Антон почесал нос. — Давно ждал приглашения.

— Ну, рассказывай, — Антон пристально посмотрел на друга, как только опустела первая рюмка виски.

— Короче, влип я, Антоша, — начал Игорь. — За одни сутки успел и влюбиться, и в рожу получить, и подругу потерять.

Он рассказал всю свою историю — от начала до конечного эпизода с громилой, по крайней мере всё, что знал, о чём догадался.

— Да-а, дружище. Весело живёшь, — подытожил Антон. — Сейчас совет один: сиди на попе ровно, не дёргайся. Блокнот я заберу. А завтра тебе перезвоню сам, как только что-нибудь нарою. Усёк?

— А если её сейчас избивают? Как можно сидеть, сложа руки? — возмутился Игорь.

— Не говори ерунды. И вообще, что-то мне подсказывает — ты уж не обессудь: Оля твоя, как бы это сказать, девушка лёгкого поведения, — Антон встал из-за стола.

— Проститутка? — округлил глаза Игорь, глядя на друга снизу вверх. — Ты же её совсем не знаешь. Как ты можешь...

— Это всего лишь предположение, успокойся. Короче, до завтра. И больше не пей. Лучше к синяку приложи.

* * *

Ранний звонок разбудил Игоря. Звонил Антон:

— Через полчаса будь готов. Съездим, кое-что проверим.

— Ты что-то узнал?

— Не телефонный разговор. В общем, жди. Поедем на твоём боливаре.

* * *

— Чего молчишь? Куда едем?

— Ты едь. Тут недалеко от узловой станции есть интересное местечко. Оно давно в разработке отдела. Надо проверить. Слушай, наверно, проще срезать по лесу. Не застрянем?

— Куда там! Российский внедорожник! — гордо произнёс Игорь и свернул с асфальта в лес.

Возле пёстрого ряда каких-то кустарников Антон попросил остановиться:

— Пошли. Только чур не шуметь.

Из-за кустов хорошо проглядывалась трасса, сплошь уставленная грузовиками-дальнобоями. Возле кабин то тут, то там вертелись молодые девчонки.

— Зрение нормальное? Давай смотри, звездочёт, да повнимательнее. Не прогляди свою звезду, — съязвил Антон.

Игорь стал вглядываться в лица девушек:

— Слушай, я её не вижу...

— Давай подъедем, пообщаемся, — предложил Антон и направился к машине.

* * *

— Привет, девчонки! — расплылся в улыбке Антон.

— Привет, мент, — захихикали в ответ девушки.

— Ты что, их знаешь? — оторопел Игорь.

— Не гунди, — сразу обломил друга Антон. — Знаю, по роду службы. Но не всех. Твоя, похоже, новенькая.

— А где бы нам Олю Жалову найти? — продолжил общение с дамами Антон.

— Решил отовариться, товарищ старший лейтенант? — брызнули смехом девчата. — А она шальная, не всем даёт.

— Мне даст, — съёрничал Антон.

— А мы ментам не подмога.

— Подмога, ещё какая подмога, — прошептал себе под нос Антон. — Ну так как? Где её можно найти?

Вдруг из-за грузовика показался мордоворот и направился к ним.

— Это он, тот самый, — торопливо зашептал Игорь, дёрнув друга за рукав.

— Чего шумишь, начальник? — громила почти вплотную подошёл к машине.

— Друг приехал, хотим развлечься, — сам понял, что не совсем удачно пошутил, Антон.

— У нас смена кончилась, приходи в другое время, — грубо ответил громила и направился обратно к грузовику.

— Вот и поговорили... Ладно, девчонки, пока! — фальшиво улыбнулся Антон. — Поехали.

— И что дальше? — расстроился Игорь.

— Посмотрим.

Едва они отъехали от точки, перед ними внезапно, как и тогда ночью, выскочила... Оля. Запрыгнула в машину и, пригнувшись к сиденью, прошептала:

— Уезжайте... Уезжайте...

Игорь вдавил педаль газа в пол, и «Патриот» сорвался с места. Через пару километров Антон ткнул пальцем в зеркало заднего вида:

— За нами, — и, уже обращаясь к другу, добавил, — пистолет есть или драться умеешь?

— Игорь, миленький, помоги, — жалобно произнесла с заднего сиденья Оля.

— Оторвёмся, — оптимизм Игоря вдохновлял. — Если что, сразу в лес. Опыт уже есть. Да и машина — зверь.

Он давил на педаль газа до тех пор, пока преследователи не превратились в точку где-то позади.

— Давай в лес, сейчас нагонят, — заволновался Антон и, обращаясь к Оле, добавил, — а ты ляг на заднее сиденье и не высовывайся. Кто знает, что у них на уме...

Игорь свернул с трассы, и тут «Патриот» почувствовал себя в своей стихии. Он легко и непринуждённо шёл по лесной дороге, петляя меж деревьев, оставляя где-то позади буераки и вызывающе торчащие из-под земли корни старых сосен. Только пыль клубилась и создавала для преследователей препятствие

в виде непроглядной песчаной завесы.

— Что, съели! — закричал от восторга Антон и громко рассмеялся.

Лежащая на заднем сиденье Оля тоже расплылась в улыбке.

— Скоро пост, — постарался перекричать рёв двигателя и шум ветра Игорь. — Оля, ты как?

— В порядке! — ответила девушка и, слегка приподнявшись, запустила руку в Игоревы вихры. — Спасибо...

— Так, ребят! С любовью потом, — вмешался Антон, и все дружно засмеялись.

Где-то впереди замаячил пост ДПС. Антон попросил Игоря проехать чуть дальше, встать там и подождать его. Он отсутствовал минут пять, не больше, и вернулся сияющий.

— Не нам одним эти ребята перешли дорогу. Так что жми, друг, а уж их тут встретят.

* * *

Казалось бы, история не завершена. Но, слава богу, что обошлось без стрельбы, крови и потерь. Слышал одно: Игорь и Оля поженились и переехали в другой город. Игорь довольно успешно занимается фрилансом, а Оля — в декрете. Ждут долгожданного первенца. Говорят, что будет мальчик, а значит, наследник и защитник.

Недавно Антон приезжал к ним в гости. Хвалился внеочередным званием за содействие в раскрытии старого висяка и поимке особо опасных преступников, занимавшихся организацией притонов, торговлей оружием и людьми. Можно было бы и побольше вспомнить об этой истории, но, к сожалению или к счастью, её следует закончить именно сейчас и именно так.

История друга моего попутчика напоминала третьеразрядный голливудский боевичок. С той поправкой, что она произошла в реальности. И ещё она чем-то неуловимо походила на мою собственную. У истории Оли и Игоря был счастливый конец. Возможно, он будет и у нашей с Катей истории. Чтоб узнать это, надо дойти до финиша.

Я долго не мог подобрать очередного пассажира. Почти всем голосующим надо было ехать в пределах города. Уже на выезде увидел средних лет мужчину с сумкой на плече. Он махнул мне рукой так, будто встретил старого знакомого. Да и вообще вид у него был какой-то располагающий, что ли. Обычно так выглядят либо прожжённые жулики, либо очень хорошие люди. Ну, была не была.

ФЕНИКС НАШИХ ДНЕЙ

Дмитрий Кащеев

Я ведь детдомовский. Родителей не знал никогда. Но на судьбу грех жаловаться. Она мне такие кредиты всегда выдавала, что иному и одного такого подарка хватило бы на всю жизнь. А мне всё мало было... Только недавно понял, что долги всегда отдавать нужно — чтоб равновесие не нарушать. Зато теперь эта наука крепко в меня вбита.

Родился я в Белоруссии, в Минске. Тяжело родился — мама через мои роды умерла. Только и успела, что имя дать — Феникс. Как у диковинной птицы. Может, оговорилась, может, что, а только имя — это единственное, что у меня от нее осталось. Меня в Дом малютки определили. Младенчиков охотно берут на усыновление — так что была у меня возможность в семью попасть, и не узнал бы я никогда ни детдома, да и прочих приключений избежал бы. Однако не судьба. Хиленький я родился — до пяти лет по больницам пропутешествовал: только одно вылечат, я уже снова на ладан дышу. Но, видимо, здорово за жизнь цеплялся — выжил. Так и оказался в детском доме.

В то время Белоруссия была нашей визитной карточкой для Запада, так что и детдом наш был образцовый. Сейчас, когда слышу рассказы о том, что в других детдомах творилось, волосы дыбом. А мы как в пионерском лагере жили. Когда вспоминаю те годы, словно в теплое лесное озеро окунаюсь — благодать! Питание усиленное, воспитатели и учителя великолепные. Да что там — я на немецком до сих пор без труда говорю и читаю. Всё оттуда — из детдома. Потом в институте немка диву давалась моим знаниям. Но больше всего «заболел» я историей. Уж не знаю почему, но очень меня этот предмет заинтересовал. В библиотеке просиживал часами, в старших классах на дополнительные занятия ходил. А за стенами детдома тем временем середина 80-х — там истории поинтереснее разворачивались. А мы всё жили как у Христа за пазухой

в своем мирке. Только питание похуже стало, учителей поменьше, ремонтировать здания перестали. Получилось, что мы вроде как в прошлом ещё живём, а жизнь уже далеко ушла и без нас. В 1988 году закончил я нашу десятилетку. Такой у нас был детдом показательный с десятилетним образованием. Дорожка у воспитанников-выпускников была проторенная — медучилище для девчонок, сельхозтехникум для пацанов. И мало кто умудрялся с той дорожки сойти. Да и время уже смутное наступало — со свиным рылом в калашный ряд нелегко было сунуться. А мне в техникум совсем не хотелось. Не моё это. Как подумаю о том, что до конца жизни буду свиньям диагнозы ставить или саженцами заведовать, — прямо с души воротило. Я к заведующей. Буквально на колени бухнулся, мол, так и так, помогите — не буду я в технаре учиться. Сбегу. Она женщина строгая, но с пониманием была — начала меня успокаивать. Дескать, техникум — не самая плохая путевка в жизнь, профессия будет, которая всегда прокормит. Опять же молодым специалистам на селе всегда рады, жильём обеспечат, не дадут пропасть. Привела меня в чувство, в общем. Смирился я. Пусть, думаю, техникум. У нас не крепостное право — отучусь и в институт. Если повезет на истфак, а нет, так и филологический подойдёт — там парней с радостью берут. Принял решение, сцепил зубы и отдал документы в техникум. И знаешь — сразу так легко на сердце стало. К экзаменам в сельскохозяйственный даже готовиться не стал — будь что будет!

И тут учительница истории ловит меня в коридоре аккурат после выпускных и сразу в лоб: «Документы на поступление в техникум сдал? Езжай забирай немедленно». Я даже удивиться не успел, словно ждал этого — рванул в приёмную комиссию, выцарапал документы. Наши пацаны на меня как на сумасшедшего посмотрели. Римма Николаевна, историчка, меня с этими документами повезла поступать. И не куда-нибудь, а в Белорусский государственный университет на исторический. Тут я, конечно, поволновался, в техникум надежнее было, с гарантией, а здесь полная неизвестность. Но боялся я, как выяснилось, зря, провели меня по экзаменам буквально за руку. Римма Николаевна большим авторитетом пользовалась в БГУ. Когда списки поступивших абитуриентов вывесили, я с полчаса возле доски объявлений проторчал — не верил. Сейчас вот глаза закрываю и тот заветный список передо мной, словно вчера было. Так в одночасье оказался я студентом-историком. А времена были не самые лучшие, особенно для исторической науки. Тяжелые были времена, чего уж там... Но интересные. Бывало на одной лекции тебе одно говорят, на

другой совершенно обратное. Но это уже мелочи. Главное, я чувствовал, что на правильную, на свою дорожку вышел.

Поселили меня в общежитии с двумя такими же первокурсниками, Сашкой и Николаем. Оба из районных центров. Родители каждую неделю приезжают, еду везут, вещи, деньги. А у меня всего доходов: стипендия и шарашки — то вагоны разгрузить, то на стройке помочь. Еле на еду хватает, о шмотках и не думал даже. Соседи мои, правда, ребята отличные были — угощали меня и обедами и ужинами. Я же им помогал по учебной части. Жили мы как братья — дружно. Нас даже гардемаринами называли в общежитии.

Самое сложное было первую сессию продержаться. Наибольший процент отчислений на неё приходится обычно. Тут и липовые медалисты и прочий случайный люд сыплются с курса. Первая сессия, что сито. Тяжко мне пришлось. У домашних ребят за спиной семьи, а у меня — дырка от бублика. Да ещё как потом в глаза Римме Николаевне смотреть буду. А студенческая жизнь кипела: дискотеки, вечеринки, любовные истории всякие. Но я себе сказал — всё потом, как в песне: «Первым делом — самолеты...» Проскочил я сессию как локомотив — на всех парах да при полном параде. Именно тогда понял — человек всё может.

В родной детдом ездил регулярно. Набирал на последние гроши конфет и печенья для малышни, тортик для учителей и ехал. Чай с заведующей и Риммой Николаевной пили, про жизнь разговаривали. В один из приездов заведующая и спросила меня в лоб, как говорится, на что я живу. Я только и развел руками. Ох, как она на меня ругалась. Словно на малого! Сказала, что сильно я её обидел, что молчал про своё бедственное положение. Что хоть я уже и выпустился из детдома, но для неё всегда останусь одним из её детей.

На следующий день оформила она меня на работу на несколько полуставок: сторож, дворник и разнорабочий. График установила скользящий. Условие было одно — учиться так, чтоб не позорить детдом. И я учился. Спал по четыре часа, зрение посадил, но учился крепко. И, главное, сам понимал, что знания мои не зубрёжные. Выбрал и основную тему тогда «Освоение Сибири». А то про ковбоев и индейцев любой мальчишка знает, а вот про то, что в нашей Сибири события и поинтереснее происходили, мало кто слышал. Уже на втором курсе завкафедрой стала заводить со мной разговоры о жизненных планах и намекала на аспирантуру. Радужные перспективы замаячили у меня перед глазами: археологические раскопки, открытие Новой Трои... Но государство скорректировало мои планы на свой манер...

Под конец второго года обучения пришла мне повестка из военкомата...

Армия... Это сейчас к ней заранее готовятся — пацан еще агукает, а родители уже подходы ищут: в какой институт идти, как от службы закосить. А тогда всё проще было — служили почти все, так как очень хлопотно было от службы уходить и вообще как-то не очень почетно, словно клеймишко какое на человеке появлялось. Ну а мне так вообще деваться некуда было с моим-то детдомовским «блатом». Правда, еще моментик был — не верили мои однокурсники, а особенно однокурсницы, что вернусь я после армии в университет. А мне уж очень обратное захотелось доказать — дал я зарок по дембелю первым делом наведаться в альма-матер прямо с поезда.

Провожали меня соседи по комнате да несколько учителей из детдома во главе с заведующей. Сашка с Колькой, как положено, автобус военкоматовский пнули. В тот момент я себя, если честно, так почувствовал, словно с настоящей родней прощаюсь. Даже слеза прошибла, и дыхание перехватило.

Думал я, что в армию еду, а вышло в неизвестность. Привезли нас в Барановичи на курс молодого бойца. Жили в палаточном лагере, в службу вникали, на занятия ходили. Все ровесники, кроме сержантов. Дедовщины не было никакой — чисто бытовые разборки друг с другом. Но этого и в любой общаге предостаточно. А тем временем, пока мы марш-броски бегали и наряды по лагерной кухне тащили, Союз приказал долго жить. Ребята-призывники из Средней Азии поняли это быстрее всех. Как-то поутру наряд обнаружил только форму, аккуратно развешенную на вешалках. Искать их, понятно, никто не стал. Дальше ещё веселее — настало время присяги. Представь восемнадцатилетних парней, перед которыми ставят вопрос, который не могли решить гораздо более зрелые дядьки в высоких кабинетах. Кому будете присягать — независимой Беларуси или «добро пожаловать — пошел вон» в Россию-матушку? Ну не должны на такие вопросы отвечать пацаны. Однако пришлось. Те, кто из России призывались, конечно, сразу в отказ и в порядке поступления билетов отправились служить домой. А я как-то подвис с решением. С одной стороны — выбор очевиден: родом я из Минска и все мои близкие люди здесь. С другой — шли уже тревожные вести из независимых национальных государств, и червячок ел: а что если и здесь полыхнет?

Поехал я дослуживать в Саратов. Однако там нас не ждали — система трещала по швам, и армия тоже. Из Саратова в Казань перебросили... В итоге всех этих движений очутился я под Пермью, на точке. Дыра ужасная. Но хуже всего

другое было — в ту пору вышел какой-то то ли приказ, то ли указ, чтобы призывники служили рядом с домом. И вот приезжаю я в часть, а там сплошь пермяки... Ну и, само собой, всем наплевать, что я уже давно не «дух». В первую же ночь вызвали меня в туалет — поговорить. Драка завязалась — хорошо, что дежурный офицер прибежал, иначе несдобровать мне. Вроде поговорил он с бойцами, образумить попытался. Однако проблема осталась — офицеры тоже люди, за всеми не уследишь. Перспективы передо мной самые печальные открывались — или в побег уходить или смириться, что до конца службы под землячеством ходить буду.

На мою удачу дембельнулся водитель из автороты, я к одному нашему офицеру подошёл и напрямую ему объяснил, что нет мне жизни в казарме и плохо это кончится. Он человек вообще неплохой был, не из «шакалов» — перевёл меня к автомобилистам. Автопарк смешной, конечно, был в нашей небольшой части. «Волжанка» подполковничья, парочка «уазиков» и три «зилка» с тентами. Меня на «уазик» посадили. Сколько я верст на нем намотал по Пермскому краю — не сосчитать. «Волга» — машина, конечно, хорошая, но сильно на ней не наездишь по бездорожью — она на трассе хороша. А какие у нас трассы? То по служебной надобности грязь месишь, то начальство на охоту или по грибы вывезти надо. УАЗ самое то для этих целей.

Заладилась у меня служба. Время вообще незаметно летело. Командир части перед дембелем посоветовал на сверхсрочную остаться или прапорщиком. Задумался я над его предложением крепко — жизнь надо обустраивать было заново. Уже почти решил армейскую тропку выбрать, как получил письмо от заведующей из детдома. Прочитал — глазам не поверил! Оказывается, она все это время родственников моих искала. И нашла в Красноярске тетку моей мамы. Списалась с ней, обо мне рассказала — фотографии послала, копии документов. Бабушка найденная одна жила, узнав о моём существовании, отписала мне всё своё имущество в наследство. Выслала нотариальные бумаги заведующей... и умерла. Так я обзавёлся семьей и тут же потерял её. Также заведующая прислала мне телефон своей подруги, которая преподавала в Красноярском университете, и рекомендательные письма от детдома и БГУ.

И поехал я после дембеля не в школу прапорщиков, а в славный город Красноярск. Восстановился на свой курс без проблем. База знаний, полученная в БГУ, оказалась весьма солидной, с высоким запасом прочности. Личной жизнью, правда, уже не пренебрегал. На четвертом курсе женился на девушке из

соседней учебной группы, благо жилье своё было, спасибо бабушке-покойнице. Окончил университет я с отличием и оказался на распутье.

С одной стороны, двоюродный брат жены звал к себе в строительную фирму заместителем коммерческого директора. Руководство университета же, в свою очередь, предлагало остаться в науке.

Уговорила меня моя ненаглядная все-таки принять предложение её брата. Тоскливо мне, конечно, было — ведь столько времени я затратил на образование. Да и по душе мне была история. Но хотелось пожить нормально, чтоб не экономить на мелочах, чтоб копейки не считать. А перед глазами преподаватели постоянно были. Как говорится, жили и одевались «честно, но бедно». Так я стал сначала замом, а потом коммерческим в фирме жениного брата.

Работа, чего и говорить, у меня была не бей лежачего. Так как брат жены тащил на себе все основные вопросы — я был в фирме вроде свадебного генерала. На выставки ездил, отношения с нужными людьми налаживал и поддерживал, общественной работой с коллективом занимался.

Начал выпивать. Сначала культурно всё было — рестораны, бары, презентации всяческие... Потом и дома стал прикладываться. Одному скучно пить — стал организовывать на работе междусобойчики по поводу и без. Связался в итоге с одной женщиной из отдела договоров. Она только развелась. А у меня жена ребёнка как раз ждала — забот полон рот, не заметила, что я погуливать начал. Закрутился у нас роман с той разведёнкой. С испанскими страстями — всё как положено! Брату моей жены, конечно же, доложили в скором времени. Он мужик правильный такой — вызвал меня и сказал, чтоб завязывал я с гульбой, за ум брался. Любовницу мою из фирмы выставил «по собственному». А мне словно вожжа под хвост попала — обозлился я на него, разругался в пух и прах и ушёл из фирмы. Заодно и с женой расстался, а ей рожать надо было через два месяца.

Решил я свою фирму открыть, тем более моя пассия уверяла, что дело это плёвое — клиентов она уведёт со старой работы, да и сотрудников сманит наиболее перспективных. Собрал я всю свою наличность и открыли мы фирмочку с моей гёрлфренд. Вот тут я и пожалел, что никогда не вникал, как у нас дела делались. Не пошёл у нас бизнес. Оказался я и без денег и без работы. Благо средство проверенное от хандры имелось — снова выпивать стал. Но уже серьёзно. С любовницей тоже все кувырком пошло, как только с деньгами напряжёнка началась. Скандал за скандалом, то пьём вместе, то буквально

до драки. Она меня обвиняет во всём, я её. Расстались мы. Остался я гол как сокол...

К жене вернуться, покаяться гордость какая-та глупая не позволяла. Каждый день давал себе зарок, что завяжу, работу найду, дом построю, машину возьму нормальную — вернусь и упаду на колени. Кончалось всё очередной порцией спиртного. По наклонной я катился быстро — это всегда легко. Первый раз в ломбард зашёл — лицо от стыда прятал. А потом — ничего, привык. Технику перетаскал, что была. Холодильник. А зачем он мне, когда там жратва уже несколько месяцев не ночевала. Круг общения у меня сильно поменялся. Если раньше ещё какие-никакие знакомые заходили с прежних времён, то теперь якшался только с теми, от кого раньше нос брезгливо воротил. Ханыжки, бомжи, бичуганы разные... Веришь, нет — начал по мусоркам ходить, еду искал, рухлядь всякую. Пиво прокисшее из бутылок допивал, капли водяры высасывал. Разное старьё таскал на барахолку с помоек. Сдам за копейки и снова в синюю яму проваливаюсь. Несколько раз чуть не помер от какой-то сивухи. Били меня будь здоров. То такие же ханыги, то молодёжь для развлечения. Один раз крепко меня отделали по зиме. Лежу я в снегу и понимаю, что последний мой миг пришёл, и так мне досадно стало, что жизнь свою заканчиваю на помойке. Взмолился я к высшим силам, чтоб дали мне ещё шанс, не губили. Дурацкая картина, наверное, была со стороны — лежит бомжара похмельный, избитый и господа зовет.

Спас меня дворник. Подлечил, как мог. В кондейку поселил, дал отлежаться, одуматься. Очень мудрый человек.

С его подачи я первые шаги к нормальной жизни сделал. Пить завязал сразу, видимо, что-то во мне ещё оставалось человеческое. На толкучке стал постоянным продавцом. Ты не представляешь, сколько люди на мусорку добра тащут... Особенно молодёжь. Только достается в наследство квартира от стариков — сразу всё на выброс. Как-то раз нашел я фотографий старых и писем целый чемодан. Для интереса посмотрел, а там жизнь целого купеческого рода, нашего, сибирского! Я ж в университете этой темой занимался. Как нашел этот чемодан, стал уже целенаправленно отбирать разные старые вещицы. Что-то продавал, что-то в дворницкой хранил. Появились у меня покупатели свои, которым я статуэтки фарфоровые откладывал и прочие редкие штуковины. Среди них один был в возрасте мужчина — владелец небольшого антикварного магазина. И вот как-то, слово за слово, разговорился я с ним, про себя рассказал. Я в ту пору

уже выглядел поприличнее, не забулдыгой, так как спиртного в рот не брал уже долго. Эдакий бывший интеллигентный человек.

И через некоторое время предложил он мне у него поработать, вроде как подсобником. Я согласился — уж очень мне хотелось выбраться из всего этого дерьма, в которое я угодил. Сначала работал я у него грузчиком, ремонтом мелким занимался, потом по адресам ездил за антиквариатом. Стал вроде как младшим партнером. А самое главное, почувствовал, что себя нашёл! Моё это дело. Встретил как-то своего бывшего преподавателя с кафедры, тот сказал, что моей работой по освоению Сибири заинтересовались, надо бы в университет подъехать.

Поехал я в университет — была не была. Неудобно, конечно, было — казалось, все будут пальцем тыкать, дескать, ханыжил. Ничего подобного — люди науки, они вообще далеки от мирского. Приняли меня отлично.

Дела мои налаживались и настало время с женой решать вопрос. Многое я передумал и осознал. Любил я её по-настоящему. Оделся прилично, букет купил, конфет... И пошел с повинной головой. Боялся, что даст от ворот поворот гораздо сильнее, чем тогда, когда на снегу подыхал. Звоню в дверь, открывает моя Иринка. И как-то сразу мне в объятия и бросилась. С дочкой своей наконец-то познакомился...

Живу теперь спокойно, не спешу, занимаюсь любимым делом. Жалко, конечно, что столько времени убил бездарно, зато теперь каждому мгновению жизни радуюсь. Главное, что я понял — как бы судьба не била, каждый человек может подняться... Была бы на то воля.

Ну, спасибо тебе, Егор, что подвёз! Бывай, а то заболтал я тебя. Ни гвоздя, ни жезла!

Он вышел из машины и растворился в темноте. Вот уж действительно птица Феникс.

Я посмотрел на подсевшего ко мне попутчика. Лицо открытое, чистое с каким-то детским выражением. У глаз мелкие морщинки, какие обычно бывают у человека весёлого, любящего шутку, жизнерадостного, часто и охотно смеющегося. Это меня подкупило, и я согласился подвезти мужчину до Ачинска.

НОЧНОЙ ПРИНЦ

Александр Зиборов

Некоторое время ехали молча. Попутчик о чем-то задумался, порой губами шевелил, словно спорил с кём-то. Интересно, что тому причиной?..

— О чём вы думаете сейчас? Простите за вопрос. Вид у вас очень задумчивый, меня это и заинтересовало.

Попутчик рассмеялся:

— Чапай думу думает! Посмотрел на вашу машину и вспомнил Дмитрия. У него точно такая же. Вчера был у Михаила, это дядя моей жены, потом пришёл и Дмитрий, сосед по этажу. Дружат они давно, но и вечно спорят.

— О чём же?

— Обо всём! Надюха о них сказала: «Их коньяком не пои, пирогами не корми, а дай поспорить!..» Она как скажет, так словно штамп на бумаге поставит!.. А конкретно вчера они заспорили о своих машинах. Дмитрий недавно купил УАЗ «Патриот», весьма доволен. Подтрунивает над Михаилом, который ездит на американском джипе. Любит подкалывать соседа:

— Где прошёл русский УАЗ, там американский джип увяз!

Иван не выдержал, ответил ему репликой:

— Надоел хуже горькой редьки. Ну, похвастайся в который уж раз, что твой «уазик» застрянет там, куда любая другая машина просто не доедет!

— И похвастаюсь! Это на самом деле так, для меня все дороги открыты: УАЗ — русская машина для русских дорог и любого бездорожья! Не машина — зверь! У него табун тигров в моторе!

— Табун тигров? Забавненько, насколько я знаю, тигры живут прайдами...

Я проинформировал спорщиков, ибо видел накануне передачу из жизни хищных кошек:

— Прайдами живут львы, а тигры ведут одиночный образ жизни.

Дмитрий не смутился:

— А я что говорю, если столько тигров упрятать в мотор УАЗа, то они просто остервенеют и потащут машину так, что никто не угонится.

— У меня в моторе табун лошадок не меньше твоего, — заметил Иван, — и проходимость весьма неплохая. Это всё-таки внедорожник!

— Судя по твоему внедорожнику, понимаешь, что даже самые плохие американские дороги похожи на Рублёвское шоссе. А где такие в нашем Красноярске?

Мы хмыкнули. Даже Иван заулыбался:

Юля, жена Михаила, вмешались в спор:

— Хватит вам, надоели! Только о машинах и говорите! Сколько можно!

Николай и тут заспорил, по инерции, наверное:

— Почему только о машинах? Ещё о женщинах много говорим!

Юля позвала нас всех к столу:

— Садитесь, всё уже на столе. За ним и поговорите о нас, о женщинах...

— Ну и как, повели разговор о женщинах?

— Да. Вернее, об одной женщине. Я ведь пришёл к ним советоваться насчёт Нади...

— А это кто, вы о ней уже упоминали, но не сказали, кто она?

Попутчик вздохнул, его брови у переносицы сошлись:

— Это жена моя. Надя-Наденька-Надюха!

Снова вздохнул.

— Что случилось, какая-то чёрная кошка между вами пробежала?

— Вы угадали! Именно так! Ни с того, ни с сего вздумала не знай что, взяла детей и уехала к матери в Ачинск.

Водитель пошутил:

— Как говорит наш уважаемый шеф: нет такого женатика, который не мечтает хотя бы день побыть холостяком.

Против его ожидания попутчик даже не улыбнулся:

— Я мечтаю совсем о другом. Холостяком быть не хочу, мне нужна только Надюха! На других и не гляжу!

— Извините, это шутка из известного всем кинофильма. Вспомнилась не к месту, сама вырвалась, не удержал.

— У других мужей, может, и есть мечты стать хотя бы временно холостяком, а я бы не отходил от своей Надюхи ни на шаг... Не верите, как увидел, так сразу влюбился. Как в сказке. Я тогда дружил со старшим сыном Михаила. Прихожу,

а мне дверь открывает неописуемой красоты русская девушка с неземными голубыми глазами. Я просто сладко утонул в них. Слова не мог сказать, заикаться начал ни с того, ни с сего... Хорошо, мой друг выглянул, провёл меня в комнату. Помню, она ушла, прыская себе в кулак. Наверное, дурак дураком внешне показался. С того дня стал ходить к ним, ни одного вечерка не пропустил. Так познакомились, начали встречаться.

Вернулась она в свой Ачинск, а я места себе не находил. Набрался смелости, поехал к ней свататься. Трусил невероятно, казалось порой, ежели откажет — руки наложу на себя. Не отказала. Попросила время. Каждый выходной потом ездил к ней. С соперником раз подрался из-за неё... Через некоторое время она дала согласие. Сыграли свадьбу, как полагается. Две дочери родились и сынишка, мой наследник Гришенька...

— Вижу с какой любовью вы говорите о своей жене, а что в ней особенного? Ну, красивая? А что ещё?

— Будь я поэтом, то написал бы, что все женские достоинства достались ей одной, а всем остальных — только остатки. Красавица, отличная мать, лучшая хозяйка на свете, умница каких поискать. А какой язык! Я бы сидел и записывал за ней, собрал бы её высказывания и книгой издал! Прославился, на весь белый свет!

— Да ну!

— Эх, не слышали вы её! Ревную я её, не скрою. Так она раз говорит про меня: «Такой ревнивец, что я со столбом обнимусь, а он бежит проверять, нет ли там сучка!..» Ха-ха-ха! Я бы до такого никогда не додумался, а у ней каждое слово такое, с шуткой и прибауткой, словно по какой книге читает. В момент подобные шутки изрекает. А мне трудно даже два слова связать.

— Неужели совсем никаких недостатков у неё нет?

— Есть, конечно, но они только подчёркивают её достоинства.

— Разве так бывает?

— Конечно!

Водитель недоверчиво покачал головой.

— Не верите? Был такой случай ещё в начале нашей жизни. Не то что я увлёкся спиртным, а просто по работе не мог отказаться — клиенты постоянно угощали, товарищи постоянно складывались. В силу своего характера я отказывать людям не люблю, ну и стал приходить нередко на бровях, как говорит Надюша. Мать её, которую она любит и уважает, тёща моя родная, принялась

убеждать, что нужно принимать меры. Послушав её, начала моя жена талдычить: нужно знать меру, милый, ты уже не просто любитель выпить, а постепенно переходишь в профессионалы... Ха-ха-ха!.. Пошутила: конечно же, ты можешь выпить и море водки, но лучше оставить её и другим хоть немножко. Может, к врачу сходим, полечимся?

По дурости какой-то я её слова проигнорировал. Надюха матери доложила, что я ни на какие уговоры не поддаюсь, лечиться не желаю.

— Нужно принимать меры тебе самой, — решила тёща.

— А что с ним сделаешь, он человек очень упрямый!

— Есть одно верное средство, доченька, недавно мне про него соседка Софья сказывала. Истинные чудеса творит!

— И какое же? — заинтересовалась Надюха.

— Нужно заставить твоего благоверного выпить собачью кровь, и тогда его алкашество как рукой сымет — самому пить не захочется. Средство верное!

— Да что ты, мама, он ни за что кровь пить не станет, даже и предлагать бесполезно, я его знаю!

— А кто тебя заставляет его спрашивать? Подмешай тишком да тайком ему в еду, и весь сказ! Для его же блага, водку глохтать перестанет...

Словом, уговорила мамаша дочку. Достали они свежую собачью кровь. Приготовили на обед вторым блюдом макароны, их я всегда ел с кетчупом, в него и задумали подмешать собачью кровь: они же одного цвета, ничего мужик не разберёт и уплетёт за милую душу.

Но как моя Надюха ни любила мать, но такую подлянку мне сделать не смогла, как она сказала, совесть заела, и во всём мне открылась. Я взъярился страшным образом, был готов бежать и скандал учинять, но потом успокоился, в чём жена помогла, настоятельно просила — прямо умоляла, ничего не делать, не портить её отношения с матерью. Я согласился, а несколько позже мне пришла идея мести...

Сели обедать. С обычным аппетитом я съел борщ, затем жена положила на тарелку макароны, обильно полив их кетчупом. Я и это всё уплёл, нахваливая. Остатки даже подобрал кусочком хлеба и отправил в рот. Тёща исподтишка наблюдала за мной, не ведая, что никакой собачьей крови в приправе нет.

Улучив подходящий момент, я натурально икнул, содрогнулся всем телом, изобразил судороги, затем, состроив страшную гримасу, упал на четвереньки, поднял голову и... залаял.

Тёща упала со своего стула в полуобмороке...

Ха-ха-ха!.. Ох, как я был доволен тем, что ей отомстил.

Позже через Надюху теща принялась выпытывать, что со мной тогда за столом было. Я велел сказать: он говорит, сам не ведаю, что со мной произошло, затмение какое-то, не помню, что со мной было, что делал...

Самое интересное, после этого я стал выпивать куда реже прежнего. Понял, друзья — друзьями, а жена и семья — это святое. Научился отказывать друзьям-корешам. Пусть обижаются, но для меня семья дороже... Тёща узнала про это и, понятно, приписала действию своего «верного средства», торжествовала:

— Ну, что я тебе, доченька, говорила — средство верное!..

Водитель согласился:

— Ваша супруга достойно себя вела. И вы молодец, сумели себя укротить. Это не каждому удаётся. Но как же получилось, что ваша жена уехала от вас? В чём причина?

— Глупости услышала от подруги. От Татьяны...

— А что это за Татьяна?

— Она жила в нашем доме, мы учились с ней в одном классе...

— Наверное, ваша школьная любовь?

— Ни-ни! Честно говоря, в школе мы дрались, когда кто-то говорил на другого, что его любовь — Татьяна. Сейчас я драться не полезу... Ха-ха-ха!.. А тогда бы мог!

— А что тут такого?

— Видели бы вы её, то поняли бы с одного взгляда. Она в этом, конечно же, не виновата, но всегда была крайне несимпатичной. Это ещё мягко говоря! Даже в детстве и в юности, которая сама по себе привлекательна. К тому же имела тяжёлый желчный характер, мужчин избегала. Да и они её тоже. В этом была полная взаимность! Словом, типичная старая дева.

Когда я привёз Надюху, то она подружилась с Татьяной — ведь соседи. Она нередко бывала у нас, сама в гости приглашала... Позже Татьяна получила дом и переехала чуть ли не на другой конец Красноярска. Спустя примерно года два после этого, а ей тогда было уже за тридцать, неожиданно она родила. Можете себе представить, как удивлялись все, кто её знал!.. Долго судачили-спорили: кто же отец? Предположений выдвигалось много, сама же Татьяна истину не проясняла. Понимай, как знаешь!..

Однажды она пришла к нам в гости. Как-то так получилось, что выпили немало. Все сильно опьянели. И особенно — Татьяна. Я ушёл, они остались на

кухне наедине с женой. В разговоре с ней Татьяна разоткровенничалась, рассказала, как было дело, откуда у неё появилось дитя...

Позже, понятно, «по секрету», эту историю Надюха поведала мне. Как иначе, какие могут быть секреты у жены от супруга!

Вот что ей открыла Татьяна:

— Тогда я попала на день рождения... Не буду говорить, к кому именно. Хозяйку назовём Леной, а её мужа — Петром. О нём говорили, что он любит поволочиться за хорошенькими женщинами. Кроме меня, были родственники Лены — Валя с мужем Иваном и братом Николаем. Последний приехал в гости один, так как недавно развёлся с супругой. Позже явилась ещё одна пара — Соня и Валентин.

Естественно, Николая усадили рядом со мной, ведь остальные пришли парами. Мне пришлось терпеть его знаки внимания, нужно сказать, грубые и нахальные.

Пили много и вперемешку: шампанское, вино, водку, пиво, а позже ещё и домашнюю вишнёвую наливку. Николай становился всё развязнее, утянул меня под предлогом серьёзного разговора на балкон, где принялся бесцеремонно меня лапать. Я ему врезала оплеуху наотмашь, аж ладонь себе отбила. Он взъярился:

— Дур-ра! Так и помрёшь старой девой! Что толку от твоего воздержания: ни себе, ни людям! Лучше гуляй, веселись, бей жизнь без промаха!

Я наговорила ему всякого, он разобиделся и ушёл.

Вечеринка продолжалась, но он уже не проявлял ко мне никакого внимания. Засиделись до поздней ночи. Пришлось всем оставаться ночевать.

Мне постелили на балконе. Хозяйка с мужем легли в своей спальне, а остальные разместились в зале на большом диване и раскладушке. Из этой комнаты двери выходили как на балкон, так и в коридор, из которого можно было попасть на кухню, а с кухни — на балкон. Позже ты поймёшь, Надежда, почему я подчёркиваю это обстоятельство.

Уснула быстро, и мне пригрезился удивительный сон...

В нём я была беззаботной девчонкой, бегавшей по цветущему лугу. Рядом паслись густогривые кони. Чуть в стороне на пологом холме высился сказочной красоты замок. Я залюбовалась им и не заметила, как ко мне приблизился прекрасный принц с изящной золотой короной на тугих русых кудрях, который вёл в поводу белоснежного скакуна. Я вся обмерла. Он взял меня за руку, посадил в седло и повёз в замок.

Со стен протрубили трубачи, распахнулись ворота и спустили мост, который лёг через глубокий ров. Заиграла дивная музыка. Рука об руку мы с принцем прошли мимо рядов почтительно кланяющихся придворных и оказались в огромном зале перед величественной четой, восседающей на тронах. То были царь с царицей, родители принца. Он подвёл меня к ним. Я поклонилась, смущённо опустив голову. Принц представил:

— Вот моя невеста! Любимая и единственная на все времена!

— Твой выбор хорош, — одобрительно улыбнулся царь, — благословляю вас, дети мои! Можно начинать свадьбу!

Потом был прекрасный бал, просто восхитительный. Я себя чувствовала на нём сказочной Золушкой... После бала нас провели в опочивальню, и мы остались одни. Принц нежно поцеловал мне руку и сказал:

— Не стану стеснять тебя, любовь моя. Располагайся свободно. Я скоро вернусь.

Трепеща и краснея, я разделась и легла, сразу же натянув одеяло до головы. Меня била нервная дрожь: вот-вот явится мой супруг!..

Наверное, именно в этот момент я проснулась, но не до конца уверена в этом. Действительность и сон перемешались... Я расслышала осторожные шаги и ко мне под одеяло скользнуло волосатое мужское тело.

— Это ты? — спросила я, приняв гостя за принца.

— Да, да, — после некоторой паузы замешательства шепнул он совсем не голосом принца. Если бы у меня было время поразмыслить, то я бы обо всём догадалась, но в голове всё перепуталось, я была пьяна и распалена страстью в ожидании первой брачной ночи...

Он принялся стаскивать с меня трусики, я приподнялась, чтобы облегчить его задачу, хотя помнила, что во сне я уже сняла с себя всё. Это ещё больше спутало мысли. А он уже навалился на меня, раздвигая ноги... От сильной боли застонала, прикусила губы и долго терпела, пока он не закончил. Сильно удивлялась, что принц ведёт себя в постели столь грубо и хрипло дышит... Потом он встал и поспешил к двери. Эта торопливость удивила.

— Ты куда? — вырвалось у меня. — Разве ты не останешься со мной?

— Тихо ты!.. — приглушённо оборвал он меня, приложив палец к губам, и ушёл.

Только в этот миг я окончательно пришла в себя и осознала, что это всё не сон: я нахожусь в гостях, а не в замке, и только что со мной был мужчина, который сделал меня женщиной... Боль внизу живота и кровь свидетельствовали об этом.

Пришла в себя, постаралась трезво проанализировать ситуацию. Замыла простынь в ванной. Хорошо, что текла горячая вода. Повесила сушиться на веревке на балконе. Всё привела в относительный порядок.

До самого рассвета не спала, гадая: кто же из трёх мужчин решился на подобную авантюру — Пётр, Иван или Валентин?.. Все они могли пройти ко мне. Так кто же, кто?.. Этого я не знаю по сей день.

...Вскоре после этого рассказа Татьяны у моей Надюхи зародились подозрения. Она вспомнила, что пару раз после семейных торжеств Татьяна оставалась у нас ночевать. Оба раза спала на балконе. Однажды после такого ночёвья она обратила внимание на чересчур помятую простынь, немного влажную и со следами крови. Подумала, что пошли месячные, а Татьяна постаралась их удалить и замыла. Принялась меня пытать:

— Признавайся, дорогой, не ты ли исполнил ночью обязанности ночного принца?

Понятно, я отнекивался и разубеждал её. Эту Татьяну убить был готов. Жену убедил почти, но вдруг она обратила внимание, что имя сына Татьяны такое же, как и у меня. Вот тут взбеленилась уже всерьёз, глаза готова была мне выцарапать:

— Вы с ним тёзки, это она в твою честь его назвала! В честь отца — ночного принца! А мне говорит — «не знаю, кто из троих приходил»! Всё знает, вот лицемерка! А тебе этого век не прощу!..

Собрала вещи и с детьми умотала к матери.

Водитель бросил взгляд на попутчика:

— А кто на самом деле был этим... ну, ночным принцем?

Попутчик перекрестился:

— Вот крест вам святой: это не я. Конечно, она могла на меня подумать, но я на самом деле ни при чём...

— Будет очень тяжело убедить в этом вашу супругу.

— Тяжело, кто спорит. Но постараюсь. Я уже в уме всю речь продумал, заготовил самые убедительные слова. Я же её люблю. Она это знает. Уверен, оттает, не может быть иначе! Мы долго вчера с Михаилом и Юлей это дело обсуждали, они тоже уверены, что Надюха вернётся. Это она от ревности, а ревность её от любви. Надеюсь, что они окажутся правы... Большое спасибо вам за сочувствие и поддержку. Вижу, вы понимаете меня. Крепкого вам здоровья и благополучия. Вижу, вы торопитесь к семье... Не женаты?

Но уверен, что у вас есть девушка, которая ждёт вашего возвращения. Наверное, красивая?

Водитель вместо ответа показал фотографию. Попутчик посмотрел и задумчиво произнёс:

— Странно, похоже, я её недавно видел.

— Давно и где?

— Сейчас припомню. Позавчера мы ехали с Николаем в его машине, она — да, это была она! — стояла на дороге с очень задумчивым видом, подняла руку в самый последний момент. Попросила подвезти, сказала, что очень спешит куда-то, но нам было не в ту сторону. Не успели мы отъехать, как она снова «проголосовала» и остановила проезжавший «жигулёнок»...

...Значит, я на верном пути. Среди стольких людей именно ко мне в машину подсел человек, который встречался с Катей.

Она была задумчива... Ещё бы! Я, наверное, тоже со стороны выгляжу задумчивым дальше некуда. И всё-таки почему она так поступила со мной? После услышанных историй в моей голове периодически крутились какие-то авантюрно-криминальные предположения...

Я заметил их не сразу — сначала увидел криво стоящий автомобиль на обочине и голосующего водителя, и только притормозив, увидел ещё двоих — молодую женщину и мужчину с палочкой. Странно, вроде молодые, а держатся как старички — косынка на женщине, пиджак, как с чужого плеча, на мужчине, и вид у обоих такой уставший. Тормознул, конечно.

РОЖДЁННЫЕ ЛЕТАТЬ

Наталья Богоненко

— Бензин или прикурить? Помощь нужна?

Шофер сломанного автомобиля махнул рукой.

— Нет, парень, тут серьёзнее дело. Движок, может, полетел, пёс его знает! Я уже подмогу вызвал, так что курю пока... Ты, это, не подкинешь людей до Кемерово? Мне проще обратно повернуть — до Ачинска товарищ дотянет, а их с собой брать несподручно...

В кабине женщина сняла косынку, и оказалось, что у нее красивые волосы пшеничного цвета и ярко-голубые глаза.

— Спасибо еще раз! Дай вам бог здоровья! Вас как зовут? Егор? Ой, и сыночка нашего также! Володенька, слышишь, и у нас ведь Егорка! А я Оля, и муж мой вот — Володя. А вы ведь сами не из Кемерово, нет? Заметила, номера неместные... Мы уже часа три тут прыгаем. Чего уж там сломалось — не знаю, Мишка — шофер наш — молчит надутый, злой как чёрт!

— Да не переживайте вы так, сейчас заберут водителя, а в гараже разберутся что к чему.

— Ну да... Эх, Володенька, закончились наши поездки в Ачинск — надо другого водителя искать. Мишка вряд ли нас ещё повезёт. Я, конечно, схожу к Вере с пирогом, денег, может, дать? Жаль, совсем недолго нам осталось мотаться туда-обратно! На автобусах так ездить неудобно! Володе нужно обязательно ногу вытягивать и разминаться выходить — он ведь только-только ходить начал... Володенька, может, позвонить Мише, узнать как он там, а? Ой, уснул уже, устал бедный... С утра добираемся.

— А вы в гостях или проездом в городе были? — Егор с любопытством посмотрел на Олю. Смущается, видно, попутчица, не остановить её.

* * *

— Можно сказать, и в гостях. В Ачинске у нас сыночек живет. С мамой Володиной. Мы сами в Кемерово, а сынок вот... Но ещё немного нам в разлуке осталось, скоро Егорку заберём! Володя сейчас работу найдёт, расходится маленько... Он ведь только-только ходить начал — до этого пять лет маялись с ним...

* * *

— Моя Дюймовочка, тычиночка, кроха ты моя любимая. — Володя нацеловывал маленькие ножки Оли, а она продолжала плакать.

— Как так, Володя? Как же это могло произойти? Ведь мы так осторожно... Что будет теперь, Вихрастый?

Оля лила слёзы не первый час и продолжала задавать одинаковые вопросы. Володя нежно посмотрел на жену.

— Ну что ты так убиваешься, маленькая? Как-нибудь проживём, не беда! Мама поможет, ребята пропасть не дадут.

— Так ведь я, Володенька, летать не смогу с тобой... С кем же ты будешь? — Оля вытирала глаза, успокаивалась, глядя на спокойного и весёлого мужа.

— Не переживай, Олюнь. Помнишь, Рита про сестру рассказывала? Хорошая девчонка, только из училища. Пусть со мной полетает, пока ты...

— Пока я пузатая, лохматая буду дома сидеть? — Оля снова захлюпала носом. О стенку соседей разбилась тарелка. Наездница Верка снова выясняла отношения с мужем — весёлым, но редко трезвым клоуном Мишей Фантиком. Стены в общаге были сделаны почти из картона, и в сплетниках нужды не было — всё было слышно и так.

— Оль, успокойся. Это же временно! Малыш подрастёт, и ты снова вернёшься в номер. Будем с тобой летать по-прежнему!

Оля грустно улыбнулась. Всегда так. Володя — вечный праздник — умел не обращать внимания на проблемы. Он жил мгновением, полётом, а всё остальное —просто мелочи жизни, ерунда, разговорчики...

Их номер был самым красивым — весь выпуск аплодировал и пророчил «Орфею и Эвридике» место в программе московского, а то и европейского цирка. Но судьба и дирекция училища распорядились иначе, и гимнасты оказались в Кемерово. Хмурый серый город совсем не нравился Оле, но... Маленькая, да своя комната в общежитии и постоянный номер в программе казались

настоящим счастьем. Много ли для счастья надо, когда любишь по-настоящему? К тому же рядом, в соседнем Ачинске, жила мама Володи, и она то продуктами, то деньгами частенько выручала ребят.

— Все, Олюнь, я побежал. Надо помочь Вите с переездом. А ты сходи к Андрею Ивановичу, предупреди, что скоро выступать не сможешь. Не хочу рисковать своими маленькими! — Володя нежно поцеловал жену.

* * *

— Оля, проснись! С Володей беда! — Вера трясла сонную Олю, которая крепко обнимала подушку — она задремала, пока ждала Володю, всего несколько минут назад и никак не могла проснуться.

Услышав любимое имя, Оля вскочила. Сердце упало куда-то вниз, в самые пяточки, и лежало там, холодное. Вместо крика получился еле слышный выдох-вопрос:

— Разбился?

Верка покачала головой:

— Нет, избил его муж Полинки. С дружками напал, сразу после выступления... Выродок! Собирайся, Оль, в больницу поедем, Мишка внизу, в машине ждёт.

Мишка рулил молча, вместо радио громко бубнила Вера. Оля сидела каменной статуей, и только из глаз непрерывным потоком лились слёзы.

— Оля, хватит рыдать. Ты должна не о себе, о ребёнке думать! Ты ведь и родить так можешь в машине! А кому ты нужна сейчас с младенцем недоношенным? Все с Володькой носятся. Иваныч приехал, как узнал, милицию вроде даже вызвали. Еще бы — такое ЧП! Думали ведь сначала — цирковые разборки, а как пошли разбираться — Вовка уже почти не дышит. Домой, видно, к тебе торопился, раньше всех убежал. Полинка клянется и божится, что муж на пустом месте всё выдумал, с пьяных глаз что не привидится... Вот ведь урод ревнивый! Да если и было даже чего — подумаешь, перепихнулись, что же человека жизни из-за этого лишать.

Миша цыкнул на болтливую жену.

— Всё, замолкла! Не до тебя ей сейчас, сорока! Потом будешь теории свои строить. Володька живой, чего ты его отпеваешь! Слышь, Оль, врачи диагнозов пока не ставили, и ты зазря не убивайся. Жив твой мужик, и не боись, ещё будет летать по-прежнему!

* * *

Фантик прикурил от сигареты Игоря — дрессировщика собачек. Похожий на грустного старого барбоса Игорь бросал курить примерно раз в две недели, но события в мире и в цирке в частности заставляли его снова и снова доставать сигареты.

— Такой парень был! Человечище! Помню, как выручил, когда Машка меня выгнала — я ведь два месяца у них третьим в комнате жил! Рядом с кроватью, как верный барбос, веришь? И не выгонял меня, хотя сам знаешь, какой там метраж... Эх, Вовка Вовка. Не за рупь, за копейку... И было бы ради кого! Полинка страшная как жизнь моя! Гибкая, конечно, гимнасточка, ничего не скажешь. Но ведь ноль изящества! А у Оли такая порода...

Мишка затряс головой.

— Нет, Игорян, что ни говори, не верю я, что они шуры-муры водили. Это слухи всё: Верка моя любительница языком почесать, и Машка твоя — та еще балоболка. Оле всегда в уши нашёптывали, какой Володя ходок. Хорошо, Оля — баба разумная, не верила в бредни эти. У нас знаешь какие стены тонкие — мы всё слышим, чего у Оли с Вовкой в комнате происходит. Любили они друг друга. Сильно. Да ты и сам знаешь, Вихрастый да Дюймовочка. Помнишь, всё обнимались по углам? Да и Вовка всегда домой спешил, как Оля с пузом засела...

— Да кто же про любовь спорит? Это химия, всё понятно! А мужика всё же, сколько не корми, он всё равно в лес смотреть будет! Пусть и такой, как Володя. Эх, закончились его денёчки, в коляске на свидания больно не расходишься. А Олю ненадолго хватит, все они женщины такие! Месяц-два, потом найдёт себе молодого-здорового. Да и Иваныч благотворительностью не занимается — выкинет их из комнаты сегодня-завтра, точно тебе говорю! — Игорь закашлялся.

Сплетники замолкли. Из больничного подъезда вышла Оля и пробежала мимо них. Стремительная, маленькая, быстро похудевшая после родов, она спешила к ребёнку — Верка нянчилась с малышом охотно, но недолго. Она приходила к Володе каждый день вот уже второй месяц и продолжала верить, что в следующий раз они уйдут из больницы уже вместе. Цирковые исправно посещали Володю, но никто из них по-настоящему не надеялся на возвращение товарища в строй. Не верил в это и сам Володя.

* * *

— Так, Володечка, держи меня за шею крепче, я сильная! Подожди, родной, подтянись чуток, а теперь переворачивайся. Вот молодец, справились! Сейчас будем чай пить, да мне бежать пора. Иваныч просил сегодня раньше прийти — уволил он вчера подружку Веркину, опять пьяной на работу пришла... — Оля сворачивала простыни, затевая стирку, и развлекала Володю разговорами.

— Оля, как же ты одна теперь будешь, без сменщицы? Когда Иваныч обещал новую уборщицу найти? — Володя с тревогой наблюдал за женой — она стала совсем прозрачной, казалось, дунь на неё и поднимется в воздух словно пушинка.

— Вихрастый, не волнуйся, — Оля взяла мужа за руку. — Найдёт, как получится, а пока я поработаю — деньги лишними не будут. Тем более я, Володечка, затеяла тут поездку еще одну...

Не дослушав Олю, Володя сердито вырвал руку.

— Оля, опять? Я же просил тебя и предупреждал, что больше не поеду ни к каким целителям! Все это шарлатанство! Я не встану, Оля, смирись!

Оля покраснела. После драки прошло уже три года, и всё было по-прежнему. Володя по-прежнему не ходил из-за тяжелой травмы позвоночника, а она всё также верила, что скоро всё изменится, и постоянно была рядом. Словно стойкий оловянный солдатик, она сражалась с судьбой — искала массажистов, умоляла лучших докторов, возила Володю к знахарям и целителям, но всё было безуспешно. Володю мяли как тесто, «чистили» карму, он ел горькие травяные шарики и несколько часов в день занимался гимнастикой. Он не верил, но, глядя на Олю, не мог замереть и исчезнуть, как ему хотелось с первого же дня после несчастья.

— Володечка, зачем ты так? Это мне люди посоветовали... Проверенный человек, говорят. Да и хуже ведь не будет! Ну, ради меня, прошу тебя, Володя! — Оля умоляюще посмотрела на мужа.

— Хорошо, Оля, поедем, если хочешь... А как же Ачинск? Эти выходные ты работаешь, значит, к знахарю поедем на следующих. А мы ведь к Егорке собирались, помнишь? Мама звонила, говорит, он плохо ночью спать стал...

Сын. Оля не могла забыть, как отвозила новорожденного Егорку в Ачинск, к маме Володе. В мороз, с туго забинтованной, лопавшейся от молока грудью, Оля возвращалась обратно в Кемерово и рыдала так, что Мишке приходилось два раза останавливать машину и умывать Олю снегом.

— Может, на неделе вырвусь... Не знаю... Что-нибудь придумаю. Давай чай пить, Володя.

* * *

Оля разрумянилась — к кабине автомобиля стало жарко. Оглядываясь на спящего мужа, она полушёпотом продолжала рассказывать свою историю.

Было непонятно, кто или что помогло — травки знахарей, гимнастика или любовь Оли, но Володя начал ходить. Сначала на ходунках, потом поддерживаемый хрупкой Олей, вскоре начал передвигаться сам. Оля была счастлива, и только разлука с сыном точила её сердце. Они ездили в Ачинск так часто, как могли, — сосед Мишка Фантик по доброте душевной иногда возил их в город и обратно. Каждый раз Оля мечтала, что следующий раз окажется последним, и они заберут сына. Но пока все силы, деньги и время уходили на восстановление Володи.

Егор слушал Олю, и не мог не думать про себя: немногие из знакомых ему женщин были способны на такое самопожертвование — отказаться от собственного ребёнка, работать уборщицей, жить в картонной комнатке, слышать страшные прогнозы врачей и, несмотря ни на что, продолжать верить, надеяться, любить. В рассказе Оли он не услышал жалости к себе или обиды на судьбу — только принятие и благодарность: рядом любимый муж, скоро семья воссоединится, и Володя непременно найдет работу. Им ничего не страшно, ведь они вдвоем. А он... Куда он едет, зачем? Стоит ли Она того, чтобы сражаться, искать? Нет ответа, но так хочется верить, что есть на свете человек, готовый ради тебя на всё... Что ж, может быть, нужно сначала доказать, что ты сам способен на многое, и отвоевать у судьбы немного счастья?

Оля нежно погладила мужа по лицу.

— Вихрастый, просыпайся, подъезжаем!

...Рассказ Оли не отпускал меня ещё долго. Перед глазами стояло её счастливое лицо. Я позавидовал им белой завистью — преодолеть такое! Как же надо любить друг друга. А я? Я мчусь за сбежавшей невестой. И неизвестно ещё, как она отреагирует на моё появление. Как мне хотелось бы, чтобы в моей жизни была такая четкость, как в жизни Оли. Любовь и вера действительно творят чудеса...

...Попутчик выглядел помятым жизнью пожилым мужчиной: волевой подбородок, мрачное выражение лица. Глаза тревожно мерцали.

ЖЕНЩИНА ЗА ТРЁШКУ

Александр Зиборов

— До Новосибирска подбросишь?..

Уселся в кресло ловко и уверенно. Водителю подумалось, что в его движениях есть нечто тигриное.

— В гости?

Попутчик ответил не сразу:

— Можно сказать и так: в гости.

— Часто бываете в Новосибирске?

— Был один раз. Давным-давно. Правда, почти всё время провёл в аэропорту «Толмачёво», когда после дембеля летел из Афганистана, самого города фактически не видел.

Водитель снова поглядел на попутчика: годы немалые, но заметны крепость тела и духа. Несомненно, честолюбив и упрям. Такие привыкли ходить по прямой, вилять не любят. А в глазах какой-то трагический оттенок. Или показалось?

— Не думал, что снова захочу вернуться... Удивительно и странно: вся моя жизнь — сплошные загадки, тайны, борьба. Пытаюсь крутиться, как белка в колесе. Тянешься ввысь, но забываешь о кочках на дороге и спотыкаешься... Порой такое бывает, что выть хочется. Расскажи камню — и он заплачет от жалости. Потом намотаю сопли на кулак, соберу всю волю и дальше живу. Правда, у меня это скорее не воля, а упрямство. Мать мне в детстве часто говорила, видя это: «Усраться, но не поддаться». Простите за выражение.

Водитель невольно качнул головой.

— Не верите?.. А как вам такая история: влюбляюсь в девушку, кажется, что на ней сошёлся клином белый свет. Она забеременела, стали готовиться к свадьбе. И дёрнуло же нас пойти вечером в кафе. А там расслаблялись борцы после

соревнований. Проходило такое у нас в Кемерово. Стал один поглядывать на мою невесту, прислал цветы и бутылку шампанского, как это привык делать на своей родине. В цветах оказалась записка. Приглашал провести с ним время... А ведь видел же, что она со мной! Намеренно, с вызовом: мол, какой я! Вы передо мной ничто!

У нас с ним разговор мужской начался, он предложил выйти, а за ним ещё шестеро... Можете представить, что со мной они сделали... В реанимации долго отлёживался... Не выжил бы, если бы сказали правду... Моя невеста пробовала вмешаться, но её так отшвырнули, что она упала головой на каменную урну и от полученной травмы скончалась... Мне сообщили об этом много позже, когда я уже на поправку пошёл. Всё удивлялся, тревожился и пытал: почему она не приходит?.. Тут мне всё сказали. До этого берегли. Знали, как я её люблю... Любил...

Попутчик замолчал, глядя вперёд на дорогу. Глаза его заметно увлажнились.

— Такое и врагу не пожелаешь, — сказал водитель.

— Мне казалось, что уже забылось всё это... Постепенно я отошёл, решил не сдаваться. Намотал волю на кулак и стал жить. Определил приоритеты, наметил себе цели, планы выработал и принялся претворять их в жизнь. Образование получил хорошее. По службе стал продвигаться. Нашёл женщину. Тогда казалось, подходящую...

— Значит, в данный момент уже не кажется?..

— Сейчас я снова пытаюсь собраться воедино: меня словно всего разметало на части... Не верите, а как бы вы себя чувствовали на моём месте, если бы в один день вдруг жена вам заявила, что никогда тебя не любила. Оказывается, она всю жизнь крутила роман с другим, его одного она любила всю жизнь. Свою школьную любовь. Он недавно овдовел, она уходит к нему. Мол, устала заботиться о муже-карьеристе, хочет пожить для себя... Но и это ещё полбеды! Она призналась, что оба ребёнка, которых я считал своими, — от него. Поклялась в этом.

— Стерва! — вырвалось у водителя. — Убил бы такую!

— Убивать её я даже не думал. Но с неделю чувствовал себя жутко. Места не находил. Понял, что недостаточно уделял внимания самым близким людям, всем жертвовал ради карьеры. Честолюбие — не самый крепкий цемент при строительстве общего дома... Всегда твердил себе, что стараюсь не только ради себя, но и своей семьи. Хотелось, чтобы мы все были уважаемыми людьми. Вспомните, жену генерала называют генеральшей, хотя она и дня не служила. Генеральша!

В том заслуга мужа... Пытался сделать свою супругу этакой генеральшей, но ей хотелось, оказывается, совсем другого. Увы... Впрочем, по-своему я уважал и любил жену. И детей... Ладно, оставим философию! Беда, трагедия в том, что теперь в таком возрасте я остался не только без семьи и жены, но и без детей. Словно засохшая ветвь. А я надеялся, что эти пацаны продолжат мой род, я помогу им выйти в люди, добиться чего-то значительного, и они понесут в будущее мою фамилию... Ну, если так, то пусть живёт, как сама считает нужным, я ей мешать не намерен. Как бы ушёл в сторону, освободил от себя... А сам креплюсь. Снова мотаю волю на кулак. Упрямство не велит сдаваться. Сбили с ног — нужно встать и продолжать бой. Хотя в моём возрасте... Но пока живу — надеюсь...

— В Новосибирске у вас живут родственники?

— Не совсем в Новосибирске. Надеюсь найти кое-кого вблизи него. Недалеко от аэропорта... Именно там произошла история, в которую порой я сам не очень верю. А вам она тем более покажется выдумкой. Но могу поклясться, что это чистая правда.

...Шёл такой далёкий теперь 1987 год. Тогда я «дембелем» возвращался домой, пробыв два года в Афганистане. Пересадка в новосибирском «Толмачёво». Билет на самолёт в родной Кемерово уже лежал в моём кармане, но вылет вдруг отложили до утра и впереди была тягучая, муторная ночь. Мысленно проклиная задержку, я некоторое время покружил по залу, но не нашёл свободного места присесть. Вышел на улицу, остановился у крыльца, глядя на звёздное небо, которое совсем не походило на то, что я видел в Кандагаре, Кабуле, на перевале Саланг.

Тут-то ко мне подошёл невзрачного вида худощавый мужичок лет тридцати с рыжеватыми волосами. Я давно приметил его необычное поведение и плохо скрываемый интерес к себе: мужичок наблюдал за мной, не упуская из виду, держась на некотором отдалении. Чего же он хотел?..

Незнакомец срывающимся голосом от непонятного мне волнения откровенно предложил:

— Солдат, женщину хочешь?

Он выпалил это, словно бросившись в воду. Я ответил не сразу, удивлённый неожиданным предложением:

— Потаскушка, наверное, какая-нибудь?

По лицу мужичка прошла гримаса, словно от внутренней боли.

— Нет, порядочная, хорошая женщина. Клянусь!

— Что-то не верится, — покачал я головой.

— Дело в том, что она впервые идёт на это... — Сутенёр сделал судорожное движение, словно глотая комок в горле. — Первый раз у неё сегодня такое. Честное слово! Очень порядочная, чистая. Не упускай такой шанс, солдат: ты будешь у неё первым... клиентом.

Я быстро прикинул: может, подвох какой имеется? Решил под благовидным предлогом отказаться. На всякий случай: бережёного бог бережёт. Моментально придумал подходящий предлог:

— Понимаешь, земеля, у меня совсем денег нет — всё истратил на билет и подарки. Буквально мелочь осталась на такси, чтобы из аэропорта до дома доехать, сильно соскучился, хочу быстрее к своим попасть, не на автобусе же мне ехать!.. Так что больше трёшки, увы, выделить не смогу при всём желании. Не согласится же она, такая хорошая и чистая, за такие плёвые деньги...

— Согласится, — последовал неожиданный ответ, — трёшки вполне хватит. Это у неё сегодня в первый раз, ей трудно начать. Понимаешь, нужно преодолеть в себе внутренний барьер, переступить через какие-то рамки, так что важны не деньги, а сам факт этого... Наверное, ты меня понимаешь!

— Это ты так говоришь, а вдруг она не захочет, нужно же спросить её саму.

— Я посредник. Мы с ней эту тему заранее обговорили, предусмотрели и этот вариант. Она согласится, даже не сомневайся.

Из глубины моего подсознания всплыл смутный женский образ таинственной незнакомки («дыша духами и туманами»), и по телу прошла горячая волна, ударив в голову: пришло страстное желание обладать податливым женским телом. Два года без женщин, истомился!.. Правда, была одна сумасшедшая ночь с юной пуштункой Мехри из горного кишлака Боги Шамал, что в переводе на русский означало — Сад Ветров. Действительно, ветры там дули постоянно, обрывая лепестки миндаля, персика. Деревья стояли весной, будто розовые облачка, колыхаясь под ветром.

— Значит, она согласится на трёшку?

— Я же сказал, солдат, что отказа не будет. Даю слово! Или ты чего-то боишься? Тогда зря!

Скажу честно, что это слово пресекло мои колебания. Я не выносил даже намёка на трусость. И это не простые слова. Раз в Афгане мы загнали на одинокую скалу Максум-бека, известного своей звериной ненавистью к «шурави» и редкой даже для этих диких краёв кровожадностью. На нём было много жизней

российских парней. Все подручные Максум-бека были уже перебиты, а он отстреливался до последнего патрона...

Десантники сжимали неумолимое кольцо, готовясь покончить с душманом. Вдруг услышали матерную брань. Русский язык Максум-бек знал неплохо.

— Вы — неверные, гнусные собаки! Белые обезьяны! Все вы — бабы в штанах! Трусы! Все до единого — трусы! И отцы ваши трусы, как и вы все!

Наша десантура ответила ещё более изощрённой руганью, ибо тут имелись языкастые потомки запорожских казаков, некогда написавших знаменитое письмо турецкого султану. Я добавил словечко от себя.

В ответ услышали:

— Если вы не трусы, то найдите среди своих баб настоящего мужчину, и пусть он выйдет на честную борьбу со мной! Один на один! Без оружия!.. Что, слабо? Боитесь? Трусы вы все!

Я понял, что у душмана кончились патроны, потому он и предложил такое — восточная хитрость. Соглашаться было глупо, но обвинение в трусости сыграло свою роль: я поднялся во весь рост, хотя вслед слышал нелестные реплики от друзей в свой адрес, и пошёл к скале. Упрямство не позволило остановиться.

...Мы схлестнулись, словно дикие звери, которыми управляют первобытные инстинкты — убей или будешь убит сам. Вцепились мёртвой хваткой друг в друга, упали наземь и дрались, катаясь по жёстким камням.

Встал только я — Максум-бек остался лежать окровавленный и грязный со свёрнутой набок головой, словно задумался, в последний раз глядя на родное звёздное небо.

Долго ещё потом мне снился хруст шейных позвонков душмана, не раз просыпался в холодном поту с ощущением на руках горячего вражеского тела.

И вот сейчас слово «боишься» заставило меня решиться:

— Ну, если ей достаточно трёшки, то идём. Где она?

— Я довезу тебя, у меня мотоцикл, — с чувством заметного облегчения заговорил мужичок. — Тут недалеко, минут за десять доедем. Не бойся!

Последние слова неприятной занозой кольнули сердце: может завезти к чёрту на кулички, а там...

Упрямство заставило стиснуть зубы, выказать себя трусом я не мог, молча сел на заднее сиденье старого «Урала», и мотоцикл понёсся по вечерней улице в тревожную неизвестность.Я успокаивал себя, что ежели кто надумает напасть на меня, то получит достойный отпор: в кармане лежит нож, а руки-ноги — вроде

холодного оружия, ведь я — десантник, обучен рукопашному бою, получил большую практику в Афгане. Впрочем, никому нет резона связываться с бедным солдатом: вещи находятся в камере хранения, а деньги упрятаны в надёжном тайничке...

Дорога вывела за город. Мотоцикл застрекотал по пыльному шоссе с унылыми деревьями на обочине. Минут десять спустя показались аккуратные домики степного посёлка с палисадниками, плодовыми деревьями.

Сутенёр подрулил к одному из домов, через двор провёл меня в чисто прибранную комнату. В ней уже был накрыт стол. Нас ждали.

— Подожди немного, сейчас она выйдет, и я вас познакомлю, — сказал сутенёр и спохватился: — Да, совсем забыл, меня зовут Геннадием. А тебя?.. Андрей? Хорошее имя. Подожди малость, сейчас организую.

Он быстро ушёл, почти убежал в соседнюю комнату. Там с кем-то повёл убеждающий разговор... Минут через пять вернулся в сопровождении светловолосой пухленькой женщины лет двадцати пяти. Вот она подняла смущённые глаза, синеву которых подчёркивал жгучий румянец на белоснежных щеках, и я почти впал в сладостную прострацию — столь милой показалась мне женщина. И чуть было не рванулся к ней, как изголодавшийся зверь к вожделенной добыче, но вовремя вспомнил о Геннадии.

— Это... это Фрида, — запинаясь, представил незнакомку тот. — А это наш гость, звать его — Андрей.

Знакомство состоялось. Геннадий с наигранной бодростью воскликнул:

— Ну, вот и познакомились! Сейчас хозяйка приготовит горячее на стол, а ты, солдат, пока можешь помыться в нашей баньке. Истоплена. Она у нас своя, домашняя.

Я не отказался: назвался груздем — полезай в кузов...

А когда вернулся, то Геннадий с Фридой уже сидели за столом, ожидая меня. По глубоким тарелкам была разлита домашняя лапша с курицей. На столе я также увидел котлеты, колбасу, копчёную рыбу, салат, винегрет, большую вазу с фруктами, графин с морсом.

Геннадий открыл бутылку шампанского, разлил по фужерам.

— За всё хорошее! За здоровье, счастье и всё прочее!

Я старался, но никак не мог поймать взгляд Фриды, она постоянно смущенно отводила глаза. Геннадий, чувствуя напряжённость и стараясь её разрядить, стал расспрашивать про армейскую службу, Афганистан, о Кемерово, из которого

я призывался. О себе же коротко сказал, что работает механиком в местном совхозе имени какого-то Героя социалистического труда. Какого именно, я не запомнил. Про себя же не переставал удивляться радушному приёму, обаянию женщины, совсем не походившей на бедствующую до такой степени, чтобы заниматься проституцией...

О Геннадии подумал с усмешкой: «Плохой из тебя сводник. Договорился о трёшке, а тут на столе чуть ли не впятеро больше. С таким посредником Фрида много не заработает...»

Бутылка шампанского допита. Нужно было перелистывать следующую страницу книги бытия. Воцарилась напряжённая тишина. Геннадий натужно поднялся, облизнул внезапно пересохшие губы и произнёс, с заметным усилием выдавливая слова:

— Я пойду, не буду вам мешать. Спокойной ночи!

Вдруг я вспомнил о своей давно приготовленной трёшке, догнал его у двери и почти насильно всунул в жаркую ладонь сутенёра, стараясь, чтобы этого не видела женщина:

— Это то, о чём мы договорились. Жаль, что так мало. Извини...

Геннадий судорожно сжал купюру в кулаке, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и ушёл.

Я повернулся к Фриде. Под моим взглядом она молча встала и медленно направилась к противоположной двери. На пороге обернулась и позвала за собой многообещающим взором...

Поспешил за ней. За дверью оказалась уютная спальная с уже разобранной кроватью. Обхватил сразу обмякшую в моих объятиях женщину и принялся сдирать с неё одежду, потом поднял и бросил на ложе, приготовленное к ночи любви...

Это были часы упоительного сладострастного восторга.

Когда всё закончилось, мы утомлённые лежали друг около друга, слушая биение сердец, я не удержался и спросил:

— Почему ты решила заняться этим?

Фрида ничего не ответила, только приложила палец к его губам: мол, не спрашивай, молчи.

— Но почему, почему? Ну, скажи, я же не осуждаю тебя, нет. Просто хочется знать. Живёшь ты хорошо. Неужели не нашла иного средства зарабатывать?

— Разве это из-за денег?! — с горечью в голосе прошептала женщина.

— Тогда ради чего?

Фрида смущенно повернулась ко мне спиной.

— Прости, если я тебя обидел. Любопытство гложет. Ты такая красивая, хорошая, а решила заняться...

Женщина повернулась, пылко прижалась всем телом и горячо зашептала:

— Не говори так, дурачок, ты ничего не знаешь.

— А я чего я не знаю, чего?.. Если ты не из-за денег, то тогда, выходит, тебе просто нужны мужчины, извини за резкость, для постели?

— После тебя других не будет. Ты — первый и последний. Это правда. Поверь.

— Правда? А этот сводник...

— Молчи! Прошу тебя! Он никакой не сводник, это мой муж.

Я был потрясен: чего-чего, а подобного признания не ожидал.

— Твой муж?! И он сам зазвал меня, привёл к тебе, уложил в твою кровать? Ничего не понимаю!

— А что тут понимать. Дело простое. Лишь со стороны оно кажется непонятным... Мы женаты уже шестой год, а детей всё нет и нет. Обратились к врачам, выяснилось — по его вине. Я абсолютно здорова. А детей мы хотим. Особенно я. Вот и придумали такой способ... чтобы был ребёнок. Раз уж муж не может, то пусть будет от другого... от тебя.

— А будет ли? Ведь с одного раза может и не получиться?

— Я консультировалась с врачом, сегодня самый благоприятный день. Должно всё получиться. Я хочу, чтобы получилось. Именно от тебя. Не хотела бы повторять подобный позор снова. Хватит одного раза. Очень стыдно. Я — мужнина жена. Нехорошо это, большой грех. Если бы не обстоятельства, то...

— Тебе было плохо со мной?

— Очень хорошо, но... больше не надо. Ты оказался молодцом. Спасибо тебе. А сейчас, прошу тебя, уходи ещё до рассвета. Не хочу, чтобы тебя видели соседи, не хочу позора. Да и с мужем тебе лучше не видеться. Ему это нелегко, пойми. Представь себя на его месте!.. Я выведу тебя.

— Понимаю, ухожу. Да и на самолёт мне нельзя опаздывать. Сколько на часах?.. Времени ещё достаточно, но всё равно лучше подстраховаться.

...На улице мы в последний раз обнялись, крепко поцеловались.

Фрида показала:

— Иди вдоль ограды, свернёшь налево и увидишь шоссе. Прости, что так вышло. Машины здесь редко, но ездят всю ночь. Доберёшься на попутной.

Прощальный обмен фразами, и мы расстались. Мне тогда казалось — навсегда.

Ограда, поворот. Сбоку послышался шорох. Недвижимо застыл на месте, вглядываясь в тёмные кусты: кто там?.. По дороге проехала машина, и я под светом её фар увидел на скамейке в саду Геннадия. На лице его была невыразимая мука и страдание, по щекам текли слёзы, которых он не замечал, судорожно разрывая на мельчайшие клочки и разбрасывая по сторонам ту самую трёшку, которую получил от меня за «сводничество».

Я осторожно прокрался к шоссе и направился в сторону аэропорта. Потом меня догнал «Москвич» местного ветеринара, на нём добрался до города. Улетел в Кемерово и больше в Новосибирске никогда не бывал...

Водитель покачал головой:

— Действительно, история невероятная! Но не пойму, зачем вы снова едете в Новосибирск?

— Я запомнил дорогу и обязательно найду тот посёлок и тот дом... Конечно, с той поры много воды утекло, могли уехать куда-нибудь. Если ещё живы. Я упрям, буду искать. Начну с того дома. Не успокоюсь, пока не узнаю: родился ли кто у Фриды после той ночи? Если да, то не знаю, как поступлю. Может, напомню о себе. А может, постараюсь не нарушать их семейную жизнь. Но в любом случае мне жить будет гораздо легче, зная, что есть на свете родная мне душа...

— Желаю успеха! Даже уверен, что ваш ребёнок живёт на белом свете. Знаете, бог есть на этом свете, он вознаграждает хороших людей, а вы хороший человек, вижу это. Господь дал вам сына! И вы с ним встретитесь. Почему-то во мне живёт уверенность: это — ваш сын...

Я высадил его на каком-то безымянном повороте с трассы. Наверное, надо было сказать ему, что зря он затеял эту поездку. А если там действительно его ребёнок? Он уверен, что ему будет от этого легче... Странный человек. Но кто я такой, чтобы давать советы. Самому бы кто помог.

ВСЁ К ЛУЧШЕМУ

Евгения Тимонова

Ну а вот и столица. Лежит в пыльном облаке собственного дыхания, щетинится трубами. Не России, правда, столица, а чуть скромнее, Сибири. Новосибирск. Серая городская пыль невозбранно гуляет по стреле Красного проспекта, забивается в трещины старых, по местным меркам, конструктивистских зданий, оседает на металлической чешуе исполинского купола Оперного театра. Вот они, столичные понты. И как только такую дуру зимой отапливают?

Главной столичной красы и гордости, старинных усадеб, увитых деревянным кружевом, с проспекта не видно совсем. Припрятал их Новосибирск за спины своего стекла и бетона, на задворки тихого центра, как городской студент стыдливо прибирает трогательные, но нелепые подарки деревенских родителей.

Плотный поток машин, треть — праворульные. Приятель Дениска Клюев, презирающий правый руль на правосторонних дорогах, про таких спрашивает: «Что за машина? Китайская?» Но новосибирцы не знакомы с Клюевым, так что едут, вполне собою довольные. Полтора миллиона довольных собою людей, не знающих, каково это, когда от живого тебя отрезали кусок и забросили чёрте куда...

Много алтайских номеров. Ну да, тут же до Алтая полтысячи километров всего, рукой подать. А я ж так ни разу на Алтае и не был. Хотя сколько раз Клюев звал. Знаю, говорит, одну дорогу через юг на Телецкое, не всякая машина осилит, только «проходимцы» вроде твоего, так что всё турьё на северной оконечности пасётся, а юг озера дикий, безлюдный и такой красивый — глаза плачут от счастья, что всё это видят. Надо будет съездить туда с ней, пусть посмотрит, повдохновляется. Съездить... С ней... Господи...

Бело-золотая свечечка, часовня святого Николая прямо посреди Красного проспекта, географический центр России. Ну что, за центр перевалили. Теперь

по прямой, через Обь, через индустриальное чистилище Левобережья — и далее, далее на закат, туда, где гуляет само по себе заживо вырванное из меня сердце.

Так или примерно так думает он, пока «Патриот» выбирается из города, проталкиваясь сквозь пробки, сдержанно урчит на красный глаз пыльных светофоров и наконец вырывается на волю трассы М51. Повеселел, несётся ровной волчьей рысью, легко и уверенно. И тут его ловят.

Невысокая брюнетка в узких джинсах и оранжевой футболке машет рукой так, будто и правда пытается поймать пролетающие мимо автомобили, словно огромных разноцветных стрекоз. Подбегает к остановившейся машине, дергает дверь, не дожидаясь, пока опустится стекло, и серьезно, увесисто произносит:

— До Омска.

Даже не вопрос — почти приказ. Вежливый, но не допускающий обсуждения. Так обращаются к таксистам в Нью-Йорке. Мягкий низкий голос, тянущий долгое «доо», производит впечатление арматуры, завернутой в бархат. Не хочешь, а поедешь, куда скажет. Садитесь, госпожа, на моё счастье Омск как раз по дороге.

Села, пристегнулась, положила на колени небольшую сумку, скрестила руки с узкими запястьями и чуть подрагивающими тонкими пальцами. Что-то азиатское во всем облике — прямые темные волосы, падающие на высокую желтоватую скулу, неширокий рот с выпуклой верхней губой, маленький округлый нос, тяжёлое веко, высокие короткие брови. И неожиданно большие прозрачные серо-зелёные глаза, как не отсюда, не с этого лица. Смотрит на дорогу, почти не мигая, пристально и цепко, как будто взглядом держит машину на полотне. Он силится вспомнить, что же напоминает её лицо. Манга! Японские мультики. Нерядовая внешность у девочки, да. Впрочем, у девочки ли. Ей может быть 20, может быть 35. В любом случае на обычного хичхайкера, автостопщика, она совсем не похожа. И на тебе — аж в Омск. Какой чёрт занес вас на эти галеры, госпожа?

— Не страшно одной ехать? — спрашивает он, сам поразившись оригинальности вопроса.

— А? Простите, что? — её глаза наконец отпускают дорогу, она поворачивает лицо. Широкие скулы, узкий выступающий подбородок, высокий выпуклый лоб. Точно, манга.

— Не страшно, говорю, автостопом одной так далеко? Разные за рулем бывают.

— А-а, вы про это. Да нет, конечно, не страшно, — смеется она с теплой

снисходительностью, как будто он спросил, не бывает ли в Новосибирске в час пик пробок из медведей. — Что со мной может плохого случиться? Ничего. Поэтому вы первым остановились. Вы же совершенно безопасный. По крайней мере для меня.

— Это откуда такая уверенность? — Ему не то чтобы есть, что возразить, но становится интересно.

— Профессиональная интуиция. Я ж психолог, что-то в этом понимаю. А чего не понимаю, то чувствую.

— Психолог?

— Только не просите рассказать про вас! Обычно ж только заикнешься, как начинается. Как будто психолог — это такой экстрасенс. Вот так посмотрю сейчас, — он краем глаза видит, как она опускает голову, хмурит брови и зыркает исподлобья, — и, опа, все про человека пойму. И тут же выложу, почему он такой хороший, а эта дура от него ушла, или почему он пашет-пашет, а денег нету, или почему она такая королева и всё не замужем, а Машка-курица вон какого мужика отхватила. Психолог — это же не тот, кто тебе говорит, а тот, кто тебя слушает. И иногда вопросы задает, пока ты ему сам рассказываешь, почему ты такой хороший и как до этого докатился. А не захочешь рассказывать, так я и не узнаю ничего. Вот вы, например, ничего рассказывать не будете. Хотя вам как раз есть что.

Ишь ты. Соображает мультяшка. Похоже, и правда психолог.

— Спорим, вы сейчас подумали: «Ого, откуда она это знает?» Не отвечайте, сама вижу, так и подумали. Да это вообще не психология, это так, цыганский гипноз. Из серии «Я вижу — у вас были сложности в отношениях с родителями, и вы пережили несчастную любовь». Любому ж есть, что про себя рассказать. Только мне обычно некому. Разве что другому психологу, и то за деньги. Нормальная, кстати, практика, многие коллеги друг к другу на приём записываются. Ну, а что делать, психолог, он же как человек. Любит, страдает, чего-то хочет, к чему-то стремится и имеет потребность обо всем этом рассказать.

Голос её звучит ниже, глубже, словно подбираясь к чему-то важному, а в глазах зажигаются и пляшут какие-то тайные искры. Он уже знает эту особую интонацию, с которой случайные попутчики вдруг начинают долгий рассказ о своём, самом главном — и вот слышит её снова.

— Вы не к психологу ли своему в Омск едете?

— А? — Она делает вид, что плохо расслышала, как люди, которые хотят

выгадать пару секунд для ответа на неожиданный вопрос. И задумчиво негромко продолжает:

— Нет. Он не психолог. Он музыкант.

И тут будто убирают ногу с тормоза её рассказа, и он рвётся с места, летит, набирая обороты.

— Да, к своему, не знаю, как сказать... Любимый — как-то по-дурацки звучит, пафосно, но как ещё его назвать-то. В общем, к своему Вовке. На выходные. А билетов на поезд нет вообще никаких, ни в интернете, ни на вокзале, я думала, может, прямо перед поездом появятся — ничего подобного, всё забито. Вот позвонила ему с вокзала, объяснила, что никак не получается сегодня уехать. Огорчился, конечно, я сама расстроилась ужасно. И уже когда трубку положила, меня и осеняет — стопом же можно. Мы в студенчестве только так по трассе шныряли из Энска. Томск, Кемерово, Барнаул — быстрее, чем поездом получалось. И, что немаловажно, бесплатно. Это сейчас время важнее денег. Хотите, кстати, отдам вам как за билет на поезд? Я так и думала, что не хотите. В общем, ходили мы по трассе, но обычно по двое-трое. Мало ли что. А сейчас думаю — да что со мной может плохого случиться? Ничего. Влюблённые — они ж как пьяные — практически неуязвимы. Не смейтесь, правда, так. Мир под них прогибается, чисто из чувства самосохранения. В них же лошадиные дозы эндорфинов, которые делают нечувствительным к боли, усталости, разочарованию, сомнениям — в общем, способным на любые подвиги. Знаете, армия из одних влюблённых была бы непобедима. Правда, солдат пришлось бы часто менять. Рядовой состав — каждые три месяца. Офицерский — через три года. Потому что внутренняя химия, благодаря которой ты от любви делаешься как пьяный сверхчеловек, она действует только три месяца — если просто влюбленность, или три года — если правда любовь. А потом всё, отпускает чудо-трава. Законы биохимии — единственное, что может стоять на пути у высоких чувств. И стоит и всегда выстаивает. Три месяца или три года — и сдуваются воздушные замки, перед тобой не ангел во плоти, а просто человек из белков, жиров и углеводов, с кучей дурацких недостатков, и к тому же поднадоевший. И если за это время не построено глубоких отношений, то тут обычно они и заканчиваются — или продолжаются по привычке, по штампу, такая вот иллюзия союза, одиночество вдвоем. Обычное дело, кстати, тем и печально. Я сама свои такие похоронила. И Вовка тоже. Вообще много чего мы похоронили, пока нашли друг друга. Обычно, знаете, сожалеют, что ж я тебя раньше не встретил? А тут

наоборот — вот счастье, что не встретила его раньше. Когда была такой, какой была тогда. Как в той песенке — стольких нужно было убить и столько раз умереть, чтоб однажды глаза открыть и в глаза твои посмотреть.

«Три года, три года» — почему-то застревает в его голове и крутится там, покалывая, как песчинка в башмаке. Он мотает головой, отгоняя дежавю, странные отголоски непонятно чего. Вперед, вперед. Машина идет ровно, гудит мотор, мелькают полосатые столбики. По обе стороны дороги — поля с редкими берёзовыми колками, покрытые леопардовыми пятнами тени от облаков. Одно пронеслось сверху, на лобовике капли дождя — дыры швейцарского сыра в стекле. Новосибирск остался в полутора сотнях километров на восток. До Омска — четыре раза по столько.

— В общем, решила, что поеду на попутках и сделаю ему сюрприз. У него такое лицо делается, когда сюрприз, вы бы только видели. Честное слово, ради этого с крыши в крапиву можно прыгнуть. Сейчас еду и чувствую, как у меня сердце впереди машины летит, извините за банальность. Долго нам ещё?

— Четыре раза по столько.

— Ох. Ну ладно. Всё равно быстрее поезда. Только бы он мне не позвонил сейчас. Обычно перед сном звонит, дежурный сеанс связи, а к этому времени я уже сама приеду. Успеем же? Должны успеть. Но мало ли, вдруг ему приспичит срочно. Не отвечать нельзя — переполошится и вообще телефон оборвёт, он ужасный параноик на тему «А вдруг что-то случилось». И отвечать тоже нельзя — тут же услышит, что я в Омск еду, пропадёт весь сюрприз.

— Как это он услышит?

— Ну, как. Как обычно. У него на меня интуиция, как у кошки. Что со мной происходит, где я, как я — всё чувствует, а уж если голос услышит... Врать бесполезно, я даже и не пробую. А что вы удивляетесь, когда у людей Связь, — она произносит это слово так, что оно звучит с большой буквы, — оно всегда так. Всё чувствуешь на расстоянии. И заранее. Мы с ним так и познакомились. Я тогда работала в Омске в одной большой конторе специалистом по кадрам. Ну, и вот этот кадр приходит ко мне на собеседование. Ещё только по коридору идет, а я уже издалека смотрю на его силуэт и думаю: «Опа...» Вот правда, лавина чувств, узнавание, изумление, предвкушение, а мыслей только одна: «Опа...» И ещё: «Это что, правда такие бывают?» А у него, знаете, такая как бы двойная внешность. Под одним углом глянешь — орёл, красавец, мачо, харизма — во! А под другим — ерунда какая-то, невысокий, ушастый, носатый, на мыша похож.

А потом моргнешь — снова орёл и красавец. И вот слушаю я этого орла и красавца, что он там про свой опыт работы несёт, и чувствую, что он такой мой, каких моих ещё не было. Не то что «Я с первого взгляда поняла — это судьба!», а просто видишь свою недостающую половину и чувствуешь, как она с каждым движением совпадает с тобой всё сильнее и сильнее. И дух захватывает, и сосёт под ложечкой, и ожидание чуда, предвкушение его как в детстве, когда оно уже почти на кончике языка, и почему-то на заднем плане этой лавины тихой-тихой нотой звучит прозрачная такая светлая грусть. И тут кандидат неожиданно спрашивает: «Извините, а вы не лесбиянка? Я на вас так пялюсь, что, если вы лесбиянка, вам, наверное, неприятно. Вы скажите, я перестану». На этом официальная часть собеседования и кончилась. А неофициальная кончилась в семь утра. Просто разговаривали, да. Хотя уже, конечно, понимали: недолго нам осталось просто разговаривать.

А потом закрутился такой рок-н-ролл, что оконные стёкла плавились. По моей категорической рекомендации его взяли к нам на работу и почти тут же уволили как слишком творческого и неуправляемого даже для неуправляемого творческого отдела. Я под эту дудку испортила отношения с начальством и тоже была на грани вылета. От него ушла жена и забрала детей. Он впал в депрессию — а это ох, горючая смесь, депрессия и влюблённость, — но упорно твердил: всё к лучшему, жизнь мудрее, всё к лучшему. Хотя, казалось, куда уж лучше. От меня отвалилась куча знакомых, мол, ну тебя с твоим дурным че геварой. А в нём и правда гибкости и дипломатии не больше, чем в бронепоезде. Встал на рельсы и попёр на борьбу с двойными стандартами, спасать мир от лажи и учить истинной любви. Как он это понимает. Но мир не хочет, чтобы его спасал бронепоезд, даже набитый истинной любовью. Даже я время от времени думала: да ну тебя в пень, Володя. Всё у тебя не как у людей. А я хочу, как у людей. Как у шести миллиардов, которые живут себе и не парятся, истинная у них любовь или какая.

В общем, год с лишним в Омске прошёл как адские качели — от обожания до ненависти, от полного доверия до дикой ревности. Как же мы вымотали друг друга... Вместе — все криво. Пытались расстаться — не получается. Тут же такая пустота, как будто сам себя предал и бросил. Я всё надеялась, что само пройдёт. Знаете, бывает такая страсть, когда вроде от любви с ума сходишь, а потом раз — и как пелена с глаз упала: кто этот человек, зачем он рядом со мной, что это было... Не любовь, а так, горячка. Вот я думала, может, и у нас такая... Ох, сколько ж я болтаю. Надоела уже, наверное?

— Нет, нормально. Интересно.

— Я обычно мало говорю. Особенно по сравнению с Вовкой. Вот он радио! Мне все говорят «Как ты с ним можешь подолгу, у меня бы мозг вскипел!» А мне нравится. Успокаивает. Как шум дождя там, прибой. Или треск дров в камине — есть настроение вслушиваться, так много чего услышишь, а нет настроения, так пусть просто трещит себе. Так уютно, молчать и слушать камин. А тут прямо не могу рта закрыть. Похоже, нервное. Всё-таки очень волнуюсь, успеем ли. Ну, так вот, и вдруг меня зовут работать в Новосибирск. Очень так, знаете, хорошо зовут. На большие деньги и ещё большие перспективы. Ну, думаю, вот и славно. Вот оно всё само и кончится. Пакую чемоданы в Энск, и мы прощаемся с Вовкой. Неожиданно легко и просто прощаемся, как выдыхаем оба. И так сразу становится хорошо, так свободно, как будто держали друг друга железной хваткой, вцепились когтями и зубами, душили, тянули на себя, а тут раз — и отпустили. Ты чудесная, будь там счастлива. И ты будь счастлив здесь. Хорошо, что всё было, и хорошо, что всё закончилось. Всё к лучшему.

Она замолкает, глядя на часы, как будто проваливается во время, прошлое или будущее. Слышно только урчание мотора: «Патриот» бесстрастно пожирает километры.

— И всё действительно закончилось. Совсем другое началось, совсем другое. Разъехались мы и вдруг поняли, что действительно любим друг друга. Совсем любим, полностью. С лица и с изнанки. Со всеми потрохами, которые раньше пытались друг из друга достать и выкинуть. И не важно, сколько и чего нас разделяет, потому что мы — целое. Позвонил на третий день и попросил выйти за него, а я даже не удивилась. Это как во время дождя сказать — идет дождь. Ответила «да». Даже не сказала, а просто превратилась в одно большое Да. И ни секунды не думала, как я с ним буду, с дурным че геварой, непризнанным гением без гроша за душой. Просто почувствовала всею собой: я уже с ним. Как со своей рукой, ребёнком, родителями. Не выбираю, не решаю, а просто принимаю его как есть, до дна. Вот тогда мы впервые в жизни поняли, что такое счастье. Счастье — это когда ты всему, что происходит, говоришь Да. Всё принимаешь как есть, не пытаясь ничего менять. Ни в себе, ни в нём, ни в чём. Господи, это так просто, быть счастливым! Если бы вы знали, вы бы так хохотали...

Она беззвучно смеётся, уткнувшись носом в лодочку из ладоней. Убирает руки от лица, скрещивает на коленях. Улыбается даже не губами, а всем лицом. Будда из мультика «Манга».

— Вот так на излете романа пришла любовь. Как оно дальше будет, где — неизвестно. У меня тут работа, у него там дети. Но это совершенно не важно. Всё сложится само, это ясно как белый день. Нет, оба мы понимаем, что хоть сейчас и кажемся себе вечными и неуязвимыми, всё равно — никаких гарантий. Всё ещё можно испортить и профукать. Но я очень верю, что не испортим и не профукаем. Счастье же, оно как велосипед. Один раз получилось — уже не разучишься. Хотя слезать периодически придётся. А может, даже и падать.

Звонит её телефон. Тихо чертыхнувшись, лезет в сумку, опасливо смотрит на экран. Выдыхает, расплывается в улыбке.

— Да, мам! Еду в Омск. На машине. На какой?.. Ну... На хорошей машине. Вы как?..

Холмистые поля и березовые колки мерно скользят по обеим сторонам трассы. В небе неподвижно розовеют пухлые, взбитые к вечеру облака. Высоко, почти между ними, барражирует коршун. Простенький пастельный простор сибирской лесостепи. До Омска, где живёт её счастье, остаётся чуть больше трёх сотен. И две тысячи — до Москвы, где живёт его... Его что? «Бывает такая страсть, когда вроде от любви с ума сходишь, а потом раз — и как пелена с глаз упала: кто этот человек, зачем он рядом со мной, что это было... Не любовь, а...» — вдруг всплывает и снова тонет в памяти, оставляя как эхо «Не любовь, а...».

Машин становится больше, скоро Барабинск. Попутчица молчит уже долго, он даже думает, не заснула ли. Нет, не заснула. Снова цепко держит прозрачными глазами убегающий под колёса асфальт, словно магнитя его, притягивая, стараясь ускорить и без того стремительный ход машины. Сосредоточенное оцепенение, медитация на километры, привычное ему дао дальней дороги.

И вдруг рядом с ним словно что-то взрывается. Её глаза становятся огромными, рот раскрывается для крика, но издает только сдавленный полувздох-полувсхлип. Она мгновенно и легко, как угорь в руках, изворачивается под ремнем, вся вытягивается к заднему окну и кричит что-то странное.

— Уши, уши!!! — вопит она во внезапном хохочущем восторге, колотит рукой по спинке сиденья, по его плечу. Господи, не тронулась ли? Глаза, безумные и шальные, уставились прямо на него:

— Стойте! Стойте, вон он там!

— Кто? Где?

— Вовка же! Вон там на другой стороне дороги. Да стойте же, пожалуйста!

Тут он замечает в зеркале заднего вида крохотный уже силуэт, голосующий у противоположной обочины. Подробностей силуэта разобрать невозможно.

— Это он? Вы уверены?

— Да кто ж ещё, когда он! Ну, остановитесь, и так бежать уже вон сколько!

И побежит ведь, бросится прямо наперерез плотному вечернему потоку. У вас, неуязвимых, ума хватит, думает он, закладывая крутую петлю разворота. С каждой секундой фигура на обочине становится крупнее, детальнее, превращаясь в невысокого широкоплечего парня в голубых джинсах и желто-зеленой майке. Он машет рукой так, будто и правда пытается поймать пролетающие мимо автомобили, словно огромных разноцветных стрекоз. Подбегает к остановившейся машине, дергает дверь, не дожидаясь, пока опустится стекло, и — замирает с открывшимся ртом, с глазами, вылезшими из орбит. Так выглядел бы памятник человеку, умершему на месте от счастья и изумления. Госпожа, ваш сюрприз удался.

— Янка! Яночка, миленькая!!! — наконец орет он и сгребает её в охапку, проваливаясь в салон. Она хохочет, одной рукой обнимая, второй пытаясь нашарить замок ремня и наконец отстегнуться. Но замок никак не попадает под прыгающие пальцы, и они взлетают к вьющимся русым волосам, гладя, перебирая, нашаривая в их ворохе и правда нерядового размера уши. «Что ты здесь делаешь?!» — разом спрашивают они где-то между поцелуями, разом смеются, утыкаясь друг другу в плечо.

— Так что ты здесь делаешь, уши?

— То же, что и ты, глаза мои. Еду к тебе.

Из сбивчивого рассказа постепенно выясняется: узнав про билеты, точнее про их отсутствие, он решил приехать в Новосибирск сам. Сделать сюрприз. Сел на свою старую «японку», заехал на СТО — СТО обнадёжило, что некоторая вероятность доехать до Новосибирска, не поломавшись, есть. Решил, что для человека, которому НАДО, этого более чем достаточно. Благополучно дотелепал аж до Барабинска и только здесь уже закипел и встал намертво. Бросил «японку» в городке, дальше решил ехать автостопом. Очень долго никто не брал его, пока наконец не остановился «Патриот».

Довезу ли я вас до вашей машины в Барабинске, госпожа? Что за вопрос. Она перебирается на заднее сиденье, прислоняется к плечу, улыбается и действительно молчит. Молчит, гладит волнистые волосы, смотрит на его губы, слушает свой камин.

— ...И вот стою на трассе третий час, темнеет уже, никто не тормозит, вижу, что никуда уже я до тебя не доеду, но как дурак про себя талдычу «Всё к лучшему, жизнь мудрее, всё к лучшему», хотя понимаю, ну, какое к лучшему, когда всё хуже некуда... А представь, если бы я не сломался, если бы машину сразу поймал, приехал бы в Энск, а ты в Омске! Слушай, миленькая, как же нам везёт, какая же ты красивая, что это за майка, я её раньше не видел, очень идет тебе...

Он с удивлением замечает — ему совсем не больно от того, что в машине воркуют двое любящих и абсолютно счастливых. Ещё утром одна мысль об этом была бы невыносимо мучительна, а сейчас нет. Слыша за спиной его болтовню, видя в зеркале её улыбку, он хочет только одного — чтобы у этих двоих всё сложилось хорошо. Так хорошо, как это только возможно. Почему-то кажется, что от этого зависят его собственные любовь и счастье. Сама возможность его счастья и его любви.

А вот и помятая краса и гордость японского автопрома конца прошлого века. Стоит, грустит на обочине пустынной барабинской улицы, сиротливо отсвечивая омскими номерами.

— Вон там рядом мотель, мы туда, а утром будем чинить машину.

— А потом в какую сторону?

— Хороший вопрос. Тут же ровно середина между Энском и Омском... Да утром посмотрим. Куда ни поедем, всё к лучшему! Спасибо вам огромное. Даже не представляете, как здорово, что я вас встретила.

Она смотрит весело и спокойно, отведя в сторону руку, за которую её мягко тянут в сторону мотеля. Вторая рука что-то ищет в кармане сумки.

— Хотя, нет. Я думаю, представляете. Вот, это вам из Новосибирска презент.

В его руку ложится конфета. Дорогой глянцевый фантик с букетами сирени, сбоку изящным рукописным шрифтом выведено название — «Поминальная».

— Не подумайте, они очень вкусные, хоть и странные, конечно. Постоянно вожу как сувенир, чисто новосибирский артефакт. Знаете, шоколад, он ведь не про поминать — он про помнить. А мне кажется, вам есть, что вспомнить. Именно то, что вы больше всего стараетесь забыть.

— Опять цыганский гипноз? — спрашивает он, стараясь отогнать внезапную ледяную волну, накатившую от ног к сердцу.

Она смеётся и растворяется в голубых барабинских сумерках без ответа. Всё к лучшему.

...Я довез ребят до места и высадил. Вот даёт девчонка! Кажется, не от мира сего, странноватой! Но как любит! Искренне, без наигрыша. Я ударил руками по рулю. Катя, Катя... Если бы ты хоть чуть любила меня, разве устроила бы эту комедию с записками-погонями... Эх, надо было рассказать обо всём Яне-психологу. Может, и присоветовала бы чего... Если разобраться, то из всех моих чувств в отношении к Кате самым сильным становилось раздражение...

ДОРОГА И ЛЮДИ

Андрей Каштанов

Обед в столовой при заправке — лучшая часть дня любого дальнобойщика. И тут важно не поддаться сиюминутному порыву и не остановиться у первой попавшейся АЗС с непонятно каким буфетом, а доехать до «своего» места, где есть горячее и выпечка, где супы наваристые, а порции второго не заставляют жаловаться на их объём. Ради такой трапезы можно проехать «лишние» полста, а то и все сто вёрст.

По чистой случайности Егор остановился как раз в самом популярном среди водителей месте на этом участке трассы — кафе «Василёк». У обочины стояло сразу несколько фур, водители которых заполнили почти всё небольшое помещение кафе. Дородная дама за прилавком, общающаяся со всеми исключительно на «ты», обслуживала бойко и шумно, вынося блюда откуда-то из-за перегородки, как из-за кулис. Водилы, сидевшие за столами группами, разговаривали вполголоса, создавая в зале непрерывный ровный гул. Егор зашёл внутрь и приостановился у входа, как будто всё ещё решая, хочет он есть или спокойно дотерпит до Барабинска — благо до райцентра оставалось каких-то сто двадцать километров.

...Вот и меню, висит на стене — обычный лист бумаги с написанными от руки наименованиями блюд. Внизу, естественно, подпись директора, печать и дата. Всё очень основательно и, как бы сказали модные столичные жители, аутентично. Чего б они понимали в аутентичности.

Егор быстро пробежался по меню глазами, затем сел за свободный столик и огляделся по сторонам. Стены, обитые вагонкой, слегка потемнели от времени, но проолифены были на совесть. Весёлая продавщица своим смехом и массивной грудью, туго затянутой тесёмками высокого передника, казалось, заполняла всё оставшееся от дальнобойщиков пространство. Прямо напротив Егора сидел огромный колоритный «камазист» и толстыми пальцами отправлял

в рот сочные беляши, один за другим. Они исчезали, как уголь в топке паровоза. На полке в углу рядом с иконами стоял старый «самсунг» с выпуклым экраном, с которого в зал вещал пыльный ведущий новостей.

Бывает же так: снаружи головы всё просто и понятно, а внутри полный бардак...

— Молодой человек, ну как, вы определились? — Егора словно разбудили.

Он сфокусировал зрение, перестал пытаться смотреть внутрь собственного черепа и стал смотреть привычно наружу. На него в ответ смотрел тот самый бюст продавщицы, на котором гордо красовался бэджик с именем Рита. При этом бэдж так далеко торчал из тела, как будто он не был просто продет сквозь ткань передника, а был воткнут прямо внутрь, в самую плоть.

Егора аж передёрнуло от собственных фантазий...

— Сударыня, будьте добры солянку, пельмени и морс.

— Да уж не сомневайтесь, буду добра. Сударь.

Продавщица Рита исчезла за перегородкой и вернулась буквально через полминуты с высоким блюдом, похожим скорее на чашу для салата, чем на тарелку для супа, почти до верху наполненным густой солянкой. Егор с готовностью погрузился в поглощение. Всё лучше, чем пытаться разобраться в своих мыслях. Во всяком случае, продуктивнее. Вот кружки копчёной колбасы, вот куски мяса, вот маслины, лимон... Ты смотри, у них тут даже каперсы есть. А ведь действительно хорошее место. И сметаны не пожалели.

Гастрономические размышления Егора прервал мужчина средних лет, который всё это время сидел отдельно от всех в углу под телевизором, ничего не ел, а просто наблюдал за людьми как будто в ожидании чего-то. Мужчина встал из-за стола, подошёл к Егору, слегка наклонился и спросил крайне учтиво:

— Простите, молодой человек, что отрываю от трапезы... Это ведь вы на УАЗе?

— Ну да, я, — ответил Егор, отложив ложку в сторону.

— Если вы до Барабинска, не могли бы захватить меня с собой? Очень нужно в райцентр, а ребят не дождёшься, — мужчина кивнул в сторону дальнобойщиков. — Пока наедятся, пока заправятся, поспят.

— Да ради бога. Возьму, конечно.

— Вот и спасибо. Я тогда на улице подожду.

Мужчина моментально распрямился и торопливо покинул кафе, словно опасаясь, что, если он пробудет там ещё немного, Егор может передумать.

Практически сразу после этого из-за перегородки показалась мадам Рита. Она продефилировала по кафе, решительно подошла к Егору и, кокетливо

повиляв бёдрами, уселась за стол.

— Привет, золотце! Слушай, ты ведь до Барабинска? Не подбросишь учителя? — Рите, видимо, вообще не было свойственно общаться с людьми, как с незнакомыми, что, впрочем, не лишало её шарма и обаяния. Егор немного смутился от внезапного проявления женского внимания и переспросил:

— Какого учителя?

— Да вон того, — Рита обернулась, чтобы показать, но в углу, куда она смотрела, никого не было. — А где же он?

— А, так мы с ним уже договорились, — успокоил Егор. — Ждёт на улице.

— Вот и отлично. Значит, ещё подождёт. — Рита кокетливо улыбнулась и вызывающе эротично удалилась за перегородку, вызвав на себя град водительских взглядов. Когда она в следующий раз облагодетельствовала зал своим появлением, к похотливым взглядам добавились ещё и возгласы возмущения и зависти: у Риты в руках была огромная тарелка с горой пельменей, на вершине которой жёлтым айсбергом таял квадратный кусок масла.

— Э! А чё это ему так много? Нам такие порции не дают.

Рита с готовностью парировала:

— Молодой человек согласился подвезти Евгения Иваныча. Доброе дело делает.

— Рит, а почему ты его персонально обслуживаешь? — Водилы не унимались.

— Мужчина у нас в первый раз. Может, и в последний. У него должны остаться о заведении только приятные воспоминания.

Уж в чём-чём, а в формировании приятных воспоминаний Рита преуспела.

Еле поглотив геркулесову дозу пельменей и гостеприимства, Егор вышел из «Василька» и тяжёлым медленным шагом двинулся к своему «уазику». Если бы не новый попутчик, Егор бы сейчас с удовольствием повалялся на заднем сиденье с полчасика, подождал бы, пока хоть как-то уляжется обед. Перспектива трястись по раздолбанной трассе с полным до самого горла желудком большой радости не вызывала. Однако учитель, похоже, ждать не собирался. Он во всю расхаживал вокруг машины, всем своим видом выражая желание двинуться в путь как можно скорее.

Пока до «уазика» была ещё пара десятков метров, Егор рассмотрел своего пассажира. Это был гладкий дядька в неновой, но аккуратной одежде: костюмные брюки со стрелками, выглаженная куртка и даже шляпа. О, да! Шляпа под Барабинском. Заметив Егора, учитель двинулся навстречу и протянул руку для приветствия.

— Забыл представиться — Евгений Иванович.

— Да, я уже в курсе. Егор, — и Егор пожал протянутую руку.

Как только сели в машину, Евгений Иванович тут же стал торопливо извиняться за навязанную компанию. Типичная привычка воспитанного человека, с головой выдающая провинциального интеллигента.

— Вы уж простите, что напросился... Если б не срочные обстоятельства, дождался бы выходных и поехал на автобусе. А так, понимаете, я работаю в школе — мы с ребятами в следующие каникулы планируем съездить в Китай, документы вот сейчас оформляем... Плюс пришли учебные материалы, надо срочно забрать, а то, не ровён час, сопрут или, того хуже, потеряют.

Егор тем временем завёл машину и тронулся. Гравий под колёсами сменился глухим шорохом асфальта.

— Тяжело, небось, в сельской местности работать? — Егор решил поддержать разговор. Из вежливости.

— Да как сказать... Тяжело на печи весь день валяться — бока отлежишь. А в школе тяжело только, что уроки в две смены допоздна. Поспать толком некогда. Так это везде, не только на селе. Правда, у нас немного иначе — школа-интернат, одна на несколько сёл и деревень. Детей родители привозят в понедельник, увозят в пятницу. Спят и живут они в общежитии при школе. Некоторые целыми четвертями дома не бывают. Ну и, понятное дело, следить за ними надо, воспитывать. А мамой и папой для семидесяти человек быть непросто, ваша правда. Вот я уехал, вернусь, дай бог, вечером или вовсе завтра, а они там на ушах стоят. Так что и сам не рад, что посреди недели попёрся в центр.

Учитель замолчал.

— Да уж... Если б не крайняя необходимость, я бы тоже остался дома, — как бы жалуясь подхватил Егор. — Трястись по асфальту этому размытому да по выбоинам — удовольствие то ещё. Как машина терпит, удивляюсь.

— Вы знаете, Егор, здесь я с вами не соглашусь... — Евгений Иванович снова замолчал, как будто собираясь с мыслями, и вдруг продолжил с какой-то странной энергией и энтузиазмом, —... вернее, не то что не соглашусь, а просто расскажу вам кое-что, поделюсь мыслью. Знаете, я всю жизнь живу в селе, на природе и вот с этим, как вы говорите, размытым асфальтом, бездорожьем и вообще со всем тем, что вы считаете неудобствами, сталкиваюсь каждый день. И пришёл к такому выводу, Егор: отношение современного человека к дороге совершенно неправильное. Нельзя относиться к ней, как к чему-то, что упрощает жизнь.

— Как это? В смысле? — Егор даже икнул от удивления.

— Всё очень просто. Вы только попытайтесь на миг забыть, что вы водитель, и вспомните, что вы просто человек, то есть часть природы, как животные, растения или воздух... Так вот, дорога — такое же явление природы. Совершенно естественное. Мы ошибочно полагаем, что создаём дороги, строим их и ремонтируем, однако, как бы парадоксально это ни прозвучало, дорога возникает сама по себе. Она существует по тем же законам, по которым живёт лес или горы. Это не утюг и не холодильник. Это не то, что человек создаёт сугубо для себя и своего удобства. Это живой организм. Понимаете?

— Не уверен, — Егор с тревогой, но в то же время и радостью почувствовал, как его мозг выходит из спящего режима и впервые за несколько дней начинает всерьёз думать о чём-то ещё помимо личной драмы. И пусть обсуждаемая тема выглядит пока полнейшим бредом или, как минимум, крайне странно, он, Егор, будет продолжать думать о ней. Уж лучше пусть его мозги сломает сельский учитель, чем они сами взорвутся от непонятно чего.

Евгений Иванович тем временем продолжал. Совершенно ненавязчиво, спокойно и крайне рассудительно.

— Чего ж тут непонятного? Давайте я вам поясню на примере. Возьмём какое-нибудь растение. Пусть это будет земляника. Вы ведь не указываете ей, где расти, так? Ну, вернее, вы можете посадить её у себя в огороде — и то ещё неизвестно, зацветёт она там или нет, — но когда вы приходите в лес, вы собираете ягоды только там, где они растут сами по себе. Земляника не выбирает места, чтобы вам удобнее было её собирать. Так же и дорога. Это не мы её строим и прокладываем, а она нам подсказывает, где ей лучше пройти. И мы, кстати, не всегда эти намёки замечаем. Поймите, Егор, это человек не может без дороги, а дорога без человека обходится отлично. Вы когда-нибудь были на Камчатке, видели медвежьи тропы?

— Нет.

— Очень жаль. Вы будете смеяться, но это и есть самые настоящие дороги. Совершенно естественные, крайне удобные и не имеющие к человеку никакого отношения.

— Так что ж теперь, по медвежьим тропам фуры гонять? — Егор вдруг вспомнил посетителей «Василька», один из которых комплекцией вполне походил на медведя.

— Вы действительно не понимаете. Я не о медвежьих тропах, а о том, что неправильно подходить к дорогам с позиции силы, с позиции хозяина. Наоборот,

нужно вспомнить, что мы с дорогой — части большого целого, и можем существовать только во взаимодействии и гармонии. Иначе ничего путного не выйдет. Вот, к примеру, Москва. Я бываю там где-то раз в год и вижу следующее: город весь буквально изрезан шоссе, транспортными кольцами и развязками, как пирог ножом. И, думаете, от этого им там легче? Да ничего подобного. Только хуже. И чем больше дорог они ещё построят, тем сложнее будет. Можно вообще заасфальтировать весь город, но это ничего ровным счётом не решит. Ситуация только усугубится. Это ведь уже будут не дороги, а сплошное дорожное покрытие с разметкой.

Евгений Иванович опять замолчал, а Егор попытался соотнести услышанное только что с тем, что ему когда-либо говорили о Москве. Возразить учителю пока было нечего.

— Или вот ещё пример, возможно, более красноречивый. Почему, как вы думаете, нас фашисты не смогли победить?

— Как почему? Красная Армия, народ не позволил.

— Совершенно верно. И дороги в этом нам сильно помогли. Немцы же приехали покорять, завоёвывать. Для них и дорога это кратчайший путь от точки А до точки Б. Но у нас всё совсем не так, как в Европе. У них автобаны, у нас грязь. У них шоссе прямые, как стрела, а у нас даже если в деревне всего одна улица, она обязательно кривая. Для них дорога точно должна привести в пункт назначения, причём быстро и с удобствами. Но это же нонсенс. Утопия! Русская дорога никому ничего не должна.

— Вот это точно, — Егор с готовностью согласился.

— У нас дорога — это стихия. Как и народ. Нельзя воевать с тайфуном, Егор. И люди с природой — единое целое. Вот поэтому мы тут живём, а они нет... А вы ещё жалуетесь на кочки, ямы и трещины в асфальте. Да вы их полюбите, и они вам ответят взаимностью.

«Чё-то учитель засиделся в селе, — подумал про себя Егор. — Не хватало мне ещё с асфальтом в любовь играть».

— Я понимаю ваш сарказм, — Евгений Иванович как будто прочитал мысли Егора, — но, поверьте, в моих словах гораздо больше здравого смысла, чем может показаться на первый взгляд. И вы сами скоро в этом убедитесь. А пока для закрепления пройденного материала вот вам одна история. Вы уж извините, я всё с примерами. Без них никуда.

Пару лет назад через наши места проезжала группа туристов. Обеспеченные ребята на джипах. Москвичи и двое иностранцев. Ехали из Москвы в Китай

и застряли у нас тут почти на неделю. Причём из-за своей же глупости и самоуверенности необоснованной. Им сразу сказали, чтоб продолжали ехать по шоссе, иначе застрянут, но они же вроде как крутые. Типа «мы уже полстраны проехали и ещё полстраны проедем». Из всех карманов торчат джипиэсы, в руках ноутбуки. Ну и что? Поехали по зимнику — лес им, видите ли, захотелось пофотографировать — и, естественно, увязли. Их буквально случайно нашёл Витька, наш механизатор — поехал на болота за клюквой, вот на таком же УАЗе, как у вас. Проезжает мимо, а они там сидят все по радиатор в земле как вкопанные. Даже двери не открываются, так врылись в грязь. Витька на своём мотается между ними, как пастуший пёс вокруг стада. И всё без толку. На дворе ночь, до ближайшей деревни вёрст тридцать. Сидят чертыхаются, дураки.

Так бы и сидели, если б Витька не попросил дать ему джипы вырулить. И то ведь не сразу согласились, гордые все. Сел, один раскачал, выполз, потом другой, третий... Все до единого. И уехал. Туристы на следующий день, уже когда по нормальной дороге через село проходили, специально нашли Витьку и давай его пытать — дескать, что за курсы заканчивал, где так по бездорожью ездить научился. А Витька даже не понимает, о чём его спрашивают. Какие курсы? Он родился на этой земле, он эту грязь как родную знает, разговаривает с ней на одном языке. Для него дорога — это не где асфальт проложен, а там, где он сам в конкретный момент находится. Дорога — это он, а он — это дорога. Но ребята, похоже, так ничего и не поняли...

Евгений Иванович в который раз замолчал. Остаток пути проехали в тишине. Голова Егора пыталась переварить слова учителя, живот — гробницу пельменей из «Василька». На подъезде к Барабинску Евгений Иванович попросил остановиться — захотел пересесть на трамвай, тепло попрощался, поблагодарил за поездку и, внезапно перейдя на ты, совсем как Рита час назад, сказал напоследок: «Дело не в колдобинах, Егор. Дело в тебе. Дорога — это ты, а самому с собой всегда проще. Пойми это, и тогда тебе хоть в болоте будет хайвей».

Учитель ушёл. Егор поехал дальше и сразу заметил, как резко изменилась дорога. Как застучали колёса по выбоинам, как забилась от вибрации подвеска. Как будто последние сто километров его УАЗ ехал, как по стеклу, а тут вернулся на обычную дорогу. На привычную раздолбанную трассу.

Ни за что не смог бы проехать мимо такого колоритного пассажира. У ног парня лежал рюкзак, к которому был прислонен самый настоящий рыцарский щит.

Я остановился и гостеприимно открыл дверцу:

— Залазь, Дон Кихот! Только вещи лучше назад положить.

Парень не заставил себя упрашивать — закинул вещи в багажник и устроился рядом со мной.

Осмотревшись в салоне, он одобрительно прогудел:

— Хороший зверь! До лагеря подкинешь? А то там через лес, по грунтовке.

— Подкину. Не вопрос. Но с тебя рассказ, как дошёл до жизни такой, — я улыбнулся и ткнул пальцем назад, где лежал щит...

СВЕТЛЫЙ РЫЦАРЬ, ЧЁРНЫЙ ПОЯС

Дмитрий Кащеев

В стан «ролевиков» я попал случайно. Мой двоюродный брат как-то попросил меня поучаствовать для массовки. И я влип. А как невинно всё начиналось...

Если кто не знает, то поясню: ролевые игры — это не то, о чём могут подумать некоторые испорченные всеобщим сексуальным просвещением граждане, а что-то вроде театрализованного любительского представления. Собираются со всей страны фанаты разных фантастических книжек... и давай любимые произведения в жизнь воплощать. А то, что герои в них не всегда люди, это мало кого беспокоит. Назовут тебя эльфом или гномом: хочешь — не хочешь, входи в образ. И носятся по лесу несколько сотен эльфов, гоблинов и орков, колотя друг друга бутафорским оружием.

«Игрушка» планировалась аж на две недели. Всего ожидалось около трехсот человек. Местом проведения мероприятия избрали Подмосковье. А поскольку любишь кататься — люби и саночки возить, то все неработающие члены клубов, вроде меня и моего брата были в приказном порядке приглашены за неделю до игры на фортификационные работы, для подготовки игровой территории.

Нам создали соответствующие условия — палаточный лагерь, трехразовое питание. Чтобы не наносить лесу ущерб, стройматериалы завозили с ближайшей лесоторговой базы. Бывалые «ролевики» утверждали, что происходит нечто нереальное. Наш покой берегла доблестная милиция. Целых два дня! На третий день милиционеры уже распивали с нами спиртные напитки и уговаривали всех идти на дискотеку в соседнюю деревню, чтобы разобраться с местными, которые постоянно пытались стянуть у нас инвентарь и вообще все, что могло пригодиться в хозяйстве.

* * *

Постепенно лагерь наполнялся все новыми людьми: у кого-то начинались каникулы, кто-то уходил в отпуск. За это время я узнал много нового о правилах поведения на ролевых играх и научился немного работать мечом. Искусным фехтовальщиком не стал, но если попадал по противнику, то мало тому не казалось. Своих же наставников я обучил нескольким ударам из арсенала карате, которые не требовали особенной физической подготовки.

В общем, время текло быстро. Мы построили семь достаточно приличных крепостей. Различные заставы, хутора, деревни и прочую мелочёвку строили без счета. Сделали несколько кладбищ, необходимых по сюжету (они получились очень натуральными, и я думаю, что не один грибник ещё огласит лес своим испуганным криком, случайно наткнувшись на наши творения пасмурным осенним вечерком, тем более что некоторые могилки были живописно разрыты).

Мастера, а именно так называют организаторов ролевых игр, остались довольны нашим титаническим трудом. Особенно поражали воображение черепа коров и свиней, красовавшиеся на частоколах застав и крепостей (головы животных мы сперли с мясокомбината рядом с деревней).

За два дня до начала игры собрались почти все участники предстоящего мероприятия. К моей радости приехали и четверо моих друзей-каратистов, которых я позвал по просьбе брата в качестве группы усиления.

Когда все руководители клубов и мастера собрались, началось обсуждение правил проведения игры. Клуб «Алтарь штормов» как организатор, конечно, играл роль первой скрипки, но дебаты разгорелись нешуточные. То эльфам стрел мало выдали, то колдунам и магам заклинания не нравятся, то... Короче говоря, головы у меня и у моих бойцов опухли в два счёта, и когда я услышал слово «кастовать», то предложил своим ребятам именно так и поступить. То есть «кастовать» отсюда подальше и ложиться спать.

С утра нас разбудили на жеребьёвку, по результатам которой мы оказались защитниками крепости то ли Дол-Бартур, то ли Дулбатур. Я, к счастью, попал в «люди», и мне дали меч, шлем с забралом, кирасу, защитное снаряжение для рук и ног и несколько «хитов» («хиты» — это не шлягеры, которые я должен был распевать в бою, как вы могли подумать, а система очков, которые обозначают силу твоего оружия и крутизну доспехов). Друзьям моим повезло меньше

(и поделом, все-таки я один из славных создателей Дулбатура!). Двое стали гномами, причём их имена говорили сами за себя: Дурин и Хурин (смеялся, помоему, я один, когда их поименовывали), а ещё двое эльфами (их имена я бы не запомнил, даже если бы специально заучивал). Меня обозвали звучным именем Каладрон.

Остальная же братия и так прекрасно разбиралась, кто есть кто и какого он рода-племени.

Засели мы, значит, всей честной компанией в Дулбатуре. А крепость эта, может, и не самая грандиозная из всех построенных нами, но впечатление производит! Частокол из брёвен в виде квадрата со стороной метров в пятнадцать, ров шириной в два и глубиной полтора метра, подъёмные ворота, четыре башни по углам и цитадель посередине.

Набилось нас в крепость где-то человек (в смысле людей, гномов, эльфов и магов) шестьдесят. Часть народа на стены залезла, часть в цитадель, остальные по периметру рассредоточились. Сидим, ждём. И дождались! Прямо как в фильме «Храброе сердце»! Ворота, гады, таранят, стены таранят, по приставным лестницам карабкаются — мат стоит, хоть гномью секиру вешай! Мы с моими парнями, что и говорить, поначалу подрастерялись, а потом попривыкли, во вкус вошли — крепость-то защищать надо. Особо я засуетился, как-никак горбатился на строительстве, каждое бревно по срезу узнать могу, а тут понаехали конаны-терминаторы, им бы только разломать чего.

Отбили мы первый штурм достаточно легко, камнями закидали (аналогом камней служили мешки с травой, а бревен — пенки из-под спальных мешков, скатанные в трубки). Только вот незадача, кончилось у нас всё это добро слишком быстро. Влез я на стену, гляжу, а народищу возле крепости — сотни полторы! И сразу видно, что не наши они! Мы-то по сюжету светлые, добрые то бишь, а у тех, внизу и бунчуки с черепами, и флаги чёрные, да и лица мне их не понравились, очень уж недовольные. Я стал своих на контратаку подначивать, бить вражин. Собрали мы человек сорок, у кого с «хитами» погуще, ворота подняли и как вдарили... Точнее, размахнулись, а вдарить так и не успели. Выбежала девочка с противной стороны, с распущенными волосами, да как заорёт дурным голосом: «Смерть! Смерть! Смерть!» Наши храбрецы как рванут назад. Я почуял неладное и за ними во все лопатки. Забежали мы в Дул, ворота едва успели закрыть. Я спрашиваю нашего мага, мол, Диман, в чём фокус. А тот мне и поясняет, что девочка эта — ужасная ведьма Фэтана и сеет смерть

в десяти шагах вокруг, и наши ребята, что не успели убежать, погибли. Я огляделся — точно, человек семь мы там оставили. В том числе и обоих моих лихих эльфов-каратистов.

Дёшево и сердито у девочки-смерти получилось! Три слова и — прощайте навек славные защитники Дулбатура! Пусть земля вам будет пухом. Я расстроился не на шутку, что толку воевать, если нас перебить в пару вылазок можно без особых проблем. Все наперебой стали меня утешать, что заклинание подобное у ведьмы одно-единственное и больше таких сюрпризов не предвидится, так что можно смело идти мстить за павших.

Я мигом воспрянул духом. Думаю, ну держись тёмная братия, сейчас в землю вбивать будем! Откинули опять ворота и в атаку! Так мне хотелось по-рыцарски сверкающим вихрем врубиться во вражеский строй, а выходило всё как-то неспортивно, то подсечкой кого опрокину незаметно, то толкну так, что человеку кажется, что земля неожиданно встала перед ним на дыбы. Мастера же, ответственные за боевые действия, постоянно меня останавливали, едва я входил в раж. Но как бы то ни было, мы продвигались вперёд очень даже шустро.

И вот, когда уже казалось, что нет такой силы, которая может остановить наш натиск, мой брат как заорёт:

— Назад! Дракон!!! Дракона привели!

Я даже заматерился во весь голос — опять двадцать пять! То ведьма, то чудище какое-то! Но правила есть правила, отступать так отступать — дай хоть погляжу, что за дракон такой ужасный. Начал головой вертеть — чуду-юду не видали? А наши уже из крепости кричат:

— Каладрон, мать твою, давай сюда скорее! Дракон прямо на тебя прёт!

И точно, смотрю, движется ко мне парень, длинный, худой как жердь, вместо кольчуги на груди круглая табличка с нарисованной головой рептилии, а в руке... в руке брызгалка — пузырек из-под шампуня! Мы такими в детстве поливались. И он из этого сосуда с серьезным таким видом кропит окрестности, после чего облитый падает на землю и изображает из себя труп. Через пару секунд я уже был за крепостной стеной и, давясь от смеха, рассказывал об увиденном. Никто даже не улыбнулся! Тем временем дело подошло к вечеру. Атаки прекратились, но в строю нас осталось где-то человек тридцать существ.

* * *

Мы поужинали и собрали военный совет, на котором мой брат заявил, что у нас есть-таки шанс победить. Все малость оживились и стали ждать продолжения. Он помедлил для важности и торжественно объявил, что нам надо отыграть «квест» (говоря человеческим языком — выполнить игровое задание). А именно — принести в замок Палантир — магический камень. На этом месте загалдели все: и о нечестных правилах, и о проклятых москвичах из «Алтаря штормов», которые эти правила всем навязали, и об идиотах, которые согласились с тем, что им навязали, и о том, что всё вообще бесполезно. Под убаюкивающий гул я задремал — как-никак весь день на передовой, а солдат спит — служба идет.

* * *

Очнулся я оттого, что меня безжалостно тормошили за плечо: «Каладрон, вставай! Вставай, гад!» Я открыл глаза — Костя, то есть гном Дурин, и говорю ему: « Костян, отвали, иди лучше спать». А он опять за своё: «Каладрон, вставай. Тебя выбрали за Палантиром идти». Я ему: «Сейчас, побежал уже. Тебе надо, ты и иди». А он печально так: «Не могу, я гном, мне Палантир в руки брать нельзя». Вот как, думаю, значит, все отжались, а мне теперь всю ночь по лесу за Палантиром бегать придётся.

Встал, подошёл к костру и говорю брату: «Слушай, ты зачем меня сюда брал? Врагов ломать или разной ерундой заниматься? Что, других желающих не нашлось среди игрунов ваших?». «Нет, — отвечает тот, — ты один из людей-рыцарей остался. Светлый Галадрил, выполняющий обычно все задания, пал от пламени дракона». Галадрил этот, надо сказать, перебрал накануне горячительных напитков, и если бы не пал от дракона, то от зелёного змия наверняка.

Я высказал всё, что я думаю по поводу его самого, его дружков-«ролевиков» и вообще... и согласился. Назвался Каладроном — полезай за Палантиром. Все, понятно, обрадовались, притащили мне бутербродов с разной вкуснятиной, чаю. Бегают вокруг меня, суетятся, в дорогу собирают. Дурин с Хурином со всеми шустрят, смотрю, понравилось ребятам в игрушки играть, фигней маяться, ну ничего, на сдаче на пояса я вам дам жизни.

* * *

Чуть позже спустили меня на верёвке со стены, противоположной воротам. А сами устроили отвлекающую вылазку в стан «тёмных», и, судя по всему, сражение разгоралось там нешуточное.

Задание вроде плёвое — найти в лесу костёр, возле которого ведьмы шабаш устраивают, и забрать артефакт. Отдать его должны мне по сюжету без всяких сюрпризов. Иду я по лесу и размышляю, что было бы, если бы меня, такого вот красавца в броне, каске и с мечом встретил кто-нибудь из родителей ребят, которые занимаются у меня в секции. Вот это был бы номер!

Побродил я по лесу минут пятнадцать и хохмить мне постепенно расхотелось. Это в компании на шашлыках в лесу ночью весело, а одному очень даже неуютно. И поворачиваться начал на каждый шорох непроизвольно и от веток шарахаться. Жутковато мне стало, тревожно. И, что характерно, никаких признаков костра или хотя бы маленькой искорки. Хорошо ещё, что луна из-за туч вышла. И тут слышу невдалеке противный такой гоготок. «Ага, — думаю, — ведьмы развлекаются — небось, анекдоты со скуки травят... ну я вам устрою сейчас анекдот — шугану так, что мама не горюй!»

Стал я в ту сторону красться, вот и костёр увидел — горел он, видимо, в яме, да ещё и вокруг заросли какого-то густого кустарника. Уж совсем собрался разбежаться да выпрыгнуть из кустов с воплем, как слышу:

— Мобилки давайте сюда! На хрена вам мобилки, вы ж средневековые...

И снова гогот. А голос противный такой, интонация приблатнённая. Терпеть ненавижу такие голоса. Что-то там совсем не по сюжету разворачивается на полянке. Я подобрался ещё ближе, кусты осторожненько раздвигаю и вижу такую картину.

Возле костра сидят две девчонки и пацан из наших, а рядом маячат человек пять в спортивных костюмах и кепках-аэродромах... Один в сумках роется, то на землю что-то выбрасывает, то в карманы хомячит. У парня, который с девчонками сидит, кровища идет то ли из носу, то ли из губы. В общем, разворачивается нехитрое действо под названием «гоп-стоп в срединных землях». Скорее всего «золотая молодёжь» из ближнего Подмосковья выехала на пикничок и наткнулась на наших ведьмочек. Еще раз пересчитав противников, я вздохнул — надо бы идти за подмогой. Каков бы я ни был каратист — нож в печень мне в драке воткнут легко и без всякого сожаления. Тем более у двоих в руках

какие-то палки, больно уж на бейсбольные биты смахивающие. Стал я назад пятится и тут:

— Чё, телки, загрустили? Щас шмотье проверим, потом и до вас дело дойдёт!

И снова — га-га-га! Я замер, а вот паренёк наш дернулся вскочить и моментально получил по голове.

Я отложил меч, отстегнул ножны, чтоб не мешались и, уже не таясь, шагнул из кустов.

— Что за базар, мужики? Похватали свои манатки и испарились в темпе!

Пару секунд все молчали.

— О! Ещё один клоун нарисовался! Ты хто? — опомнился тот, который сумки инспектировал.

— Конь в пальто, — отрепетированно откликнулся один из его коллег, и все радостно заржали.

Я широко улыбнулся весельчаку и выдал ему «маваши» в ухо. Хорошо выдал. От души, в полную силу, до сотрясения мозга... если там было что сотрясать. Потому что очень не любил таких вот стайных храбрецов. Ко мне кинулись сразу двое. Одного я оттолкнул «на потом», а по второму сработал классическую «троечку»: левой, правой, левой. Он нелепо завалился набок, а я еле увернулся от удара биты. От второго удара уклониться уже не успел и левая рука повисла, словно на ней перерезали мышцы. Я сгреб уцелевшей рукой ближайшего гадёныша и впечатал ему лбом в лицо. Что-то хрустнуло, и тот обмяк. Тут чьи-то руки ухватили меня за ногу, и одновременно на мне повис ещё один противник. Я упал на колени, пытаясь вернуть контроль над левой рукой. Бесполезно. Или сломана ключица или плечевой сустав. И тут тот, который навалился на меня сверху, неожиданно с воплем отскочил в сторону. Краем глаза я заметил одну из девчонок с горящей веткой в руке. Сзади к ней подбирался один из уродов.

— Беги! Беги, дура! — крикнул я, одновременно вбивая кулаком здоровой руки чью-то голову в землю.

Новый удар битой по спине скинул меня с моего противника. Хорошо, что не попали по голове! Из положения лёжа я увидел, что к нашим противникам прибыло подкрепление к количестве трех морд. Один уже схватил девчонку, заломив ей руки, — это, оказывается, была моя старая знакомая, девочка-смерть Фэтана! Трое гопников лежали на земле, слабо шевелясь. Ещё один, судя по чмокающим звукам, рвал у дерева, облокотившись рукой о ствол. Оставшаяся троица приближалась ко мне. А я стоял на четвереньках и ошалело мотал головой.

«Вот и трындец настал — могут ведь забить насмерть сгоряча!» — пронеслось в мозгу. Фэтана истошно завизжала. Я закрыл глаза, ожидая неминуемого удара битой...

И тут всё вокруг взорвалось топотом, криками, огнями факелов! Наши успели! Я закрыл глаза и провалился в беспамятство.

Ты знаешь, только потом я понял, как рисковал. Когда в больнице лежал. Убили бы меня точно. Однако о случившемся ни разу не пожалел. Принял решение — выполняй. Как подумаю, что это зверьё могло тогда с девчонками сделать, аж в груди перехватывает от ярости.

А финал у истории вообще счастливый получился, мы с Фэтаной, тьфу ты, с Машей с тех пор вместе. Свадьба вот скоро. По «игрушкам» вот вместе ездим теперь — должен же кто-то «ролевиков» этих бабахнутых защищать, чтоб не обидели какие-нибудь злыдни ненароком...

Мы расстались очень тепло — Миша оставил мне свой номер и взял клятву на обратном пути заехать. Я пообещал, что так и сделаю. А почему бы и нет? Я всегда интересовался необычными людьми. А он как раз из таких: то рубится на мечах, то бьёт морды разным типам... Самурай, ёлки-палки. Принял решение — выполнил. Навстречу опасности с голыми руками вышел и победил. А у меня задача попроще, да ещё и «Патриот» в помощь. Глупо задний ход включать...

И вот я снова на трассе. После крюка по лесной дороге мой верный «Патриот» превратился из запылённого в просто грязного. Однако победно взрыкивал мощным мотором — мол, и не такие непролазные дороги покоряли. И то правда. Куда я на нём только не заезжал! Будь подо мной другая машина — давно бы убил напрочь! А этому всё нипочём... Однако помыть надо. Только где здесь мойку найдёшь? Надо языка брать. А вот, кстати, и подходящий объект — налегке, значит, более или менее местный. И вид приличный вполне.

ВЕРШИНЫ

Александра Жавжарова

Раньше я никогда не интересовался историей своих родителей. Ну, что в ней может быть интересного? Встретились, влюбились, поженились. А они и не афишировали. Жили и жили — отец ездил в командировки, мать учила моих сверстников в школе. В девяностых, правда, пришлось им несладко — геологи стали никому не нужны, и отцу пришлось заново искать себя. Но он справился. Во многом благодаря терпеливой поддержке мамы. Именно тогда я вдруг заинтересовался историей их встречи.

Заинтересовался и принялся выпытывать у того, кто на тот момент оказался ближе всего — у бабушки. Я как раз приехал к ней отдохнуть перед очередным рабочим периодом. И оказалось, что история их не так проста и, возможно, сильно отличается от других историй. А началась она ещё в школе, вернее, в самом её конце.

* * *

Аня сдула непослушный локон со лба и оглянулась к Инне.

— Тебе кто больше нравится?

— Мне? — Инка замялась. — Ну... Сережка, может быть. А тебе?

— Не знаю, — слукавила Анна. — Мне умные нравятся.

Инка рассмеялась.

— Ну, тогда тебе Костик подойдёт — вон, очки не снимает, математику чуть не наизусть знает. Ботаник...

— Не-е-т, — обиделась Аня, — он не такой... Мне нравится, чтобы... чтобы он и в жизни умным был, ну... как... как Демов...

Сказала и покраснела.

— Это Олег что ли? Да ну, какой-то он... некрасивый...

Рассуждая, Инка мазюкала краской одну из картинок в школьной газете, которую девочки готовили к выпускному вечеру.

— Он... симпатичный, — не согласилась Аня.

— Не-е, — протянула Инка, — мне больше Сергей нравится. Вот он — настоящий спортсмен, и красивый...

— И глупый, — мстительно закончила Анна.

Инна этого подруге не спустила и потянулась кистью, чтобы измазать обидчицу.

— Ах так! — Аня тоже схватила кисть и бросилась на подругу.

В класс заглянула строгая Ирина Михайловна.

— Девушки, в чём дело?

— Извините, Ирина Михална, — Инна в последний раз дёрнула Аню за подол, но тут же, скромно потупившись, села на своё место.

Анна только последовала её примеру. Надо было ещё приклеить детские фото одноклассников на положенные для них места.

Через неделю эта самая газета висела в большом актовом зале школы, где под звуки немного грустного вальса учителя читали напутственные речи выпускникам. В твёрдо заученных движениях вальса старательно кружились пары. Мальчиков, правда, не хватило, поэтому некоторые выпускницы танцевали друг с другом.

Стараясь не наступить на ногу Инке, Аня твёрдо решила, что позже, на вечере, который будет отдан на откуп самим выпускникам, обязательно станцует с кем-нибудь из ребят. Почему-то сегодня почти все одноклассники казались ей симпатичными, может, потому, что уже через пару дней все они разъезжались кто куда, чтобы поступить или хотя бы испытать свои силы.

В этом году для выпускников впервые разожгли на площади большой костёр — совсем как в лагере, выступали самодеятельные коллективы, и, конечно, снова прозвучал выпускной вальс.

Аня приметила в толпе одноклассников о чем-то болтавшего с другом Олега и, немного смущаясь, подошла. Вечер пьянил не хуже хорошего вина, которого до того Анна даже не пробовала, поэтому пригласить немного удивлённого Олега на танец оказалось не так уж сложно.

Оба, теперь уже бывших одноклассника, стеснялись не долго. Танцуя, они разговорились, и оказалось, что в чём-то оба похожи — читают одни книги, слушают похожие песни, даже на одноклассников смотрят одинаково.

С последними аккордами вальса Олег отпустил Анину руку.

— Ты... пойдешь на прогулку? — спросил он деловито.

Прогулкой у выпускников сельской школы назывались вечерние или даже ночные посиделки на природе, когда впервые было разрешено прихватить с собой даже настоящее спиртное. Ничего особенного на таких посиделках, конечно, не происходило, но уже само ощущение пьянящей свободы приносило немало удовольствия.

— Ага, — кивнула Аня, — а ты?

— Пойду. Только переоденусь дома.

— И мне тоже переодеться нужно, — согласилась Анна, бросив взгляд на свой белый кружевной фартучек, который искали по соседям, потому что в местном магазинчике таких было не найти.

Инна отказалась идти на прогулку — ей уже утром нужно было вставать на автобус. Подруга ехала поступать аж в Тюмень, которая Ане казалась тогда просто другим краем страны.

Поэтому на прогулке Аня, не особенно дружившая с другими девчонками в классе, оказалась практически в полном одиночестве. Наверное, поэтому же она как-то сразу прибилась к тому, с кем уже успела хорошо познакомиться, — к Олегу. Они поболтали немного, но общие разговоры уводили к темам скучным и совершенно Ане неинтересным — в основном сплетничали о бывших одноклассниках, которых не было на прогулке, обсуждали старших — тех, кто закончил обучение в прошлом и позапрошлом годах. А потом начались маленькие междусобойчики.

В итоге Аня просто встала и ушла к ручью, протекавшему неподалеку. С одной стороны, хотелось немного побыть одной, а с другой... с другой, было интересно, последует ли за ней разболтавшийся с другом Олег. Пахло хвоей, сырой землёй и свежестью, а тёплый ветер приятно щекотал кожу.

Ждать пришлось недолго.

— Ты чего это ушла? — из-за поворота тропки, ведущей на поляну, где сидели выпускники, появился Олег.

— Ой, — обрадовалась Аня, — а я... просто прогуляться захотелось...

— Да? — хитро прищурился Олег. — Ну, тогда пойдем, прогуляемся.

Анино сердце зачастило, радостно подпрыгнуло в груди.

— Пойдем!

Прогуляли они в итоге почти всю ночь. Благо рядом с освещёнными улицами бродить было даже уютно. Болтали о том о сём, и росло у Ани в сердце странное, доселе незнакомое чувство, будто там поселилось маленькое солнышко, согревая изнутри.

На прощание она даже позволила себе почти невозможное — поцеловала Олега в щеку. Поцеловала и почти подскочила со скамейки, где они сидели.

— Я... извини, просто... вдруг захотелось...

Олег тоже казался немного смущённым.

— Да ничего, мне даже... приятно...

— Ну, мне пора уже... — Аня неловко улыбнулась. — Я пойду...

— Не хочется вот так потеряться, — вдруг улыбнулся в ответ Олег, — ты мне свой адрес скажи, я напишу обязательно.

Аня торопливо назвала адрес и только тут спохватилась, что у бывшего одноклассника нет с собой ни клочка бумаги. Но Олег только подмигнул и, словно факир, достал из нагрудного кармана ручку. После чего демонстративно вытянул перед собой ладонь.

— Диктуй ещё раз!

* * *

— Олег!

Михаил Алексеевич махнул студенту широкой ладонью.

— Да, Михаил Алексеич.

— Ну что, мы с тобой через коридор общаться будем? Зайди в аудиторию!

Олег дружески хлопнул по плечу сокурсника Артура, с которым до сих пор болтал, и подбежал к руководителю.

— Ты практику себе уже выбрал или нет ещё?

— Да вот, думаю...

— Ну, тогда я тебе помогу, — Михаил Алексеевич достал из своего портфеля какие-то бумаги.

— Вот, гляди, группа Селянина ищет стажёра в поездку на Кавказ. Будут брать пробы грунта на равнинной части, а потом пойдут по разрядным высотам. Ты же вроде интересовался альпинизмом?

Олег почувствовал, как в груди поднимается радость. Поступив в институт, он действительно серьезно заинтересовался альпинизмом — даже пошел

в местную секцию. Но вот опробовать увлечение в деле до сих пор никак не получалось. И вот теперь — такая возможность.

Группа собралась быстро. Кроме Олега, в ней был ещё один старшекурсник — Илья. Он тоже любил пошутить, к тому же хорошо пел под гитару любимые песни — мог даже немного имитировать Высоцкого.

Пятигорск оказался почти курортом. Вернее, курортом он и был, но группе геологов-альпинистов было немного не до отдыха. Сперва ездили в предгорья — брали пробы грунта. Потом ударно готовились к восхождениям. Хотя, по мнению Олега, какие это восхождения? Так. Кошкины слёзы. Впрочем, вблизи даже Бештау казался настоящей громадой.

Днём были изнурительные переходы и подъёмы на разряд. А вечером посиделки у костра, песни под гитару, высокое звёздное небо, каша и чай «с дымком» из закопчённой алюминиевой посуды. Олегу казалось, что именно это и есть жизнь.

— А у тебя... девушка есть? — спросил однажды Илья, когда они лежали в общей палатке.

— Нет, — покачал головой Олег, — а у тебя?

— Есть, Нинка. Она меня на курс младше. Сказала, что дождётся — к своим даже не поедет, чтобы со мной оставшееся лето провести.

— Там лета-то... — усмехнулся Олег.

— Ну, сколько бы ни было, а я тоже с ней побыть хочу.

— Ага... ну, давай уже спать что ли...

* * *

Аня проснулась от заглянувшего в окно солнечного луча. Дома у родителей теперь было как-то непривычно. В общежитии — неумелый уют, созданный будущими женщинами, а здесь — уже давно налаженный быт с запахом пирогов и хрустящими от крахмала простынями.

— Вставай, соня, — заглянула в комнату мама.

— Ага, — Аня сладко потянулась.

На столе уже высилась горка свежих пирожков, а от плиты доносились заманчивые запахи. Натягивая кофточку поверх футболки, Аня ухватила из горки пирожок.

— Не цапай! — осадила мама. — Лучше сядь поешь нормально.

Анна послушно уселась за стол.

— Ну, ты хоть расскажи, как учёба? Как подруги? Парня ещё не завела?

— Не-а, — помотала головой Аня. — А учеба — нормально. Правда, по истории пока не очень, но я подтяну.

— Всё-то у тебя «нормально», — вздохнула мама.

— Угу... А ты не знаешь, Инка не приехала?

— Нет, Инна не приезжала. Я по крайней мере не слышала. Приехали Женя, Маша и Нина. А из ребят ваших — Олег и Сергей. Про остальных даже не знаю ничего.

Олег? Сердце сладко ёкнуло при воспоминании о давнишней прогулке после выпускного.

— Мам, я погулять схожу, ладно?

— Погоди! А завтрак?

— Я потом, я не голодная! — Это Аня прокричала уже от самой двери.

Адрес она помнила ещё с тех времен, когда одноклассников отправляли проведать заболевших товарищей. Рядом с домом Олега Анна немного притормозила — а что она скажет, если вдруг откроют дверь его родители? Она же со стыда умрёт! А если его дома нет? Аня неуверенно замялась, остановившись у старого деревянного сарайчика во дворе. Потихоньку девушкой овладевал стыд.

«Стою тут, как дурочка... Уж или туда, или обратно...»

— О, привет! — смутно знакомый голос из-за спины чуть не заставил Аню подпрыгнуть на месте.

На асфальтовой дорожке стоял Олег с пакетом в руке. Он заметно возмужал, покрылся совсем южным загаром, а на щеках виднелась едва заметная щетина.

— П-привет, — промямлила Анна, — а я... гуляю вот... приехала на каникулы.

— И я тоже, — очень знакомо улыбнулся Олег. — Погоди, сейчас занесу в дом покупки и выйду. Ты же ещё гулять будешь?

— Ага, — счастливо выдохнула Аня.

Они гуляли весь этот день, а потом весь следующий, а потом... Так прошло практически всё лето. Родители Олега уже давно с радостью встречали его бывшую одноклассницу у себя дома, родители Ани считали его почти состоявшимся женихом. И только сама Анна ничего не загадывала, а просто чувствовала себя абсолютно счастливой.

Лето подходило к концу, и каждого ждал его последний курс, а потом — возможное распределение.

— Ты решила, где будешь работать? Ну... после распределения? — Олег сорвал с дикого куста малины пару ягод и отдал их Ане.

— Да, я сюда хочу вернуться, — улыбнулась Анна. — А ты?

— А я в геологоразведку подамся. Меня уже приглашали с кафедры.

— Ну вот... опять расставаться, — вздохнула Анна.

Олег обернулся к ней, убрал со лба выбившуюся из прически прядь.

— Анька... ты — замечательная. Мне с тобой... очень хорошо... но... я ведь о горах всю жизнь мечтал. У меня мама всё ждёт, что я женюсь. И ты ей, кстати, очень нравишься. Но... какой из меня сейчас муж? Я же всё равно в горы поеду, сама понимаешь. А муж — он помогать должен, рядом быть...

Аня собрала все силы в кулак.

— Ты езжай... я подожду, правда.

* * *

Хибины оказались совсем не похожими на гордых кавказцев. Эти суровые северные крепыши хранили множество древних тайн, а ещё больше — ценных минералов. Альпинизмом здесь особенно заняться было нельзя, но удивить эти горы умели. То снежными лавинами посреди лета, то таинственными сейдами[1] на осыпях, а то и непостижимого размаха грозами — редкими гостями на севере.

Да и команда на сей раз подобралась ещё более интересная, чем прежде. Вместе с мужчинами в поход отправились несколько девушек — в основном бывших сокурсниц Ильи. Правда, сам он как раз поехать не смог — свалил грипп с осложнениями.

Лида и Ася оказались подругами. Но если Лида больше интересовалась минералогией и ещё немного белками, которые полупрофессионально изучала, то Ася, делавшая изумительные фотографии, оказалась живой и общительной. Чёрные волосы, стриженные под короткое каре, придавали ей мальчишеского задора. И то ли совместная работа, то ли красота северных белых ночей вскоре поменяли расположение геологов в палатках. Олег как-то незаметно от руководителя группы Бориса умудрился уговорить своего соседа Мишку

[1] Сейд — в наше время так называют камни, поставленные один на другой в виде пирамиды (чаще всего — природное явление, остатки ледников). Для коренных северных народов — священное место. Переводится как «дух».

перекочевать на время в девичью палатку, Ася же упросила Лиду немного пожить с новым соседом.

Об Ане Олег вспомнил только один раз — в первую ночь, проведенную с Асей. Но утешил себя тем, что ничего не обещал оставшейся в далеком Заозерске девушке. Возможно, экспедиция закончилась бы свадьбой, но в судьбу вмешался случай. При отборе проб на очередном плато Ася зацепилась за глубокую трещину и, упав на колени, заскользила вниз по наклонной плоскости. Оказавшийся рядом Олег бросился на помощь, поймав коллегу у самого обрыва. Подоспел и Борис — перехватил руку спасенной. И тут Олег почувствовал, как из-под ног уходит мокрый лишайник. Ботинок заскользил, руки махнули в пустоте, а налившееся свинцовым страхом тело, ухнуло вниз.

— Ему ещё повезло, что невысоко, — словно сквозь пелену, услышал Олег. Он почувствовал, что лежит на спине, а всё тело нещадно болит.

— Олежек! — рядом оказалась Ася. — Извини, родной! Ты цел?

Олег только с трудом пожал плечами.

— Потерпи, — это уже Борис, — вызвали спасателей. Скоро будешь в больнице отлеживаться.

— Не хочу... в больницу... — с трудом выдавил Олег.

— А придется, — сочувственно покачал головой начальник экспедиции, осторожно укрыв пострадавшего курткой.

* * *

— Слава богу, жив! — Аня вытерла непрошенную слезинку.

— Чего мне станется, — буркнул в ответ Олег. Ему не слишком приятно было разговаривать с бывшей одноклассницей, которая всё это время ждала и, видимо, надеялась на взаимность.

Аня чувствовала, что что-то не так. Её Олег отдалился, стал каким-то чужим. Но глупое сердце не желало верить в то, что было очевидно разуму. И девушка всё ещё пыталась вернуть то, что казалось ей таким сильным и настоящим.

— Ну, да... а ко мне, представляешь, Сергей сватался.

— Как это, сватался? — кажется, интерес Олега вернуть все-таки удалось.

— Да вот так... дурень... говорил, что в городе работает, звал к себе. Только он мне не интересен... не могу я с ним...

— А с кем можешь? — вдруг странно разозлился Олег. Он поднялся с кровати, на которой до этого полулежал. — Со мной?!

Аня беспомощно пожала плечами. Ей страшно не хотелось злить Олега, но и врать она была не намерена.

— А если я с тобой не хочу... — Олег запнулся, взглянув на несчастное лицо бывшей одноклассницы, — не могу... Мне, понимаешь, горы нужны, восхождения! Я жениться не собираюсь! Поняла?!

— Поняла, — Аня вдруг сделалась отрешённо-серьезной. Ни слезинки в серых глазах. — Ладно, я пойду... Береги себя...

— Давай-давай! — видимо, Олег решил злиться до победного, потому что даже дверь за бывшей одноклассницей он захлопнул с такой силой, что с потолка и стен посыпалась побелка.

Как добежала до дома, Аня не помнила, но заходить в квартиру ей совершенно не хотелось — начнутся расспросы, утешения... Девушка забилась в тёмный уголок подъезда и разрыдалась.

* * *

Обмороженные щеки уже не чувствовали холода, безраздельно царившего здесь, на вершине мира. Дышать было тяжело, а глаза слепила белоснежная седина гор, перечеркнувшая выжженную синь такого близкого и одновременно далёкого неба. Олег помог Илье взобраться на последний уступ, куда вот уже несколько дней поднималась их команда.

Собранность и толика удачи сделали своё дело. Эльбрус покорился ещё одной группе смельчаков. Но стоя здесь, на ледяной шапке одного из самых высоких пиков Союза, Олег чувствовал себя первым и чуть ли не единственным. Его переполнял восторг преодоления.

Друзья и коллеги тоже радовались — каждый по-своему. Олег искоса глянул на радостно размахивающего руками Илью — его вот уже два года как дожидалась из походов любимая жена. А в этот год они ждали прибавления в семействе. Как-то незаметно радость за друга растопила искрящуюся эйфорию, оставив на душе пустоту. Олег глянул вниз с вершины — туда, где предгорья терялись в дымке наплывавших облаков. Туда, где его никто не ждал. Вернее... ждали родители, но теперь этого уже было не достаточно. А единственного человека, который готов был его встречать из любой поездки, он оттолкнул собственными руками.

Ещё никогда в своей жизни Олег так не стремился спуститься к базовому лагерю. А оттуда — побыстрее добраться до аэродрома. Он практически не

запомнил, как добирался до города, собирал вещи и, даже не попрощавшись толком в друзьями, уехал в аэропорт. Олег мысленно подгонял самолёт и почти без перерыва выдержал перелёт, а затем и переезд на автобусе. В висках покорителя горных вершин билась только одна мысль: «Только бы успеть!» И лишь у самого дома, знакомого ещё со студенческих времен, Олег сбавил шаг, немного испугавшись, — а вдруг не дождалась?

Рассказ этого парня снова вверг меня в нелегкие размышления. Тем ли я занимаюсь, гоняясь за Катей? Сбежала, значит, были на то причины! Быть может, и меня в Иркутске преданно и верно ждёт и любит какая-нибудь девушка. А я, ослеплённый яркостью столичной штучки, несусь сломя голову вдаль от своего настоящего счастья... Интересно, была ли у меня девушка до Кати? Я взглянул в зеркало заднего вида на своё отражение... Глупый вопрос — конечно, была и, вероятно, не одна. Но я опять ничего не помню. Вопросы без ответов множатся, словно их выплёвывает какой-то дьявольский ксерокс. Или принтер, что гораздо ближе к истине...

Мужчина, подсевший ко мне, был примерно моего возраста. Разговаривать совершенно не хотелось. Видимо, и мой спутник был не расположен к беседам. Он рассеянно смотрел на дорогу, а потом неожиданно спросил:

— Слушай, а ты случайно не журналист?

Я даже вздрогнул от этого вопроса. Какие-то мистические совпадения преследовали меня всю дорогу.

— Нет. А с чего ты взял?

— У меня приятель — художник. К нему журналистка из Москвы заезжала, а я как раз в гостях был...

Я насторожился, как пёс, почуявший зверя.

— А я тут при чём? Теперь всех приезжих в журналисты записываешь? — я через силу улыбнулся.

— Да нет. Просто она — журналистка вроде, общительной должна быть, язык без костей и всё такое, а она такая же, как ты. Молчаливая, загруженная. Клещами слова не вытянешь. Я ей тут историйку одну рассказал из своей жизни...

КОШКА

Алексей Борисов

Вдоль дороги, с обеих сторон её, темнели высокие заборы. Редкой чередой светили фонари на старых бетонных столбах, и свет их едва пробивался сквозь густые придорожные заросли. Ветер громко шевелил листву. Казалось, шум накатывал и отступал волнами, и от монотонного движения весь мир уснул настолько глубоко, что никому и дела не было до одинокого ночного ездока. Он ехал уже несколько часов подряд, и не то чтобы спешил, а просто не хотелось делать остановку. Но пришлось: фары выхватили в темноте приземистый пенёк придорожной колонки, и водитель притормозил.

Выходя, он резко хлопнул дверью своего автомобиля. По жизни Иван Воронин был человеком резким. Категорически не любил, когда что-то происходит не по делу или же не так, как задумано. Ещё безусым пареньком он понял: женщины любят мужиков серьёзных и упёртых. Иван это усвоил и в бурной юности такое вытворял, что раза три вполне заслуженно и крепко получал по морде от ревнивых или чересчур порядочных парней. К неполным тридцати он вроде бы остепенился и дозрел до более или менее серьёзных отношений с Дашей Никитиной, знакомой ещё с детства. Собственно, к ней-то он и ехал поздно ночью. Возвращался после недельной командировки.

Колонка выглядела так, словно торчала на этой обочине с прошлого века. Хоть бы и так, подумал Иван, главное, чтобы вода была свежая. Ветер продолжал шуметь над головой, когда он наклонился и с силой надавил на ржавый рычаг.

Колонка чем-то хрустнула внутри и выплюнула в пространство мощную струю холодных брызг.

— Да, блин, — услышал Воронин чей-то недовольный голос.

Он и сам хотел бы выразить свое отношение к щедрой колонке и мокрой рубашке, но сдержался. Недовольный голос был женский. Поэтому Иван выругался коротко, вполголоса и неразборчиво, потом прочистил горло и спросил в листву.

— Эй, ты там кто?

Листва зашевелилась, расступилась и под светом фар и фонарей нарисовалась девушка в топике, неприлично рваных шортах и светлых кроссовках. Короткие тёмные волосы неопределённого цвета лежали кое-как, а в больших, распахнутых на свет глазах блестел любопытный огонёк. Огонёк огоньком, а заговорила девушка сердито:

— Ну и как я теперь прикурю? — в одной руке она держала переломанную пополам мокрую сигарету, а другой со скрипом и треском крутила колёсико китайской зажигалки. Безуспешно.

— Да ладно, я откуда знал, что колонка такая? И откуда мне было знать, что ты тут прячешься?

— Я прячусь? — девушка цокнула языком. — Да я живу тут, вышла вот на воздух подымить.

— А тут машины ездят по ночам. Не страшно? — усмехнулся Иван.

— А тебе?

Воронин хмыкнул и прочистил горло. Девушка спросила:

— У тебя нет зажигалки?

— Не курю. И тебе не советую.

— Нашёлся советчик. Всё, давай вези, поедем.

— Куда? — изумился Иван.

Он не испугался, просто удивился. Он вообще был не робкого десятка. Ростом метр восемьдесят. В армейских берцах, чёрных джинсах с офицерским ремнём, в ковбойской рубашке. Да, с рубашкой незадача — мокрая. А почему бы вот не взять сейчас, да и не снять рубашку прямо перед ней? Пусть полюбуется, и бицепсы, и кубики, всё на месте. Он свою Дашу неделю не видел. Целую неделю без женщин, в исключительно мужской и деловой командировке. Крепче спирта ничего не пили, и то немного, и закусывали. Надо меру знать, все за рулём. Даша, ну и бог с ней, с Дашей. Мелькнула мысль: «Сам-то к каждому столбу её ревнуешь».

— Куда-куда? — передразнила девушка. — В комок, ёлки-палки. Мне зажигалку надо купить.

— Ладно, — Иван прикинул — тут перспектива долгого знакомства на дороге.

— Да тут недалеко. Километров пять всего.

— А назад? — ехидно спросил Иван.

— Дойду как-нибудь. Тут все свои. Меня, кстати, Юля зовут.

— Ваня, — представился Воронин и нарочито небрежно открыл перед ней дверь машины.

Сели.

— Чего, совсем-совсем нет зажигалки?

— Нет.

— Ну, поехали, — скомандовала Юля, Воронин газанул, но девушка попросила: — Только давай не так быстро.

— Лады. А что, укачивает?

— Накачивает, — передёрнула Юля. — Да мы вчера с подружкой немного выпили, голова весь вечер не на месте.

— Был повод?

— Да не то, чтобы очень. Так, надумали отметить. Она решила поехать к своему парню. Они давно знакомы, но то ли вместе, то ли порознь, со стороны не разберёшь, и сами не разберутся. У неё там кто-то, у него. Хотя какой там «у него»? Костян сейчас контрактником поехал, в космические войска. Плесецк, романтика, ну ты понял. Полгода они точно не виделись, а что там было, не было — не знаю. Может, секс по смс и всякое такое.

— Угу. — Иван неспешно рулил по дороге. Заборы кончились. Лентой с чередой столбов под проводами потянулась впереди дорога, а вокруг, до горизонта, растелились сероватым покрывалом сонные поля. Зубчатым, неровным контуром темнел вдали высокий лес. Где-то впереди едва-едва виднелись огоньки. Посёлок с круглосуточной торговой точкой. Если бы не эти огоньки, то легко было бы подумать, что на целом свете, кроме них двоих в машине, никого и не осталось.

— Короче, решила она всё окончательно расставить по местам. А если Дашка Никитина что-то решила, то всё.

Ивана будто током ударило. Он резко дал по тормозам, Юля едва не расшиблась головой о торпедо.

— Ты чего? Совсем больной?

Иван секунду или две не мог ответить, слов не находил.

— Да кошка там.

— Где?

— На дороге кошка была, вот я и того.

— Чёрная? — нервно усмехнулась Юля. Ей стало не по себе. Иван прятал взгляд, вернее, смотрел мимо неё куда-то в темноту и так смотрел, что лучше бы под этот взгляд не попадаться.

— Белая, — отозвался он через минуту, — белая кошка. А какая же ещё? Ты думаешь, я бы чёрную кошку разглядел в такую темень?

Он говорил ещё какие-то глупости про белых кошек, а потом вздохнул, расстегнул рубашку и приложил ко лбу мокрую ткань.

Юля поняла, что в чём бы ни была причина его странного поступка, Иван взял себя в руки и пытается успокоиться.

— Как ты сказала, её зовут?

— Даша. Даша Никитина, мы вместе в инстике учились.

Воронин глубоко вздохнул, сжал руками руль. Пальцы побелели мертвенной злобой.

— Уехала, значит.

— Ну да. Сказала, что у неё с этим, как её, блин, не помню, ну, короче, с нынешним, то-сё, туфта и прочее, хана, и тапочки по эсемэскам.

— Ну ладно, рад за неё, — тихо проговорил Иван.

— Правда? — удивилась Юля. — Вот так здорово. А я люблю таких людей, которые умеют радоваться за других, даже если их лично не знают. Ой.

Она случайно опустила руку вниз, под самое сиденье, и пощупала.

— Да у тебя там зажигалка.

— Правда что ли?

— А говорил нет.

— Не было. Это, наверное, из этих, подвозил тут на днях одного, из подрядчиков. Я в строительной фирме работаю.

— Понятно, — Юля чиркнула зажигалкой и с удовольствием затянулась, выдохнула в окно. — А ничего, что я курю?

— Ничего. Тут этот сидел, дымил нещадно.

— Трубкой?

— Нет, блин, кадилом. Шучу. Сигарой.

В зеркале сверкнули дальние огни, кто-то ехал сзади них.

— Пропустим, пусть едут.

— Угу. Зажигалка есть, как бы, — проговорила Юля, но не спешила уходить из машины. Смотрела на Ивана с тем же любопытством, что и раньше, у водокачки.

Свет автомобильных фар приблизился, чужая машина с шумом поравнялась с ними. Юле показалось, что именно в этот момент она что-то поняла и готова задать вопрос, после которого всё станет ясно.

Но не успела.

Раздался скрип и грохот. На мгновение всё померкло перед глазами у Ивана и Юли, а потом стало нестерпимо больно от света. Машина врезалась во что-то прямо перед ними, её развернуло, завалило на бок, и теперь она нелепым мёртвым маяком светила прямо вдоль дороги единственной фарой.

Они выскочили на асфальт одновременно.

— Звони спасателям! — крикнул Иван.

— Угу, набираю! Не знаешь, что надо? 0911? Или? — спросила Юля, но он отмахнулся. А она уже пиликала на телефоне нужные цифры. Другой рукой прикуривала новую сигарету.

Иван в два прыжка оказался возле изувеченного автомобиля. Дотянулся рукой до металла — отдёрнул. Он был раскалённым и вибрировал. А может, это дрожали руки самого Ивана, он не знал. Вот тут и пригодились курсы МЧС. Ему хватило нескольких секунд, чтобы понять, в чём дело. Надо вытащить людей. Как можно быстрее. Если кто-то истекает кровью, срочно перевязать. А если хуже, можно попробовать массаж сердца. А если...

Побоку «если». Иван рванул через голову рубашку, жалобно тренькнула об асфальт оторванная пуговица. Он обмотал мокрой тканью руки и потянул на себя дверь у пассажирского сиденья. Изогнутое, в белых трещинах стекло бессильно вывалилось, ударило по плечу. Иван опять бессвязно выругался. В этот раз на себя, на свои силы. Он потащил из салона безвольное женское тело, это оказалось не так-то просто. Он выругался снова. Что-то хрустнуло в руках. Высыпалась, покатилась какая-то бижутерия. Воронин потрогал пульс, ощупал голову. Кровь была на теле, на одежде, но немного.

Водителя тащили вдвоём, и, если бы не Юля, он, наверное, и сам бы покалечился. Воронин так спешил, что не смотрел по сторонам, один раз в кровь разодрал себе локоть о рваный металл и разодрал бы снова, но Юля вовремя успела отогнуть край.

К тому моменту, когда приехали спасатели, они успели сделать перевязку раненым. И даже оказать друг другу первую помощь. Юля заклеила пластырем локоть Ивану, а он прикуривал ей сигареты — Юлины пальцы дрожали, ломали тонкие палочки и роняли зажигалку.

— Ну вот, ты снова бросила курить, — пошутил Иван.

— Отстань, зануда, — Юля вытерла пот с лица его рубашкой, невесело рассмеялась и неожиданно с силой втиснула рубашку ему в руки.

— Что? — не понял Воронин.

— Давай на этом кончим, ладно?

Она не досказала. Подошёл спасатель, что-то им говорил, благодарил, уверял, что жизни пострадавших ничего не угрожает. Иван не слушал. Он молчал и смотрел на Юлю. Он мог бы сказать, что вот теперь, когда они вдвоём спасли людей, между ними что-то появилось. Что-то особое, такое, что и за десяток романтических свиданий не переживёшь. Воронин хотел прочитать что-то особое в её глазах и видел что есть там это особое, есть, оно появилось не сейчас, а будто бы сразу. Он бы никогда не смог сказать короче и точнее, чем она. Она сказала это сразу, как только их оставили наедине.

— Было бы нехилое такое приключение. Встретиться, переспать и расстаться. Тем более, после такого. Но это так, потискались и забыли, понимаешь?

Он понял, а она ничего не сказала.

— Тебя проводить? — спросил он тихо.

— Нет, я же говорю, тут все свои. А вот зажигалку я экспроприирую.

— Да, пожалуйста, не жалко.

Они помолчали. Иван покосился на перевёрнутую машину. Рассмотрел номера, проговорил:

— Курган. Мёртвый город, как сказал какой-то придурок. Чушь всё это, предрассудки.

Юля пожала плечами и махнула рукой на прощание.

* * *

Воронин вернулся домой под утро. Несколько секунд боялся прикоснуться к звонку. И знал, что напрасно боялся — с улицы был виден тихий свет в её окне. Она не спала и ждала.

— Ты что так поздно? Или рано?

Даша посмотрела на его измученное, пыльное лицо. На грязную и безнадёжно рваную рубашку. В глазах мелькнули страх и робкий вопрос.

— Да так, инцидент в дороге.

— Всё в порядке?

— Вроде бы. Ты знаешь, как много на свете тезок и однофамильцев?

— Н-нет, — Даша сняла с него рубашку и нерешительно тронула пластырь на локте. — Авария что ли была?

— Ага. Кошка дорогу перебежала.

— И?

— Всё в порядке. Людей спасла, — отшутился Иван и обнял любимую.

...Рассказ попутчика снова заставил меня задуматься о нас с Катей. Странная у нас какая-то любовь получалась. Что же случилось на самом деле? Может быть, мы тоже попали в какую-то цепочку трагических совпадений и случайностей? Как хорошо, что я уже совсем рядом с разгадкой!

Он был очень древним, этот дед. Чем-то напоминал старый дуб, неизвестно по чьей прихоти посаженный рядом с дорогой. Такой же морщинистый, узловатый, битый жизнью и молниями... Если бы я не остановился, он так бы и стоял, олицетворяя собой памятник человеческой бессердечности. А мне сейчас именно такой попутчик и был нужен. Я приготовился согласно кивать в нужных местах, задавать утверждающие вопросы и слушать о траве, которая раньше была зеленее, о солнце, которое светило ярче... Глядя на неторопливо устраивающегося на кресле старика, я не сомневался, что всё именно так и будет. Но я ошибся.

МОРЕ

Александра Жавжарова

— Гришка, неслух! Вот отцу все расскажу — отдерёт, как сидорова козла! — соседка Глаша гоняла меньших Мандаровых от своей малины. То есть какая она её? Советская власть всё поровну делит. Да только в деревне всё равно, хоть через себя перепрыгни, а без хозяйства — пусть и самого завалящего — не проживёшь.

Самого Гришку сотоварищи Марат уже не увидел — только кусты колыхнулись над удиравшими разбойниками.

— Афанасьевна, ты чего? Опять залезли? — Марат вытер грязные от соляры руки о старую телогрейку.

— Залезли, Митереич, ты уж им не спусти. Я ж поделиться — завсегда. А на чужое зариться — нехорошо. — Глафира, да и другие русскоязычные соседи никак не могли выговорить настоящее отчество Марата, вот и кликали то Митричем, то Митереичем. Но механизатора уважали. Шутка ли — председателю машину чинит, да и колхозное имущество всё на нём.

— Твоя правда. Приструню.

— Погодь-ка! — Глафира наклонилась за чем-то, подняла крынку с молоком. — На вот, угостишься потом.

— Да что ты! Убери. Своим лучше отдай, — отмахнулся смутно помнивший голодные военные годы Марат.

— Бери-бери! Я ж, коли сарай прохудится, к тебе и прибегу. — Марат никогда не отказывал одиноким и пожилым соседям в помощи — помнил, как добрые люди матери помогали, когда отец с фронта не вернулся.

Глаша, не слушая дальнейших возражений, прямо через худой забор сунула Марату в руки крынку.

— Спасибо, Афанасьевна, а всё равно лучше бы своим, — проворчал уже ей в спину Марат.

Дома был суровый разговор с сыном Гришей и меньшим — Миитэрэем. Оба супились, но дружно кивали в ответ на то, что говорил отец. Отец же говорил о том, что только вместе люди смогли войну выиграть и только вместе смогут жить рядом. А воровство оно воровство и есть, как его ни назови. Олёна не вмешивалась в разговор с детьми — верила мужу. Только Иришка испуганно сверкала на отца глазёнками из-за плохо прикрытой занавески, отделявшей детскую половину от родительской.

— Ну, что? — закончил разговор с сыновьями Марат. — Поняли? Или в следующий раз ремнем объяснять?

— Поняли, — насуплено кивнул Гришка.

Младший только шмыгнул носом и кивнул.

Коренной якут, Марат успел немало обрусеть за время жизни с матерью в деревне, именовавшейся раньше Лесной, а теперь по названию колхоза — «Светлый путь». Сейчас он мало чем отличался от русских, украинцев, белорусов и казахов, поселившихся здесь в годы дореволюционные, а особенно — во времена повсеместного строительства колхозов.

Именно тогда и родителей Марата закрутила, понесла с насиженных мест послереволюционная круговерть. От пращуров остались у механизатора только фамилия да деловитая стойкость таёжных жителей. Но, видимо, именно эта ниточка, сохранившаяся из глубины веков, да ещё гостеприимная хозяйственность Олёны и заставляли соседей с уважением относиться к семейству Мандаровых.

В своё время шутили даже, что Марат и невесту себе искал под стать. И ведь нашёл — молчаливая, но радушная доярка умела расцветать светлой искристой улыбкой, когда молодой механизатор заговаривал с ней. За то, наверное, и приглянулась.

Потом и хозяйство поставили не хуже, чем у других, и детки пошли. Только как-то незаметно истаяла мать Марата — Оруунэ. Видно, подкосили немолодую женщину тяжёлые военные годы. Старших братьев младший Мандаров тогда вызывать не стал — написал только, что матери не стало. Куда им приезжать — один ходил в море в далёком Мурманске, второй и вовсе трудился на Украине. Остальных одного за другим Оруунэ схоронила ещё в годы войны — кто от голода помер, а кого с фронта не дождалась.

* * *

Что-то потревожило покой летнего полудня — мимо с жужжанием пролетел шмель, заставив пожилого якута приоткрыть глаза, вынырнуть из воспоминаний. Лениво покачивались на ветру ветви ивняка, шуршал у худого забора разросшийся иван-чай. И казалось, будто где-то на самом пределе слышимости плещется летнее море.

* * *

Строгая немолодая учительница Мария Григорьевна появилась на пороге дома Мандаровых в новом учебном году. Жена сразу принялась хлопотать о чае, а Марат пригласил женщину в общую комнату, к столу.

— Вы знаете, Марат Дмитриевич, — учительница русского языка и литературы и вовсе упростила отчество механизатора, — я про Гришу пришла поговорить. Он — юноша смышленый, но всё никак Лермонтова учить не хочет. А ведь это великий русский классик.

— Что учить не хочет — это плохо, — согласился Марат. — Ничего, выучит, дайте срок. Только скажите, что ему учить нужно.

Громкий детский смех прервал разговор взрослых, и в комнату, сражаясь ивовыми прутами, вбежали Гришка с Миитэрэем. Заметив отца и Марию Григорьевну, правда, тут же утихли.

— Здрасьте, — засмущался Григорий.

— Здравствуй, Гриша, — кивнула ему учительница.

— Ты почему это стихи не учишь? А? — вопрос Марат задал спокойно, но сын насупился ещё больше.

— Книгу я потерял...

— Какую? — только и успел спросить Марат.

— Библиотечную? — ахнула Мария Григорьевна.

— Иди, ищи, — Мандаров своим сыновьям разгильдяйства не спускал. — Книга — главная твоя ценность, дурья башка.

Григорий, понурив голову и всем видом изображая раскаяние, побрел к выходу из хаты.

— Да где ж он её сейчас найдет? — вздохнула учительница. — Или на растопку забрали, или в сарае чьём-нибудь валяется. Я ему свою принесу, пока в библиотеке новую не выдадут.

— Как это, свою? — возмутился Марат. — Чтобы из-за моего неслуха вы без книги остались? Сам найдёт! А не найдёт — у соседа спросим, выучит.

— Да мне не сложно, — улыбнулась сухими тонкими губами Мария Григорьевна, — у меня их две, на всякий случай.

— Ну тогда давайте я вас хоть провожу, а вы мне передадите — незачем вам нашему Гришке учебники таскать.

— Что ж, спасибо вам, Марат Дмитриевич, а то и правда уже не девочка по деревне бегать.

В коридорчике жена сунула Марату узелок с блинами и клюквенным вареньем — отблагодарить учительницу, да и просто угостить хорошего человека. Олёна всегда с удовольствием готовила для домашних и гостей.

Домишко Марии Григорьевны находился почти на самом отшибе. Это был один из тех небольших новеньких срубов, которые колхоз ставил для приезжих работников. Внутри Марата поразило некоторое запустение, но при этом все возможные поверхности были заставлены книгами. Книги громоздились стопками на столе, на стульях и даже на кровати.

— Вы меня извините, — дёрнула худым плечом учительница, — старая глупая привычка, да и полок я ещё для них не сообразила.

— Полки? — встрепенулся механизатор. — Так я вам с этим помогу. У меня и доска обструганная где-то была.

— Да что вы, Марат Дмитриевич, не нужно... Вы, вот что, идите пока на кухню, там у меня свободные стулья есть, а я найду учебник для Гриши.

Марат только кивнул и направился в маленькую кухоньку, которую приметил уже в коридоре.

«А полки всё одно надо будет сделать. И чтобы Гришка их принёс да повесил — пусть чувствует цену работе, балбес».

Механизатор отвернулся от окна и чуть не упал с колченогого табурета, на котором сидел, — на стене, глухо перекрывавшей другую комнату, красовалось... еще одно окно, выходившее прямо на вечернее море. Лишь спустя считанные мгновенья Марат понял, что перед ним не окно, а картина. Но как она была написана! Глубокий синий бархат неба мешался с морской глубиной, где играл и искрился червонный свет заходящего солнца. Низкие сосны на берегу словно светились изнутри красноватым янтарным отливом. И всё, что изобразил неизвестный Марату художник, дышало покоем летнего побережья. Что-то ёкнуло, надломилось в сердце никогда не видевшего моря якута.

— Нравится картина? — Марат удивлённо обернулся. У двери в коридор с обещанной книгой в руке стояла Мария Григорьевна.

— Нравится, — кивнул механизатор.

— Это моя дочь рисовала. Она... любит рисовать. Даже премию получала за свои работы.

— Красиво, — на всякий случай ещё раз подтвердил Марат.

— Берег Крыма. То ли Алушта, то ли Евпатория. Не помню. А вы бывали в Крыму?

Марат только головой покачал. Куда ему из родного колхоза? Да и семью поднимать надо — какие тут поездки?

— Ну, ничего. Какие ваши годы. Ещё съездите, — Мария Григорьевна снова улыбнулась, протянув гостю учебник.

Марат взял книгу и только тут вспомнил про узелок, всученный женой. Поставил его на стол.

— Вот... спасибо вам большое.

— Что это? — сухо и строго поинтересовалась Мария Григорьевна.

— Блины с вареньем, — обезоруживающе улыбнулся молодой якут. — Жена напекла.

— Ой, а я-то, старая карга, даже про чай забыла! — спохватилась учительница.

— Да какой же чай? Это я вам. У нас этого добра — Олёна каждый день печёт, — немного стесняясь, заторопился на выход Марат.

* * *

— Догоняй! — пронеслось по улице молодое и весёлое в звоне велосипедного манка.

Сейчас в деревне было очень мало детских голосов. Все больше старики да те, кто не смог или не захотел выбраться в большой город. Последние в основном пили — работы в деревне всё равно, почитай, не было.

Дети и внуки Мандаровы уже давно перебрались в Челябинск или другие большие поселения — поближе к цивилизации. Каждое лето одинокий дед ждал их так, как не ждут, наверное, леса прихода весны.

* * *

Мария Григорьевна умерла семь лет спустя. Приезжала на похороны и её дочь — совсем молоденькая, тонкая, стриженная почти под мальчишку. Марат

хорошо запомнил, как в колхозный грузовичок сгружали нехитрый скарб учительницы, как вынесли ту самую картину, которая так запала ему в душу.

— Марат Дмитриевич? — дочь сельской учительницы без труда отыскала его среди провожающих, пожала руку. — Я — Лида, дочь Марии Григорьевны.

Марат только кивнул, пожимая тонкую руку в ответ.

— Спасибо вам большое за маму. Я знаю, что вы ей очень помогали.

— А как иначе? — удивился Марат. — Это маме вашей спасибо, что из наших ребят людей растила.

— Мама... ничего не написала, — смутилась Лида, — но, может, вы хотите что-то оставить себе на память о ней?

— Память, она здесь, — Марат покачал головой и прижал руку к груди. — А вещи как были, так и уйдут.

— Хорошо, — кивнула Лида. — Ещё раз огромное вам спасибо.

Девушка отошла к грузовичку, где уже дожидался водитель. В эту минуту непрошено кольнуло сердце о том, что мог попросить для себя ту картину, и не отказала бы Лида, оставила бы. Но не привык Марат идти на попятный, не привык сомневаться в мудрости, внушённой ещё матерью. Раз о человеке память в сердце хранится долго, то и о море тоже сохранится, недаром же в тот миг, когда якут увидел картину, в его душе словно калёным железом выжгли янтарные сосны на побережье, расплавленное золото морского заката и бархат уже почти ночного неба.

Через два года после этого в колхозе случился пожар. Вытаскивали из огня чуть ли не голыми руками нехитрое имущество, выносили и выводили перепуганных животных. Марат же бросился к ангару с техникой. Вернувшийся из армии Гриша прибежал было помогать отцу, но Марат его отослал. Мужа лишиться для женщины — беда, а сына — страшное горе. Тем более что Олёна уже три месяца как плохо себя чувствовала. Почти не выходила из дома. Так Гришке и сказал:

— Если меня не будет и тебя не будет, кто о ней позаботится?

И сын понял, отступился.

Последний трактор Марат выводил из ангара уже среди гудящих от пламени стен. Одна горящая балка пробила даже крышу трактора, но своего «железного коня» механизатор так и не бросил. Пришлось полежать пару дней в больнице под присмотром бдительного врача Николая Михайловича. Зато спустя пару месяцев пришла Мандаровым благодарственная телеграмма из

самого Челябинска. А председатель вручил Марату, так же как и ещё нескольким «героям-пожарным», путёвки в крымский санаторий.

Мечта, запечатлённая на картине, вдруг оказалась ближе некуда.

Оправившаяся Олёна хлопотала, собирая мужа в дальнюю дорогу.

— Зачем тёплые-то? — Марат заглянул через женино плечо, указав на вязаные шерстяные носки.

— Как зачем? А если там сквозняки? Мигом же застудишься! Уж лучше чтобы они были, чем потом незнамо как согреваться. Принеси-ка мне с кухни узелок — я там на дорогу тебе приготовила...

Марат только плечами пожал — знал, что спорить с женой — пустая затея. Иришка, превратившаяся к своему выпускному в настоящую красавицу, заглянула в кухню.

— Пап, я завтра в Челябинск, меня Тося подкинет, поживу до поступления у Гриши.

— Так у Гриши — общежитие, где там жить?

— Поместимся, — весело рассмеялась Ира, совсем как мать в юности.

— Ну, хорошо, езжай.

— Ты извини, я тебя не провожу...

— Что я, маленький? Меня вон мать проводит, — Марат прихватил узелок и зашёл в комнату.

Олёна сидела на кровати, рядом с раскрытым чемоданом и терла грудь.

— Мама! — бросилась к ней Иришка.

Марат уже знал этот жест. Не отступила, значит, болезнь, а только спряталась, затаилась до поры. Вот она и настала — пора. Якут убрал с кровати чемодан, поднял потяжелевшую жену и переложил на подушки.

— Марат, извини... — тихо произнесла Олёна.

— Чего «извини»? — проворчал муж. — Ты лежи, не двигайся. Я сейчас лекарство принесу.

Только он знал, что одно лекарство здесь не поможет. А значит, придётся обождать с мечтой. Ещё немного обождать.

— Я останусь, пап, — в кухню снова заглянула Ира.

— Тебе поступать надо, — сурово отрезал Марат. — Так что, езжай.

— А мама? Гришка работает. Митька в армии. А тебе ехать нужно.

— Не поеду я. Лучше Михалычу путёвку отдам — ему нужнее. А тебе учиться надо, так что не выдумывай глупости.

Олёна уже немного оправилась от ноющей боли в груди и теперь полулежала на кровати. Марат напоил её микстурой, дал запить горькое лекарство.

— Испортила я тебе поездку, — тихо, извиняясь, произнесла жена.

— Да сдалась мне эта поездка? — пошутил Марат. — Ты для меня важнее.

Олёна одними губами улыбнулась.

— Спасибо тебе...

* * *

Рев мотоцикла снова вывел деда Марата из забытья. В последнее время эти рычащие недомерки носились по дорогам всё чаще, калеча и своих седоков, и иногда встречных пешеходов. Не любил пожилой якут эти громкие коптящие куски железа. То ли дело трактор, комбайн или грузовик — эти машины не терпели суеты и глупости.

Возвращаться в пустую хату не хотелось — никак не мог привыкнуть к тому, что Олёны нет, хотя схоронил жену уже почитай двадцать лет назад. Но и дремота ушла, оставив лишь воспоминания, да смутное сожаление о чем-то, чего так и не случилось.

«Море»! — вспомнилось вдруг. Ведь он так и не побывал на море.

Дед Марат с кряхтением поднялся. Теперь и у него шалило сердце. Врач категорически настаивал на покое. Говорил, что, если поберечься, лет пять прожить ещё можно. Ирина даже хотела забрать отца к себе, но тот не позволил. Сказал, что уж коли помирать, то лучше среди друзей да соседей. Хотя и тех в последнее время осталось очень мало. Теперь младшая дочь была занята — нянчила уже своих внуков.

Миитэрэй с семьей забрались далеко на восток. И жили сейчас в Хабаровске, откуда приехать в родные места было не так-то просто, даже по нынешним временам. Зато этим летом обещал приехать Григорий с сыном Сашей и невесткой Леной. Внук только начал создавать семью, и правнуков пока не ожидалось, но дед Марат радовался всем своим гостям, что маленьким, что взрослым.

Гриша позвонил ещё в мае.

— Здравствуй, отец, как здоровье?

— Да уж, скрипим помаленьку, — отшутился Марат. — Как вы с Галиной? Как Саша?

— Сашка? Да что ему сделается — работает, собирается машину покупать. Лена его учится — второе высшее получает. Галя у меня только простыла — болеет.

Жену старший сын выбрал очень похожую на мать, и так же, как отец о своей супруге, заботился о ней, если она вдруг начинала хворать.

— Так вы приедете? Ждать вас? — с надеждой спросил Марат.

— Приедем, обязательно. Ребята наши тоже хотят к тебе в гости, примешь?

— Отчего ж не принять? Я всем рад.

— Я тут вот о чём подумал. Ты ведь давно на море съездить хотел. А мы с Галей в Крым собираемся в этом году. Хочу тебя с собой взять. Сперва мы у тебя погостим, а потом заберём и вместе поедем к морю.

Тогда Марат только отмахнулся. Мол, куда мне, старому, уж лучше сами отдохните толком. Но сын настаивал. Есть долги, которые нужно отдавать. И самый первый долг — родителям. А отец всегда о море мечтал. Вот и поедем.

Марат только вздохнул — вырастил упрямца.

Зато теперь было даже приятно думать о том, что под конец жизни можно будет наконец увидеть то самое, нарисованное на картине море.

— Марат Дмитриевич! — у калитки остановилась почтальон Алина. Вернее, Алина Валерьевна — за тридцать уже принято именовать женщину по имени-отчеству, но для всех пожилых соседей она оставалась всё той же босоногой конопатой Алинкой, какой была в пятнадцать лет.

— Здравствуй, Алина, — дед Марат поднялся с завалинки.

— Тут тебе телеграмма срочная.

— Ты прочитай, дочка, а то я очки в хате оставил.

— От сына. Григория, — Алина порылась в сумке, перекинутой через плечо. — А, вот. «Приехать не сможем. Галя болеет, Саша работает. Включи телефон. Гриша».

С телефонами дед Марат и правда не дружил. Городской ему провести так и не смогли, а сотовый вечно терялся где-то в доме. Да и пользовался им пожилой якут с трудом.

Из глубины сердца поднялись ледяные змейки — обвились, сдавили.

— Дед Марат, ты чего? — почтальон оставила велосипед рядом с забором, подошла. — Может, врача вызвать? Пойдём, я тебе в дом помогу зайти.

А позже вечером Марат, как когда-то его жена, полулежал на кровати. Строгая фельдшер нацарапала что-то на своём бланке.

— Вот это принимать три раза в день. А ещё лучше вам лечь в больницу. Иначе так до конца года не протянете. Есть у вас родные?

— Есть, — разлепил сухие губы Марат.

— Вот позвоните им или напишите. Сами не справитесь.

— Да, спасибо, доктор.

Фельдшер ушла, и в хате снова поселилось одиночество. Марат прикрыл глаза и вдруг различил под веками золотое янтарное свечение. Где-то тихо зашелестел прибой, и остро запахло морской солью.

Вдруг подумалось — а что ему терять? За могилками дети присмотрят. Дом уже переписан на Гришу. Олёны давно нет, а дети и внуки ещё крепкие — переживут разлуку. Под конец жизни — долгой, хорошей, насыщенной — у него осталась лишь одна неисполненная мечта. Так, может, как раз и пришло время её исполнить? Дед Марат вспомнил, что подкопил немного денег. На билет до Крыма хватит. А до Челябинска можно ведь и пешком. Ноги ещё держат — недаром он в своё время столько железа перетягал. Да и всегда был крепким. Справится, выдюжит. А там — можно хоть помереть.

И наполнившись этой непоколебимой решимостью, Марат вдруг почувствовал себя гораздо легче. Сердце отпустило, а мысли прояснились, настраиваясь на дорожный лад.

Я довёз деда до вокзала, хоть он и отказывался. Мечта с картины. А у меня даже нет ни одной фотографии Кати. Да и вообще как-то я себя глупо повёл. Кинулся, сломя голову, в погоню. И почему она поехала на автомобиле? Куда проще было просто сесть на самолёт и сразу оказаться за несколько тысяч километров. Вопросы, вопросы... А старик всё-таки молодчина. Такая сила духа в его возрасте. Мощный старик.

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

Анатолий Иванов

«Здорово, друг! Подвезешь? Мне до Златоуста... А?.. Спасибо. А то я бы тут долго руками махал — нечасто здесь ездят. Друзья вот провожали на заимке — допровожались, что машину поломали. Опаздываю, а этого нельзя. Мне недалеко. Ну, и с меня, как полагается, в разумных пределах, конечно... Не надо?.. Ещё раз спасибо, добрый человек... По пути нам, по пути. Здесь-то и сворачивать особо некуда...» — в кабине явственно запахло хорошим одеколоном, немного коньяком и ещё чем-то чесночно-вкусным.

«По номерам вижу — с Енисея. Ох, у вас места. Бывал, бывал. Но у нас тут своя красота имеется. Таких разворотов вширь и ввысь, конечно, нет — все по-домашнему, уютно, ласково. Ну, да чего это я — сам всё видишь. Тебя как звать-то? Меня Михаил, можно Миша... Твоя машина? Молодец. Правильная машина... Чего поверху-то поехал? Пробка на трассе? Ничего, ничего, на твоём «проходимце» пролезем... А вон, кстати... смотри, «Хаммер» сидит... там, внизу... Точно! Вон-вон, в лощине. В заповедник, небось, намылился... Да уж, сел так сел», — Михаил довольно потер руки: «Ты на эти иноземные модели не смотри. Им по подиумам ездить. На вид, посмотришь, зверь реальный, а копнешь — все одно паркетник. А у тебя аппарат военный. Сам на таком езжу. Хоть и предки у него американские, но вырос он у нас. Русская грязь для русских машин... Не сворачивай. Едем дальше, тем более не зовут. Я это место знаю. Там, после дождя только на твоём или на тракторе пройдёшь, а ты оттуда этого гиппопотама всё равно не вытащишь. Ты ба, как окопался! Не дергайся, не вытянешь ты их — трактор нужен. Да и у мужиков, если что, там, в селе за горой, бизнес подорвёшь. У них это неплохой приварок, при их-то заработках. Во, уже тарахтят, слышишь. Сейчас платная скорая помощь явится. Давай туда, вдоль стены. Скоро уже на равнину спускаться — там полегче».

«Уазик», весело громыхая, катился вниз по не очень крутому мокрому спуску. Немного водило, но «проходимец» уверенно, как когтями, успевал цепляться ведущими лапами за щебёнистый суглинок. Дождь прошел серьёзный. Исчерченная потоками воды глина на правой обочине, торчащие из неё камни в ряд, как прореженные потрёпанные зубы. Слева изъеденная воздухом и водой каменная стенка. Вон дерево ушло вниз, туда, в ручей. Высоко, метров пятьдесят будет.

Михаил, просто одетый, рослый, жилистый, широкоплечий мужик с широким добродушным лицом, неожиданно прервал весёлый обаятельный говорок, задумался, затем вытащил чёрную кожаную папку из сумки и, достав из неё какие-то бумаги, досадливо морщась от тряски, стал их внимательно просматривать. Минут через пять, похоже, надоело — хмыкнул, покачал головой. Ещё минуту, не видя, смотрел перед собой, потом хозяйственно спрятал всё обратно, улыбнулся, затем почесал затылок, будто в сомнении. Было видно, что ему весело, не сидится и поболтать охота, но вроде немного волнуется. Вдруг, как бы решившись, повернулся лицом к водителю, широко улыбнулся и...

«Расскажу-ка я тебе одну историю, если хочешь. Все веселее в дороге. Очень удивительная, весьма. С моим хорошим приятелем произошла, поэтому я в курсе всех подробностей, так сказать. А мне, вот, интересно — что ты скажешь... Не против? Значит, поехали.

Недавно дело было. Лет эдак... ну, недавно, в общем. Служил хороший мой приятель в милиции и, надо сказать, неплохо служил. Да так неплохо, что направили его отсюда, из дыры, как говорится, на повышение аж в Москву. Прямо в МУР попал. Вот так. Общежитие дали, квартиру потом обещали. А достиг он этого честно, без фокусов, без связей там и прочих карьерных премудростей. Талант у него был. А что значит, был? И сейчас есть, а бог даст, и будет. Умение, знаешь ли, такое: то ли гены сошлись, то ли от бога. Как это мне, недавно, один из телевизора, умный, загнул: креативный симбиоз аналитика с его же, аналитика, крепкими оперативными способностями. Хе-хе, надо же, запомнил... Проще говоря, умел он всё просчитать и предвидеть, а потом, когда до конкретного дела дойдёт, цапнуть так, что не вырвешься... Ну-ну, не улыбайся, подоврал малость, не без того: всё предвидеть — конечно, не всё, но поболее, чем иные прочие. Такой вот Шерлок Холмс с Мегрэ областного разлива после юридического.

Чего опять веселишься? Заметь, это он не сам про себя придумал — это все говорили, даже высокое начальство, которое, ох, как признавать вслух не любит,

что оно не совсем может, а кто-то может совсем. И в соответствующих документах отражено было. Погоди, погоди, дальше ещё интереснее будет.

Значит, попал он сразу в МУР, а у них публика посерьезнее, хотя, скажу тебе, интриги у них, конечно, не сравнить. Но и там дела тоже хорошо пошли. Серьёзная карьера налаживалась. Уверенность появилась, даже, чего греха таить, самоуверенность. Нос начал задирать, щеки надувать. Не было для него глухарей. Глухарь и он — понятия несовместимые. О, как! Даже одно дело мёртвое, архивное, тридцатипятилетней давности раскрыл. Правда, предъявлять обвинение некому — помер подозреваемый. Но всё равно — факт. Сын секретаря обкома. А за него другого расстреляли. Во!

И тут на тебе. Попалось дело. На первый взгляд ух! Громкое, а, по сути, чепуха. Суть была в следующем: появились данные из достаточно достоверных источников, что некто по кличке Месмер уже организовался и собирается взять один крепенький банк. И не как обычно, с помощью высшей экономической премудрости — левых фирм, там, подложных гарантий, перегарантий. Нет, попросту — ограбить. А ты представляешь, что такое вот так, внаглую, взять банк, даже затрапезный. Дело практически невозможное, а тот, кто решился на сие, — идиот... или гений. Вот это дело другу и поручили — идиота этого поймать, так сказать, на месте и с поличным. А иначе, за одни намерения, посадить сложно.

Ну, что за дела, спрашивается? Потихоньку ввести людей в банк в нужное время. Подождать, схватить или, в крайнем случае, если вооруженное сопротивление, то... сам понимаешь. Но это, безусловно, нежелательно... Ну, что же, хорошего опера туда, а он хороший, ему такую же команду, и наши в дамках. В общем, как будто никаких проблем для такого экстраординарного детектива, как он. Приятель мой вначале даже немного обиделся — не по квалификации работа. Но ему объяснили: оказывается, не всё так просто — была в деле одна загвоздка. А загвоздка эта была в личности этого Месмера. Ему кое-что рассказали, остальное в архивах посмотрел, и стало ему интересно и не просто интересно, азарт пошёл — как это он, трижды поощрённый, дважды награждённый, да этого перца удивительного не возьмет? Да быть такого не может!

Ага, теперь о личности этого красавца. Славен он был в прошлые времена в основном брачными афёрами, а позднее мошенничествами и довольно солидными. Всё это остроумно так обставлял, в стиле Остапа Бендера. Но фокус не в этом. Дело-то в том, что до некоторого времени этот жук проходил по своим двенадцати глухим делам, как разные лица. Почему? О! Все потерпевшие

и свидетели описывали его совершенно по-своему: у одних рослый сухощавый блондин с серыми глазами, у других — лысый коренастый качок с тупой физиономией и т. д. Совершенно ничего общего. Было даже, проходил как пожилая интеллигентная дама. Кое-как свели это всё, где по отпечаткам, где по почерку, где по примете особой. Сомнения, конечно, были, но двенадцать дел верных — его красавца. Почему раньше не могли? Потому что бардак! Делов-то, казалось бы, — шур-р-р, компьютер пошелестел, пять минут и всё на столе. Подумать бы только немного желательно, а вот с этим проблемы... Ладно, не будем о грустном.

В криминальных кругах данный гусь до этого случая практически не проходил, а то бы его быстро обставили. Слухи, конечно, у воров ходили, но знать они его не знали, только кличку заочно дали — Месмер: с намеком на мистику, мол, типа оборотень, в натуре, как они говорят. В общем, личность неординарная получается.

Друг мой завелся. Энергия попёрла. Неделю сидел, всё тщательно прорабатывал: планы, чертежи, здание смотрел, представлял, как оно может быть, а как не может. Вообще-то тщательно — это не значит подробно до мельчайших мелочей. На каждом уровне есть свой предел предвидения. Свыше него — вредная путаница и глупость получается. Соответственно страховки нужны: подстраховался дважды на маленьком уровне, поставил двух под окном вместо одного — а больше и не надо, мешать друг другу начнут. Теперь на следующем уровне страховаться надо. Если проскочит, ты ему на дороге такси поставь на наблюдаемом месте: ему срочно надо, некогда будет другую машину ждать — прибежит. И соответственно далее. Так-то.

Всё просчитал мой приятель, всё продумал. Никогда так не старался — уж больно его этот неуловимый лицедей заинтересовал. Да и начальство сильно беспокоилось. Сам... не буду называть фамилию, ни к чему это, его Рекс звали. В смысле не собака, а король... по латыни. Фигура и лицо у него такие были. Шрам через правую щёку к глазу — из Чечни, говорили, привёз. Полная кличка была — Тираннозавр Рекс. Похож — и натурой и поведением. Очень серьёзный человек, с верховным главнокомандующим на короткой ноге. Понял? Так, он звонил моему приятелю по три раза на день. Очень интересовался. Вроде на самом верху тоже в курсе были. Ну, и приятелю моему ещё интереснее. С таким делом: или грудь в крестах или... всё остальное.

Всё. В нужное время, тихонечко ввели людей в банк, закупорили здание и залегли. Друг мой хороший на пульте видеонаблюдения от нетерпения кипятком... воздух грел. Остальные разошлись по нужным местам. Сидят сутки — нет, вторые — то же самое: похоже, передумал, сволочь. Сидят третьи. Тихо, улица перед банком чистая, за ночь ни одна собака не пробежала. Дело к рассвету — нет никого.

И тут — есть! Швартуется прямо к парадному входу «мерс». Никого же не должно быть. Ну, думает приятель мой, прибыл наконец, скотина наглая. Сейчас, сейчас...

Ё...! Вылазит из него... Рекс! В генеральской форме, идёт ко входу, как на плацу: смотрите все — я приехал. «Вот свинья!» — это так приятель подумал... Мне рассказывал... «Ты бы ещё шпоры надел и по асфальту, чтоб слышнее было. Сорвал операцию в конец. Можно сниматься — водевиль отменяется».

Официальный банковский охранник при входе глаза выпучил, засуетился — подумал, наверное, это Месмер в таком виде прибыл. Приятель ему по рации дал команду, и Рекс прямым ходом на пультовую. Зашёл, поставил друга в позицию, сказал короткую матерную речь о неумении личного состава работать, приказал доложить ход операции. Выслушал. Опять продемонстрировал владение русской словесностью и убыл с инспекцией по этажам.

Друг мой хороший почесал тогда голову и начал сворачиваться: команды отдавать, машины вызывать, наружное наблюдение снимать и так далее — больше сидеть смысла нету.

И вот тут-то оно началось! Звон, сирена: пятый пост, хранилище — нарушен периметр! На монитор глянул — сейфовая дверь в хранилище приоткрыта и никого. Приятель прокричал, что надо, по рации, сменщика из каптёрки поднял вместо себя, за пушку и туда, к хранилищу.

Бегом! Там рядом запасной выход! Только бы не открыли уходящие опера! Лестницы, лестницы, этаж, второй, коридор!.. Навстречу Рекс с пистолетом: «Туда направо! Там запасной выход!» Коридор! За угол! Вон она! Пожилая сухонькая дамочка в очках с сумкой перебирает ногами. Стой! Стреляю! Бах, бабах. В ногу — мимо, еще в ногу — есть! Заковыляла, заковыляла, переползла за угол. Всё, не уйдет!

За углом... никого и ничего. Только дверь в конце — это на улицу. Подбежал, подёргал — заперта. Спросил по рации: кто только что покинул здание из

третьего запасного выхода? Никто. Прошёл по коридору — ни крови, никаких следов. Электрощиток — она зацепилась так, что рукав блузки клоком вырвало. Нет ничего. Сел на корточки у двери. Всё, бред. Появился генерал и так это спокойно: «Что, про... л дело? Ответишь», и пошёл, засовывая пистолет за спину под брюки...

«Вот так, — Михаил задумался, затем почесал голову: — Но это ещё не весь бред. Пропала очень крупная сумма в разных номиналах. Понятное дело, был подробный разбор. Так, что ты думаешь? Тот охранник банковский, которого швейцаром на входе оставили для правдоподобия, показал, что дружок мой дал приказ пропустить интеллигентную даму пожилого возраста. Все сотрудники, которые наблюдали эту картину, показали то же самое, а генерала никто не видел. Чёрный «мерс», правда, все видели. Но это как мёртвому лекарства — номера липовые...»

Михаил вздохнул, поцокал языком: «А генерал в это время на даче был. В общем, как в преступном мире говорят: было по этому поводу большое жужжание. С одной стороны, подробности этих двенадцати дел месмеровских, естественно, наводили на кое-какие размышления. Но не до такой же степени. Опять же МУР — это не спиритический салон. Там другой персонал работает.

Так что по всем этим показаниям отстранили моего приятеля от окружающей реальности и определили его в специализированное учреждение — выяснять степень его адекватности той же окружающей действительности, данной нам в ощущениях. Кто это сказал?.. Не помню. Учреждение он прошёл благополучно по всем показателям, кроме этого злополучного банковского эпизода. Честно говоря, у друга моего тоже сомнения были по этому поводу. Да и как им не быть после такой чертовщины? Но за месяц он потихонечку пришёл в себя, умиротворился.

Ну а дальше, как и обещал Рекс, ответил. В связи с непонятностью произошедшего, списывать из личного состава его на месте не стали. Зато отправили обратно — туда, откуда прибыл, в родной город Златоуст. Вначале на ту же должность, но с перспективой быстрого продвижения в ряды участковых с дальнейшим сокращением при благовидном случае.

Прибывши на родную землю, мой приятель всё это понял, приуныл и начал потихоньку готовить себе местечко где-нибудь в коллекторской фирме или охранном агентстве. У него, кстати, семья, дети. Им-то как эти головокружительные движения Фортуны?»

«Так бы оно и было, но... — Михаил многозначительно поднял указательный палец, — зашел как-то мой приятель в магазинчик под своим домом и купил там что-то, естественно, получив при этом сдачу, и изумился. Вот тут-то он и понял, что бросившая его судьба вдруг вернулась, нашла его, и он ей опять нравится. На одной из тысячерублевых ассигнаций сдачи увидел он свою метку. Тот знак, которым он, на всякий случай, выборочно пометил несколько пачек в хранилище без согласования с руководством. Просто так пометил — из природной аккуратности и тщательности. Как тебе это? Невероятная удача! А? Вот и решай тут сам, во что верить — в судьбу или в себя.

Остальное дело техники. Через двое суток напротив него в комнате для допросов сидела пожилая, благообразная женщина и возмущённо требовала адвокатов и уполномоченных по правам человека. Против неё ничего не было, просто ничего, кроме этой купюры. И тогда приятель мой нажал, хоть это и нехорошо. Продемонстрировал ей кое-что, она поняла, что он может больше, и потекла. Наговорила такого! Представить невозможно. Он ей не поверил: она сильно путалась — было такое впечатление, что по рассказу даёт показания. Но она въявь изобразила. Это что-то, доложу тебе. Друг мой рассказывал, там, в помещении, когда она предъявляла свои возможности, был его старый сослуживец. Так он вдруг встал, отдал ей честь, смутился, извинился, стал называть ее Николай Иванович и спрашивать его, то бишь её, указаний. Сослуживца увели. Когда он очухался, то сообщил, что внезапно узрел городского прокурора в наручниках и очень испугался этого. Она бы, тётка эта, ушла, если бы приятель мой внутренне не был готов к чему-то такому и не принял определённые меры. Он у неё спрашивал после, почему прокурор? Она говорила, мол, видела на встрече с избирателями, и этого достаточно.

Так он её после этого в кандалы поместил, два кольца охраны, в камеру только втроём и ещё трое в коридоре — все с соответствующими инструкциями. Кстати, она не та, что в банке, — следов ранений нет. Хотя хрен их знает с этими гипнозами.

Своё непосредственное начальство здесь он информировал в рамках разумного. Без ажиотажа и фанатизма. Но рискнул и втихую отправил частную депешу кое-кому в Москву. Остались у него там люди.

Вот так, не спеша, чтобы, не дай бог, инфаркты и членовредительство, он её и потрошил. Дошёл до того, что из банка, оказывается, не только деньги взяли, а кое-какие документы тоже. И, похоже, из-за этих-то документов весь сыр бор

с ограблением и был устроен. Единственное, что он от неё никак не мог добиться: Месмер — это она или нет? Она что-то путано лепетала, из чего можно было понять, что она, а потом, что она, но не только, потом ещё как-нибудь.

Мало-помалу, дружок мой ласково вытягивал из неё подробности, чтобы потом, когда они начнут вырисовываться в картину, прищучить её окончательно».

Михаил призадумался, полминуты смотрел в окно, как бы что-то обдумывая, затем произнес нечто нечленораздельное: «Мн-да-а». Повернулся, опять добродушно блеснул зубами:

«Но не тут-то было. Одним приятным утром пришли к нему трое с каменными мордами, показали удостоверения старших офицеров ФСБ и забрали купюру, материалы дела и даму. Уходя, сказали: «Мы никаких подписок с вас всех не берём, но забудьте всё, что было по этому поводу. Очень и очень в ваших интересах».

А на следующий день пришли бумаги из Москвы — моего приятеля возвращали тем же и туда же откуда выслали. О, как!»

Он опять начал, не видя, смотреть в окно, затем зевнул и потянулся:

«Знаешь что, давай-ка я подремлю немного, а ты подумай. Потом, если захочешь, скажешь, что ты про это всё думаешь», — и он, лукаво усмехнувшись, опустил голову и сразу, довольно слышно, засопел с присвистом. Запах коньяка и вкусного в кабине почти исчез, но одеколон благоухал по-прежнему.

Грохот щебёнки по днищу уже давно пропал. «Уазик» резво бежал по уже ровной асфальтовой змейке, незаметно спускаясь в степь вместе с цепочками спадающих возвышенностей, протянувшихся отрогами от громоздившихся сзади пушистых лесом гор, к поднимающемуся над горизонтом зареву большого города. Всё, что было за окном, уже забыло про дождь. Там, в бегущей неразберихе обочин и в дальней перспективе холмов, холмиков и гор, смеркался прекрасный лёгкий вечер. Горы вдали вспыхнули бордовой каймой, последний раз подсветив на тёмно-синем небе высокие лёгкие перистые облачка.

За поворотом, справа, из-за кучки кустиков и маленьких деревьев, уже сливающихся в единое неразборчивое целое, отделилась фигура, замелькала в пляшущем свете фар зелёным и серым и властно махнула светящимся жезлом. «Уазик» дернулся от неожиданности, затем мягко затормозил, проскочив метров двадцать дальше фигуры. В боковом зеркале сзади смутно вырисовывались очертания машины — похоже, это был полицейский «Форд».

Михаил резко вздернул голову, огляделся немного очумело, глянул в боковое зеркало и повернулся к водителю: «Подожди, я сам разберусь». В его внутреннем кармане затренькал мобильник: «Да... Это я... В Москву... На вокзал, как вы говорили... Понятно... Есть». Затем, открыв дверцу, немного неловко сполз на землю засидевшимися ногами, вгляделся в фигуру с жезлом, в очертания машины в кустах на обочине и, обернувшись, улыбнулся уже знакомой улыбкой: «Ладно, я тут сойду. Если до Москвы судьба доведёт, будет надобность — звони. Телефон я тебе в бардачок засунул. Показался ты мне. Удачи тебе... Да, не бери в голову. То в машине я тебе байку рассказал».

И он неожиданно быстрым строевым шагом пошёл к кустам, к фигуре. Там зажёгся свет в кабине, потом фары. Из машины вылез огромный человек в костюме, белой рубашке, галстуке, со шрамом во все лицо от щеки к глазу. Михаил подошёл, отдал честь, и все они вместе с фигурой с жезлом сразу сели в автомобиль. «Форд», взвыв сиреной, промелькнул мимо стоящего «уазика» и унесся за следующий поворот к разгорающимся огням вечернего города.

Дымка, вихри с мусором и... нет ничего, только сумерки и смутные обочины, сливающиеся в неузнаваемые переливы форм.

Что это было? Весёлый попутчик, странная история... А может, уральская легенда примарилась в однообразном гудении двигателя, мелькании событий и окрестностей за стеклом. Кто знает. Места-то сказочные.

Этот попутчик подкупил меня своей простотой. Он подошёл, когда я расплачивался в придорожном киоске. Без долгих расшаркиваний, он напрямую спросил меня, кивнув на УАЗ:

— Твой танк? В Татарию подбросишь? Меня Коля зовут...

МИГАЛКА

Алексей Борисов

Утро у меня крепко не заладилось по семейным обстоятельствам. Даже обидно было, что в отпуске — некому писать объяснительную, брать отгул. Или на крайняк приехать на работу и застрять до утра. Там можно было бы поговорить по душам с охранником, колбасой от бутерброда поделиться со служивым барбосом, ну, в общем, сделать что-то полезное себе и людям. А вместо этого с утра пораньше потащился в загс со своей законной, посидели в очереди, потом зашли куда надо, галочки поставили, и всё. А вышел я оттуда уже с ней беззаконной. Даже улыбнулась мне на прощание, стерва бигудийная. А до этого цельный круглый год не улыбалась, видимо, конкретно я её достал, или она меня, но тут уж ладно, дело житейское.

И вот стою я на солнышке у самого загса. В тельняшке, в брюках городского камуфляжа, и весь какой-то изнутри, да и снаружи непричёсанный. А на душе такая лёгкость, такая прыть молодецкая завелась, что, кажется, мир могу встряхнуть, перевернуть и поставить на место. Минут, наверное, с полчаса я пребывал в лихорадочной эйфории, а потом как-то кисло совсем сделалось. Не то чтобы плохо, а уныло так, ну, вот словно тянет и тянет куда-то, а куда, зачем — непонятно. Вроде и не хочется, а тянет.

Эх, думаю, была не была, поеду в деревню. Там у дядьки на участке и шашлык пожарим, и найдём, к чему его закуской приспособить. Не сидеть же в городе у телевизора? Развод разводом, а всё-таки отпуск.

Решил да поехал.

А время было ещё раннее, нам в загсе назначили прямо к восьми, я оттого ни побриться, ни проснуться не успел. Выехал на трассу как раз к полудню. А дело было прошлым летом, легко представить, какая жара меня накрыла. Дотянул до пригородного универмага, вылез, купил минералки, стою в тенёчке, курю.

Вдруг смотрю — из-за угла выходит мужик. Плотный такой, но не толстяк, а из таких, у кого ручищи, что фонарный столб. То есть брюшко-то есть, куда же без него, но в меру. Я смотрю и думаю: а каково ему, бедняге, в эдаком-то пекле? Он весь в чёрном, в кожаных штанах, в косухе, правда, без блестяшек, строгого фасона. Борода уложенная, ровная, бандана чёрная на голове. Глаза с хитринкой и раскосые. Да тут у нас татарскими глазами никого не удивишь.

Мужик подошёл ко мне, улыбнулся в бороду.

— Будь здоров, мил человек.

— И тебе не хворать.

— Видел я, ты вроде из города едешь? До Н... во не добросишь?

— А где это? — я никогда не слышал о таком, да мало ли посёлков-то в округе, всех не упомнишь.

— А километров сорок, может, пятьдесят. Как раз по трассе, а потом там будет поворот налево, я покажу.

И не успел я докурить и выдумать, как бы вопрос ему задать, но так, чтоб не обидеть, тут он сам всё и сказал.

— Руль сдал тут в мастерскую, там ребята толковые, но сказали, надо движок перебрать, да и ещё там что-то полетело. Людям от жары беда, чего уж говорить о всяких механизмах.

Как-то чудно выражается байкер, подумал я, в другой раз, может быть, съязвил бы ему как-нибудь беззлобно, а в тот день мне было так тоскливо на душе, что потянуло как магнитом к человеку. Тем более душа у него, как показалось мне, на месте и в таком спокойном здравии, что в пору рядом с ней и мне оздоровиться.

— Поехали, до поворота прокачу.

— Спасибо! — кивнул байкер. Мы сели. Он пристегнулся, потом спросил:

— Тебя как звать-то, добрый человек?

— Коля.

— А меня отец Евгений.

Я рассмеялся.

— Что, смешного, Николай? Кстати, можно я трубочку закурю?

— Да, кури уж, батюшка, — последнее слово получилось с издёвкой.

Он крякнул.

— Ёрничаешь. Ну ладно, как хочешь. А я ведь и вправду духовного звания. Правда, в отставке.

Оказалось, батюшка Евгений (в миру Андрей) окончил духовную семинарию, и даже некоторое время послужил в церкви. Он искренне пытался посвятить себя божественному делу, но тайной его страстью были скорость, мотоциклы и безбашенная байкерская жизнь. Какое-то время он ухитрялся совмещать и то и другое, но случилось так, что обо всём узнали лица высокого духовного звания. И в скором времени отец Евгений был по всем законам церкви отстранён от службы.

— Ну и какой же ты после этого «отец Евгений»?

— На то, мил человек, есть воля божья, им этого не отнять. А ты чего такой колючий, будто злой на целый свет? Случилось что? Не хочешь, так не говори, а если что стряслось, скажи. Горе держать в себе — гиблое дело. Душа хочет, чтобы её слушали.

Не знаю, что нашло на меня тогда. Прежде я бы от такого словесного елея отмахнулся, а то и чертыхнулся пару раз, прости, господи. Но тут, пока мы ехали, всё выложил попутчик: и про кризис трёх лет, и про развод, и про всю петрушку с малиной. Рассказал и сам удивился — чего не поделили с женой? Ведь, если посмотреть со стороны да обсудить, так и проблем-то, в общем, нет.

— Ну, это тебе, видимо, не повезло.

И только он это сказал, как вижу — впереди дорожный пост, и мент нам полосатым жезлом, раз, махнул, и ещё, ну, это, чтобы не было сомнений. Хотя какие могут быть сомнения? На трассе кроме них — никого.

— Вот зараза, — проговорил я сквозь зубы. С техосмотром у меня всё в порядке, а с чем не в порядке? Да ясное дело, если захочет придраться, найдёт.

Мент подошёл, руку к фуражке поднёс и представился.

— Лейтенант Громилин, можно взглянуть на ваши документы?

Пока он изучал мои документы, изучали его и мы. Я с боязливым расчётом, сколько надо будет денег, чтобы откупиться. А батюшка потушил трубку и, уж не знаю, с какими помыслами, неприлично пристально разглядывал дорожного служаку. Смотрел с таким ехидным прищуром, с каким только и можно смотреть на патруль, если ты не водитель, а пассажир. Признаюсь, очень рассердился я на батюшку Евгения в тот момент. Но кто же знал, что будет дальше?

— Николай Степанович, вы превысили скорость, будем оформлять штраф, — патрульный сказал это не то чтобы с вопросом, но и как-то так не очень утвердительно.

Мой пассажир откашлялся и попросил.

— Товарищ лейтенант, а покажите распечатку с вашего радара.

— Не понял?

— Радар у вас лицензионный?

— То есть как это, лицензионный ли радар? — нахмурился мент. Потянулся руками к ремню, поправил, где чего сползло из-за жары не по уставу, но кобуру миролюбиво отодвинул за спину.

— Если радар лицензионный, должен быть с принтером и сканером. Сейчас так положено. 725-й пункт устава ДПС.

— Гражданин пассажир, — блюститель порядка тяжело вздохнул, — не говорите ерунду и не мешайте мне работать.

— Так работать я и не мешаю, — отец Евгений улыбнулся, подмигнул мне и вышел из автомобиля. — Служивый, будь человеком, иди сюда на пару слов.

Они отошли на несколько шагов. Вокруг стояла знойная ленивая тишина, где-то у обочины стрекотал кузнечик. На трассе было пусто и безветренно. Не знаю, так ли замышлял отец Евгений, а я со своего сиденья услышал весь их разговор.

— Лейтенант, вот ты скажи, к примеру, ехал бы мужик в день свадьбы под хмельком, ты бы что ему сделал?

— Под козырёк, — усмехнулся постовой, — все ж мы люди.

— Вот, верно. А ты присягу давал?

— Принимал, — поправил собеседник.

— Да какая разница, давал, принимал. Присягал?

— Ну, присягал.

— А кому?

Служивый приподнял фуражку и вытер потный лоб.

— Вот-вот, — заметил батюшка-байкер. — И поверь мне как лицу духовного звания, если ты однажды присягал служить России, то будь ты после этого хоть мент, хоть «экс», ну в смысле мент в отставке, а служить продолжай. А то, чем ты сейчас занимаешься, это...

— Да какого ты духовного звания, ты же байкер? — перебил постовой. — Вон, на пальце перстень с черепом. К тому же на лицо своё поглядел бы, ты ж татарин.

А я вот перстня-то и не заметил.

— Да будет тебе известно, служивый, что с давних времён череп есть символ бренности тела и бессмертия души. А что во мне монгольской крови много, так у кого же на Руси её нет? Ты посуди, служивый. У Николая проблемы. Он

сегодня с женой развёлся, это не свадьба, но тоже повод хоть куда, ты не находишь? Тут можно не только скорость превысить, но и выпить.

— Так он ещё и выпимши?

От жары и задушевной беседы батюшка лицом так подобрел и раскраснелся, что в пору было подумать, а не в подпитии ли сам священнослужитель.

— Он — нет. Можешь проверить.

— А ты? — уже беззлобно спросил мент. Должно быть, он и два его напарника в дозоре попросту друг другу надоели, и он был рад так по-простому поболтать.

— Давай так, если я сильно пьян, — батюшка надавил на слово «сильно», — то я заплачу тебе штраф, и ты нас отпустишь. Давай-давай, тащи сюда свой дыхмометр, проверим.

Мент окончательно развеселился, а батюшка угрюмо посмотрел ему вслед. Пока постовой ходил за прибором, мне стало совсем невмоготу сидеть в железной душегубке. Я аккуратно сдал назад, в тенёк под хилой придорожной липой и вышел наружу. Минералки у меня осталось ровно на глоток, и как жить дальше в этом пекле, я уже не представлял. Признаюсь, я готов был даже раскошелиться на штраф, лишь бы оставили в покое и позволили в тенёчке подождать, пока спадёт жара.

Не знаю, долго ли они возились там с дыхательным прибором. Какие-то обрывки фраз я слышал: «Он работает? А на себе проверь», ну, и что-то там ещё в таком же роде.

— Коля, ты тут не спёкся? — батюшка вернулся, постовой — следом.

— Мужики, делайте, что хотите, но я сейчас никуда не поеду. Пекло нереальное, хотя бы часиков до пяти подождать, а там посмотрим.

— Да мы и не спешим, — сказал лейтенант и кивнул мне. Я так понял по его лицу, что штраф мне больше не грозит. — Тут батюшка идейку подкинул. Сгонять в посёлок, в этот, как его...

— В Н... во.

— Вот именно. Отведать там холодного кваску, а то жара, капец, невыносимая.

— Я вам русским языком сказал — машину не поведу, хоть режьте.

— Так мы не на машине, — батюшка расправил плечи и хрустнул пальцами в кожаных перчатках, — я поведу. Всегда мечтал поводить милицейский мотоцикл.

Я закрыл машину, мы расселись, а лейтенант раздал всем казённые шлемы и наконец-то представился по имени.

— Вася, — прежде чем добавить ещё кое-что, он замялся, — ну, ты это, зла не держи. Ты ж понимаешь, работа.

Да я вообще понятливый. А если Васе хочется в коляске ехать, так на то оно его и место, как бы так сказать, служебное.

* * *

Никогда не понимал этого байкерского кайфа. Вроде бы всё так, задорно, с ветерком, но шум такой, что просто невозможно. Минут за двадцать мы доехали до нужного посёлка, а когда остановились, батюшка слез первым. Шлем и бандану стянул с головы и повернулся лицом к белой церквушке на холме. Он что-то там положенное говорил, крестился и кланялся, а у меня в ушах никак не пропадал назойливый мотоциклетный шум. Почему-то он становился сильнее. Я поглядел по сторонам и обнаружил, что в облаке дорожной пыли мимо нас на стареньком мопеде проехала деревенская бабка. Притормозила, поглядела на батюшку-байкера, с великим осуждением произнесла:

— Вот, госпадя.

И с рёвом укатила дальше, только пылью улицу обдало.

— Ничего себе у вас тут бабки, — присвистнул лейтенант Василий.

— Ты ещё тётку Матрёну не видел, — кивнул батюшка, — она на «Запорожце» рассекает.

— Эка невидаль, — отмахнулся постовой.

— Невидаль аль нет, а на нём движок от БТР.

— Побойся бога, батюшка, где же это видано, — усмехнулся Вася из-под фуражки, — да его же перевернёт, «Запорожец» этот?

— Ну, бывало, может, и перевернёт, когда до ста пятидесяти разгонится. А потом к ней племянник приедет и всё починит.

— Ты что ли, её племянник? — спросил я батюшку.

— Не, тот здоровее будет, — вздохнул он, — во флоте служил.

Я вспомнил, как и сам служил на корабле, и на душе посветлело.

— Так что ты там про квас говорил, отец Евгений?

* * *

Квас мы раздобыли быстро. И крепкого зелёного лучку к нему, а также хлеба деревенской выпечки. Уселись на центральной улице посёлка, на скамейке под дубом доисторического калибра, и стало нам со-о-всем хорошо. Казалось бы,

куда ещё желать чего-то большего? Напротив дуба стоял длинный белый дом. Под кривой и блёклой из-за солнца вывеской «Продукты» в темноте проёма двери нараспашку висела марля, не иначе как от мух. Трудно представить, что кто-то в такую жару пойдёт через улицу по солнцепёку в магазин. Но то ли мы синхронно думали в одном известном направлении, то ли у каждого во взгляде промелькнули одинаковые мысли, как бы ни было на самом деле, вопрос назрел и требовал ответа.

— Ну, вообще-то я как бы на службе, — не очень уверенно сказал лейтенант.

— Да, как-то и не собирались вроде, — батюшка с сомнением почесал в бороде.

— А вот говорят ещё, что байкеры не пьют за рулём, — постовой покосился на свой служебный мотоцикл, как бы намекая — кто сюда привёз, тот и обратно отвезёт.

— Конечно, не пьем за рулём, это опасно. Вначале выпьем и только потом — за руль.

И тут я понял, что без меня они кашу не сварят.

— Мужики, да что вы спорите? У меня, во-первых, развод, а во-вторых — отпуск.

Байкер и лейтенант переглянулись, пожали плечами.

— Это меняет дело. Ох, согрешим сегодня, чует моё сердце, — усмехнулся отец Евгений и рубанул рукой воздух.

* * *

Мы взяли на троих двойную порцию, чтобы если уж и бегать за добавкой, то хоть не сразу. Дабы не мозолить глаза честным деревенским бабкам, переместились на отшиб. На завалинку какой-то неказистой избы, прямо напротив деревенского колодца. Разместились, разложили всё, открыли, разлили, выпили. Солнце перестало донимать, лейтенант снял фуражку, а батюшка скинул косуху. Под ней на чёрной майке мы увидели массивный металлический крест на цепочке. Ничего особенного, байкеры и не такое носят. Но мы-то уже знали, что дело тут не в байкерской бижутерии. И в целях окончательного утверждения своего неоднозначного образа отец Евгений принял ещё стакан и затянул в полную силу своей луженой церковной глотки. Мы немо изумлялись и внимали, и вдруг в конце второго то ли предложения, то ли куплета прозвучал тонюсенький голосок. Мы сразу даже не поняли, откуда раздалось, но батюшка мгновенно замолчал, посмотрел куда-то мимо нас, и бородатое лицо его потеплело умильной улыбкой.

— М-я-я-у! — повторил писклявый голос.

Мелкая тощая животинка вышла из-за колодца и с призывным недоумением обратила к нам свою кошачью жалобу. Кошке было жарко, она в изнеможении щурилась на солнце и мяукала на весь божий свет.

— Закусь, — усмехнулся лейтенант.

— Побойся бога, опричник! — зашипел на него батюшка, — котявке месяца три-четыре, это ж ребёнок совсем.

В подтверждение тому, что котявка — несмышлёное создание, произошло следующее. Она своим звериным чутьём догадалась — у нас ей нечего ловить — покупать сомнительную колбасу мы не стали, соответственно, из закуся у нас имелись только лук да хлеб. Котявка — хищница, и у неё, наверное, сработали охотничьи инстинкты. Что-то померещилось на барабане у колодца или там какая-нибудь мошка пролетела, я не знаю. Котявка с места сиганула на колодезную снасть, но явно не рассчитала и с истошным мявом ухнула в колодец.

Водки мы приняли к тому моменту немного, но как очутились возле колодца, я не помню. Лейтенант расстёгивал портупею, а батюшка вытаскивал из кожаных штанов ремень. Какую ерунду они хотели снарядить, я так и не понял, но мой вопрос поставил их в тупик.

— Вы что хотите её ремнями доставать?

— А чем предлагаешь?

Усиленный колодезной акустикой мяф раздавался вперемешку с редким отчаянным плеском.

— Ведро туда опускайте!

— А если зашибём?

— А то ремнём не зашибёте?

— Действительно, — образумился батюшка. На пару с лейтенантом они принялись раскручивать лебедку и править по курсу ведро на канате. Василий вытащил мобильный — смартфон с огромным экраном.

— Нашёл время, — я разозлился на глупого лейтенанта.

— Да погоди, давай подсветим туда, а то не видно ни черта, — предложил Василий.

— За языком следи! — осадил его батюшка, но лейтенант ему ответил коротко и смачно, мол, не время слова подбирать, божью тварь спасать надо.

Мы посветили. Истошный мяф на несколько мгновений прекратился. Котявка барахталась в воде, но свет мобильного экрана отразился от кошачьих глаз, и, кажется, она мигнул нам.

— Ишь, подмигивает!

— Лейтенант, не зевай, правь ведро.

— Оба не зевайте! Вася, дай мне телефон, я буду светить.

Лейтенант подчинился. Ведро опускалось медленно и ровно, а котявка подмигивала спасателями и вопила.

* * *

В конце нелёгкой процедуры полумёртвую и мокрую насквозь котявку вытащили из колодца. Завернули в лейтенантский пиджак. До сих пор не понимаю, как я удержал в руке этот проклятый мобильник, как не выронил его в колодец. Видать, немалых денег стоит вещь, пробурчал себе под нос отец Евгений.

Мы собрались вернуться к застолью. Я даже высказал идею, а не дать ли нашему спасёнышу лизнуть из пробки для согреву. Но по-старому продолжить нам не дали.

— Да вы тут что, с ума все посходили? Совсем распоясались!

Она появилась на крыльце неказистого дома, рядом с нашим незатейливым застольем на газетке.

Стройная, загорелая, босоногая, в аккуратном светлом платье с васильками. В хозяйском переднике, с волосами, прибранными под белой косынкой. Всё в этой бабе было по-деревенски просто и бесхитростно, если бы не глаза. Я больше ни у кого таких глаз не видел. Сейчас скажу, мне показалось, будто смотрит на меня сама вселенская мудрость. Та, которая всё превзошла — и науки, и предания, и современные премудрости вроде всякого гламура и прочей ерунды. А тогда у меня язык присох к нёбу, я даже не сразу заметил, что кожа у бабы рябая, видно, в детстве оспа её крепко скрутила.

Короче, так и сказала — «распоясались». И было это совершенно верно. Только я и оставался более или менее при параде. А у моих товарищей отовсюду что-то свисало и подтекало. Ещё бы, после такой-то возни с колодезной водой.

— А мы тут это. Мы с ума не посходили, — засуетился лейтенант, — и вообще вот он у нас самый трезвый.

И указал на меня.

Уж не знаю, что там показал прибор с дыхательной трубой, и как они проверяли его функциональность, но я готов был поверить, что так и есть — мои товарищи успели накатить перед поездкой за квасом. Да кто теперь вспомнит этот квас?

— А вы, гражданин, — глаза обратились ко мне, и мне же досталась озорная белозубая улыбка, — держите своих собутыльников в узде, а то я сейчас милицию вызову.

— Так я милиционер! — отозвался обиженный лейтенант.

— Бога вы не боитесь, бесстыжие, — продолжала возмущаться баба.

— А вот не надо напраслины, — взревел отец Евгений мощным духовным гласом, — я священнослужитель.

— Батюшка, простите, не признала, — ехидно поклонилась баба и обратилась ко мне: — Ну что вы тут устроили? Цирк? Только не говорите, что вы клоун!

Я сделал над собой нечеловеческое усилие, чтобы не заржать в полный голос, и с заиканием, с таким серьёзным тоном, на который только был тогда способен, оправдался.

— Да, уберём мы всё, не волнуйтесь. А вообще мы котявку из колодца спасали. Лейтенант, будь добр, предъяви вещдок. Он там, кстати, как, не околел, отогрелся?

Кошка высунула морду из милицейского рукава и протяжно мяукнула. Опять мигнули круглые, немного ошалелые глаза.

— О, господи, котейка! — баба сбежала с крыльца и в два прыжка очутилась подле спасёныша.

— Не котейка, а котявка, — поправил батюшка-байкер.

— Да какая разница, батюшка? Кошка, котейка.

— У неё что, имени нет? — изумился я.

— Да на кой оно ей. Кошка и есть кошка. У нас по деревне дюжина таких бегает. Рыжей полосатой масти.

— Надо имя дать, без имени не положено.

— Давайте назовём Мигалкой, — предложил я, — она нам так подмигивала из колодца.

— Отличное имя, профессиональное, — поддержал лейтенант.

— Да ну вас, — отмахнулась баба.

— А тебя-то как звать? — спросил я.

— Тебе-то что, кобель в тельняшке? Алевтина меня зовут.

— Да ты послушай, Аля, — Василий примирительно улыбнулся бабе и даже рубашку расправил, чтобы погоны стали виднее, — Мигалка — это классно. Вот сейчас у депутатов отберут, а у тебя будет своя, лучше всяких депутатских.

Словно в согласии с нелепым именем кошка два раза мигнула хозяйке в глаза и замурлыкала.

— Ладно, пусть будет Мигалкой. Только вы это, своё застолье тут уберите.

— Гражданочка, мы вам котявку спасли, а вы нас гоните.

— И то лейтенант говорит не безделицу, — заметил батюшка, — шли бы в баню, Алевтина, со своими претензиями. Люди животинку спасали, промокли до нитки, тут хоть и солнце шпарит, а неровен час простудимся. Надо согреться.

Аля замолчала, посмотрела каждому из нас в глаза, а потом неожиданно вздохнула и рассмеялась.

— Тоже мне — спасатели. Что обо мне люди подумают? Пьянка на завалинке... Хотите продолжить? Тогда пошли во двор. У меня как раз банька топится. Прямо как специально к вашему приходу угадала. Только вот что, кобелины, чур не приставать! А то так кочергой огрею, а потом ещё Полкана спущу.

— Ни-ни, ты что, Аля, я на службе! — отмахнулся лейтенант, заметно огорчённый бойким предостережением.

— А мне как бы по сану не положено, — хмыкнул батюшка, одним движением налил себе стопку, опрокинул внутрь и как бы тем же движением собрал в одну охапку всё застолье, — а за Колю я могу поручиться.

Интересно, думаю я, как это он за меня поручиться собрался?

— Он только-только из загса.

Ах ты поп, в печёнку твою душу, думаю я, ну ты негодник. Алевтина как-то пресно хмыкнула и посмотрела будто сквозь меня. Но батюшка договорил:

— Развёлся, сокол. Уж и не знаю, как держится. Переживает, а глядит молодцом. Просто умеет пить человек, — отец Евгений незаметно подмигнул мне и подтолкнул локтём к крыльцу. Алевтина едва заметно покраснела, может, мне показалось.

...Такая вот история. И веришь, нет, сейчас опять еду к ней в гости. Надо кое-что помочь там по дому, крыльцо подправить, ну и всякое такое. Эта Мигалка подросла, и весной такую гирлянду фонариков нагуляла, любо дорого смотреть. Теперь не дом, а настоящее кошачье царство с Мигалкой.

...Какая-то частичка жизнелюбия Николая передалась и мне. Я с удовольствием бы и дальше ехал с ним, слушая его байки. Его простые, но колоритные истории развеселили меня и отвлекли от самокопания. И если бы меня сейчас спросили, куда и зачем я еду, то скорее всего в ответ я бы перефразировал Портоса: «Я еду, потому что... еду!»

...Почему-то по пути мне нечасто встречались девушки, поэтому я обрадовался, когда увидел голосующую женскую фигурку. А то уже как-то потихоньку дичать начал без общения с женским полом. С мужиками, конечно, вольготнее себя чувствуешь, но однообразие уже стало приедаться. Когда я притормозил, на лице девушки отразилось явное облегчение.

Она забралась в машину, несмело улыбнулась и представилась:

— Наташа.

БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК

Александра Жавжарова

— Наташа!

Щуплая девочка с тонкими косичками испуганно подняла глаза на недовольного отца.

— Ты почему математику не сделала? — Ненавистная книжка немым укором синела в крепкой родительской руке.

— Жень, не надо, она сделает, — в комнату заглянула мама.

— Я не для того дочь ращу, чтоб она неучем стала! — ещё больше распалялся отец. — И нечего за неё заступаться, тунеядку!

Книга с грохотом упала на стол перед самым носом испуганной Наташи.

— Чтобы к вечеру всё сделано было. Ясно?

Детское упрямство требовало наперекор страху промолчать.

— Ясно? — повторил отец, немного понизив голос. И этого оказалось достаточно.

— Ясно, — буркнула Наташа, на всякий случай придвинув учебник к себе.

Потом, приглушённый дверями, до неё доносился спор родителей.

— Так нельзя, Женя, — настаивала мама, — она ещё не понимает...

— Она не хуже других! Почему может хорошо учиться её эта подружка... Катя? Наша дочь — не даун. Значит, должна понимать!

Грубое слово, словно наждачкой, задело Нату. Стало до слёз обидно. Пока родители препирались на кухне, Наташа выскочила в коридор, влезла в осенние сапожки, натянула куртку и тихонько прикрыла за собой дверь.

У выхода из подъезда обида съёжилась, превратившись в страх перед наказанием, но Наташа упрямо поджала губки. «А вот нечего обзываться и кричать!»

Во дворе, правда, делать было совершенно нечего — сырые качели мерзли под порывами холодного осеннего ветра, да в старой песочнице валялась забытая

кем-то перчатка. Никого из друзей по играм на улице не оказалось, поэтому Ната вздохнула и отправилась в соседний сквер.

Редкие прохожие спешили побыстрее спрятаться от непогоды дома, а несколько собачников, выгуливавших своих любимцев, не обращали внимания ни на что вокруг, стараясь поплотнее закутаться в шарфы и воротники.

Наташа прогулялась по скверу, заглянула от нечего делать в бакалейный магазинчик, но денег с собой всё равно не было, поэтому пришлось выйти под бдительным взглядом настороженной продавщицы. Что-то мяукнуло у самого сапожка, когда Ната закрыла за собой стеклянную дверь. О её ногу тёрся грязный серенький котёнок.

— Кииися, — Наташа присела и погладила сразу замурлыкавшего малыша. — Мне тебя домой нельзя. Папа ругаться будет.

Котёнок моргнул жёлтыми глазами, будто всё понимал.

— Голодный, наверное? — спросила Наташа.

— Мяяя, — тоненько отозвался новый знакомец.

— Ладно, пойдём я тебя к Кате отнесу. У неё бабушка добрая, она нас не прогонит.

Катя жила в соседнем дворике. Родители её уже давно укатили на заработки в Москву, приезжая домой только по великим праздникам. Поэтому подруга оставалась на попечении бабушки. В классе тихую отличницу недолюбливали, а Ната с ней подружилась на почве общего увлечения книгами. По вечерам, в свободное от учебы время, девочки обычно придумывали волшебные истории о приключениях.

И сейчас Наташа вспомнила о том, что можно зайти в гости к лучшей подруге, а заодно и малыша согреть и накормить.

Анна Александровна, увидев Нату на пороге, немного удивилась.

— Наташа? Ты за Катей? А она ещё уроки делает.

— Я... математику с ней сделать хотела, — соврала Ната, надеясь, что спрятанный в куртке котёнок её не выдаст.

— Ну, проходи, проходи, — бабушка Кати отступила вглубь прихожей, пропуская гостью. — Катя, тут подружка твоя пришла!

А та уже легка на помине, будто только и ждала, когда позовут.

— Привет! — Катина улыбка всегда немного удивляла Нату, потому что на щеках проступали смешные ямочки.

— Привет, — улыбнулась в ответ Наташа, не спеша раздеваться.

Дождавшись, пока Анна Александровна прошла в кухню, Ната вытащила из куртки уснувшего котёнка и сунула его удивлённой Кате.

— Тихо, нам его покормить надо! — зловещим шёпотом предупредила она подругу.

— Мне же бабушка животных не разрешает, — неуверенно протянула Катя, держа мокрый шерстяной комочек на вытянутых руках.

— Да заберу я его потом. Я просто со своими поссорилась. Неси его в комнату быстрее!

Подружка пожала плечами и подчинилась, а Ната принялась стягивать сапожки. Через минуту в Катиной комнате уже стояло блюдце с молоком из стакана, налитого Анной Александровной внучке. Котёнок, довольно мурлыча, отъедался, а подруги беседовали.

— А твои-то знают, что ты у меня?

Ната помотала головой.

— Тебе же влетит, если они узнают, что ты сбежала.

— Ну и пусть, — надулась Наташа. — А чего он кричит на меня? Сам, небось, тоже по математике тройки хватал...

— Хочет, чтоб ты училась хорошо, — рассудительно ответила подруга. — Он же не со зла. Он хочет, как лучше.

— Это не лучше, — обиделась за себя Ната.

В прихожей вдруг задребезжал телефонный звонок, и Наташа отчего-то поняла, что это за ней. Тут же всплыла мысль о неизбежном наказании.

— Здравствуйте. Наташа? — раздался за дверью голос Катиной бабушки, — У нас. Что? Да. Хорошо. Всего доброго.

— Прячь котёнка! — успела пискнуть Ната, прежде чем Анна Александровна заглянула в комнату. Впрочем, подруга и сама сообразила, пихнув малыша вместе с его блюдцем под кровать.

— Наташа, — Анна Александровна строго глянула на гостью, — звонил твой папа, сказал, чтобы ты немедленно шла домой.

— Да, Анна Александровна, сейчас.

Катя хотела было сунуть котёнка подруге, но на сей раз бабушка решила проводить Наташу до двери, поэтому выносить находку в коридор девочки побоялись.

А на улице, где уже загорались первые фонари, Наташино сердце снова сжала ледяная лапка страха. Дома её не ждало ничего хорошего. Отец снова орать

будет или просто сузит глаза так, что от страха аж мурашки по коже, и накажет. Нет, отец никогда Наташу не бил, но эти его резкие слова и запреты били по самому больному...

Страх скручивался в сердце тугими кольцами, и чем ближе подходила Ната к родному подъезду, тем сильнее был этот страх. Наконец девочка не выдержала — из глаз брызнули злые слёзы.

«Не дождётся!»

Наташа развернулась и бегом бросилась вон со двора. Даже в тёмном холодном городе оказалось не так страшно, как дома. Слёзы застилали глаза, мысли перепуганными птицами метались в голове, а ноги несли свою хозяйку мимо сырого сквера, мимо цветных витрин магазинов и автобусных остановок. Пока наконец девочка не оказалась на довольно безлюдной улице.

Кое-где в окнах горел тёплый свет — там наверняка жили дружные семьи, и никто никого не наказывал. Нате стало очень жалко себя, и слёзы снова ручейками побежали по щекам и носу. Пришлось вытираться и без того сырым рукавом пальтишка.

«Погуляю немного, — решила Ната, — и вернусь. Может, хоть тогда ругать не станут».

Вот только гулять по промозглой полутемной улице было как-то не слишком приятно. Обида и жалость к себе понемногу отступали, давая дорогу самому обычному человеческому страху. Например, что там за тёмный силуэт на углу дома? Куст? Бочка? Или вон там, где какое-то заброшенное строение... А что за непонятные шорохи во дворе за забором?

Темнота наваливалась со всех сторон, грозя затопить, сбить с ног, навсегда оставить в этом переулке. Наташа сделала несколько робких шажков обратно — к магистральным улицам, где светло и ходят люди. Что-то чиркнуло по ногам и с шорохом унеслось в кусты. Наташа чуть не вскрикнула, и бегом бросилась к выходу из переулка.

Уже подходя к дому, Ната увидела милицейскую машину рядом с подъездом. Сердце снова забилось сильнее. Неужели что-то случилось?

— Ната! — в мамином голосе послышались надрывные нотки, когда она увидела открывающую дверь дочь.

— Ну вот, я же говорил, ещё вернётся, — невысокий усатый милиционер поднялся с табуретки на кухне, собрал листки на столе и сунул их в портфель.

— Да-да, спасибо, — зачастила мама, бочком пробираясь в коридор.

Отец только молча пожал руку мужчине в форме.

Когда милиционер вышел, на прощание укоризненно покачав головой, мама кинулась к Наташе, крепко обняла и расплакалась. А отец так и остался стоять, словно истукан. И глаза его не предвещали ничего хорошего блудной дочери.

* * *

— Выпускной скоро, — Катя бросила учебник в сумку. — Выбрала уже куда поступать?

Наташа помотала головой.

— Не знаю. Хотела в художку, но отец против. Хочет, чтобы я, как мама, в медицинский поступала.

— А сама?

— А я не хочу, но... может, он прав, и я потом с художкой буду полы мыть? А так — профессия... везде возьмут, — Наташа старательно прятала глаза.

Девушки спустились в школьный вестибюль, а оттуда вышли на манившую весенним солнцем улицу.

— Ну, смотри сама, — рассудительно произнесла Катя, — ты же уже взрослая, значит, решать тебе. А вдруг ты будешь не полы мыть, а... портреты рисовать, и их за бешеные деньги будут покупать иностранцы.

— Смеёшься, да? — Наташа укоризненно посмотрела на подругу, которая как раз успела определиться с профессией, собираясь учиться на новомодного менеджера. Уже даже и вуз нашла.

— Почему смеюсь? Я серьёзно. Ты сама подумай, а если ты из-за нелюбимой профессии кого-нибудь не вылечишь, а искалечишь? Вон у нас некоторые врачи в больнице с такими кислыми лицами сидят, что хоть вообще в кабинет не заходи. Это я не про твою маму.

— Да уж, — засмеялась Ната, вспомнив зубного врача — от остальных хворей она лечилась на дому, поскольку мама не доверяла свою дочь другим медицинским работникам.

— Ну, ты все-таки подумай, — Катя поправила лямку своей школьной сумки. — Может, художка — это и правда твоё.

— Ага, подумаю, — развеселилась Ната. — А давай наперегонки! До во-о-он того дома.

— Мы вроде не маленькие уже, — засомневалась Катя, но, когда подруга сорвалась с места, смеясь, побежала следом.

Дома без пяти минут выпускницу ждал праздничный ужин. Мама принарядилась по этому случаю, а отец возился с какими-то бумагами.

— Ну, взрослая мадам, держи, — он кинул Нате какую-то брошюрку.

«Казанский государственный медицинский университет» гласила крупная надпись на первой страничке. Праздничное настроение сразу куда-то улетучилось. Поэтому Ната с неохотой поела вместе с родителями и сразу после этого отправилась в свою комнату.

— Эй, красна девица, ты куда это? А матери помочь? — окликнул весёлый отец.

И тут внутри у Наташи словно фитиль подожгли.

— Вечно ты мне указываешь, — развернулась она к оторопевшему отцу. — «Сделай то, сделай это», а я, может, не хочу в твой медицинский!

— Ополоумела? — негромко и с нажимом произнёс он.

Наташа внутренне сжалась, но отступить и не подумала.

— Ты и маме вечно указываешь! Что ей делать, а что — нет! Она взрослый человек — сама разберётся. А ты, если любишь покомандовать, так чего ж ещё не директор какой-нибудь фирмы?!

На скулах отца заходили желваки.

— Пошла вон! — негромко произнес он, но так, что Ната пулей вылетела в свою комнату со слезами на глазах.

— Ната, Володя, — мама с опозданием выглянула из кухни. — Что случилось?

Наташа слышала, что отец ничего не ответил, только хлопнул входной дверью.

— Ну и катись, — тихонько позлорадствовала сквозь слёзы Ната.

Неделю они с отцом не общались. А через неделю Наташу вдруг вызвали из школы.

— У матери инсульт, — как-то почти буднично сообщил отец, стоявший у плиты.

— Так чего ты не в больнице?! — наорала на него Наташа, после чего выбежала на улицу.

Куда повезли маму, девушка догадывалась, а потому запрыгнула в ближайший автобус и знакомым маршрутом поехала в больницу. Врачи, которых она знала по маминой работе, сочувственно качали головами и соболезновали. Правда, шанс ещё был — многие выкарабкиваются после инсульта. Мама лежала в переплетении каких-то трубок под аппаратом искусственного дыхания.

— Она сейчас в коме, но стабильна, — успокоил её коллега Андрей Игнатьевич. — Ты пока можешь остаться, только ненадолго, хорошо?

Ната только кивнула. Больничная палата навевала тоску и пахла то ли чужими страданиями, то ли лекарством. Хотя чужое страдание как раз очень часто пахнет лекарством.

Вечером приехал и отец. Молча постоял рядом. Ната не выдержала — встала и вышла из палаты. Видела, как отец, мрачный и молчаливый, вышел следом. Потом несколько раз к маме заглянула медсестра.

— Наташа, — Ната подняла глаза на ставшего чужим отца, — езжай домой, я подежурю.

Упрямо помотала головой.

— Оба езжайте, — подошел Андрей Игнатьевич. — Вы ей всё равно сейчас не поможете ничем. А вот завтра, с утра, свежие и отдохнувшие... Давайте-давайте. Владимир, уведи дочь — пусть поспит нормально. Я за Таней пригляжу.

Отец повиновался, словно вдруг обмяк в нём внутренний стержень. Он не столько увёл Наташу домой, сколько просто шёл рядом с ней. В ту ночь Нате приснилось, что она ещё совсем маленькая, а молодые родители качают её на качелях и над чем-то смеются — счастливо и заразительно.

Через день мамы не стало.

Тогда показалось, что оба — и отец и дочь — захлопнули двери друг для друга навсегда. Они перестали молчать, но общались на малозначимые темы, больше не ссорились, но и тепла друг к другу не проявляли. Ната спрятала боль поглубже и села за учебники. В итоге, чуть не оступившись — по химии была угроза не добрать баллов на вступительном, она начала обучение в медицинском университете.

* * *

Димку Наташа приметила сразу — высокий, подтянутый, внешне весьма интересный мужчина, он всегда был элегантен, собран и остёр на язык. Да что там Ната, на него все отделение неровно дышало. Вот только был Дима уже лет восемь как женат. И растил вместе с женой двух симпатичных пацанят. Сыновья даже пару раз приезжали к нему на работу.

Именно ради этих пацанят Наталья держалась, как партизан на допросе: шаг вправо, шаг влево — расстрел. Общалась только на «вы», наедине старалась не задерживаться, хотя работали они на одном участке. Даже одеваться старалась поскромнее.

Только однажды все старания пошли прахом.

— Наташа, подождите! — Ната удивлённо обернулась. Дмитрий поравнялся с коллегой и виновато улыбнулся. — Вы меня извините, но что мы всё на «вы», да на «вы»? Уже год как вместе работаем, а даже не знакомы толком.

— Ну... повода не было... знакомиться, — хамить Ната не умела, хотя сказать в ответ хотелось: «А зачем?»

— Значит, вот он — повод, — обрадовался Дмитрий. — Я вас приглашаю посидеть где-нибудь в кафе. У меня случай сейчас... сложный. Хотелось бы обсудить — может, поможете?

Первым порывом было ответить, что она устала и собирается домой, а не в кафе. Вторым — воспоминание о том, что последний раз в кафе Ната была года два назад, и то на чьей-то свадьбе. В итоге, чтобы не мучиться, Наталья решила просто, что любые домогательства пресечь она сумеет, а людям надо иногда доверять и помогать.

Никаких домогательств так и не случилось. А был замечательный вечер, общение с умным собеседником, умеющим и насмешить и заставить задуматься.

— Дима, а чего ты категорию не повышаешь? С твоим опытом уже можно главврачом быть, — Ната поправила шарфик, прежде чем выйти из кафе, где они с коллегой просидели всё это время.

— Да времени совсем нет... и... настроения. Понимаешь, мы с женой уже давно вместе не спим... Ты только никому, ладно?

Ната кивнула.

— Что-то у нас забарахлило в семье... сломалось. Не знаю уж, когда и как это произошло, но произошло.

— Бывает, — сочувственно покачала головой Наташа. — То есть я, конечно, сама не сталкивалась, но понимаю, как это, должно быть, тяжело. А дети?

— Вот ради них и живём. Уже говорили как-то о разводе, но решили, что для пацанов наших это сильным ударом будет.

— Да-а... — протянула Ната, — сочувствую... очень... Ну... вот я и пришла.

— Ты тут живешь?

— Да, с отцом.

— А вроде большая девочка, — пошутил Дима. — Ладно, ладно, не обижайся только.

— Да я и не обижаюсь. И... спасибо... здорово посидели, — Ната вдруг поняла, что расставаться с коллегой ей ну абсолютно не хочется.

— Так не последний же раз, — подмигнул Димка.

И вот тут великая китайская стена, выстроенная Наташей, начала оползать и рушиться.

Дружеские посиделки незаметно переросли в свидания, а свидания — в тайные встречи. После нескольких неудачных романов Наташе эти отношения казались лучшими в её жизни. Дима вырывался из душной семейной обстановки, Ната таилась от отца, правда, скорее по привычке, чем из страха — по крайней мере так она думала сама. Но в итоге он все-таки узнал, что за кавалер завёлся у его дочери.

В очередной раз вернувшись домой под утро — благо отпуск позволял не думать о работе, — Наташа застала в прихожей отца.

— С женатым мужиком крутишь? — в его голосе снова прорезались знакомые металлические нотки, а подслеповатые уже глаза неприятно прищурились.

Холодный липкий страх пробежал тысячей мурашек по коже, как давным-давно в детстве, но тут Ната вспомнила, что она уже давно выросла. И бояться папу просто смешно.

— Кручу с кем хочу, — бросила она в ответ.

— Дура. О себе не думаешь, так хоть седины мои не позорь!

— Я никого не позорю, — копируя отцовские интонации, произнесла Ната. Она попыталась было уйти к себе в комнату, но отец загородил ей дорогу.

— Ты завтра ему скажешь, что вы больше не будете встречаться, поняла?

— Мне двадцать семь лет. А ты мне пытаешься указывать? У меня своя жизнь, не лезь в неё. Потому что, если ты попробуешь мне помешать, ты мне больше не отец, ясно? — Наталья разъярялась всё больше и больше. — Ты и маму до ручки довёл своими указаниями!

И вот тут — впервые за всю её жизнь — отец ударил. Не кулаком, как обычно бьют мужчины. Он отвесил дочери пощёчину, но и этого было достаточно, чтобы, оттолкнув его, Ната убежала в комнату и заперлась.

А наутро девушка не смогла открыть дверь, запертую теперь уже снаружи.

— Пап, у меня с дверью что-то! — позвала она.

Послышались шаркающие шаги, отец остановился рядом.

— Я её запер.

— За... зачем? — растерялась Ната.

— Будет время подумать.

— О чём?!

— О том, что жизнь чужую рушишь исподтишка.

— Да нечего там рушить, — догадавшись, принялась уговаривать Наташа, — они давно уже только ради детей живут. Па-а-п, ну пусти, мне в туалет нужно.

— Посиди-посиди пока. Я тебе горшок на первое время оставил. И завтрак. На столе. А раз живут, значит, не твоё это дело — между ними лезть. Вот коли разбегутся, тогда — на здоровье.

В коридоре снова зашаркали папины тапочки. Видимо, не желая больше спорить, он ушёл на кухню. Ната оглянулась — у кровати и правда стоял ночной горшок — и где только раскопал? А на столе покоились в тарелке яичница и пара бутербродов, рядом дымилась чашка кофе.

Сперва стало стыдно и неуютно — заперли, будто нашкодившего котёнка. Потом разобрала злость — что он себе позволяет?! Наташа попыталась толкнуть дверь — раз, другой. Видимо, отец заранее ко всему подготовился, потому что замок не поддавался, хотя сколько Ната себя помнила, он был довольно хлипким.

Поняв, что дверь так просто не вышибить, Наташа метнулась к стулу — там она иногда бросала свою сумочку с сотовым. Но то ли она сама вчера забыла ее в коридоре, то ли и об этом позаботился отец — на стуле было пусто. Высунуться и крикнуть в форточку? Что? Кому? Ну, приведёт кто-нибудь милицию — так ведь позора не оберёшься. Нет уж — отец же взрослый человек, должен понять.

Интернет! Нетбук у Наты всегда оставался дома, когда она не работала. Ликуя, Наташа достала из ящика стола миниатюрный компьютер и принялась рыться в поисках модема, которого, как оказалось, тоже не было. Кабельный интернет она не проводила, считая более удобным мобильный, а Wi-Fi в их доме отродясь не водилось, о чём Ната теперь горько сожалела.

В туалет отец её всё же выпускал, но под конвоем, запирая снаружи, пока не принесёт в комнату поесть.

Сидя за дверью в своей комнате, Наташа слышала звонки — её сотовый отец, видимо, сразу отключил, а по домашнему отвечал одно и то же — уехала в Египет. Отдыхать. Только однажды — видимо, когда позвонила Катя, — пробурчал, что она под домашним арестом, а сотовый её сломался. Рассказать, где Ната и что с ней, Димке никто не мог — Катя сейчас работала в Москве, а больше никто не подозревал, куда могла запропаститься врач с неудавшейся личной жизнью. На работе ждали не раньше, чем через две недели. И эта невозможность поговорить с любимым мучила Наташу сильнее, чем безделье. Пару раз мелькала даже мысль сделать вид, что она собирается выпрыгнуть из окна, но устраивать сцен не хотелось — хотелось тихо выть и что-нибудь ломать.

На третий день её заточения кто-то позвонил в дверь. Сердце подпрыгнуло к горлу — Димка! Нашёл! Но оказалось, что зашла соседка — то ли попросить соли, то ли просто сплетнями с отцом поделиться.

Наташа глянула в большое зеркало на стене. «И в кого же ты превратилась? На чучело уже похожа!»

— Пааааап! Папа! — позвала она. — Мне в ванную нужно. Выпусти.

За дверью снова зашаркали знакомые шаги.

— Не передумала?

— Что? А... нет. Я люблю его, понимаешь? Жить без него не могу...

— Можешь, — отрезал отец. — В ванную выйдешь минут через пять.

Какое-то отупение навалилось на Наташу. Ей вдруг стало всё равно — выйдет она из этой квартиры или нет. В сердце всё ещё вонзались иглы, когда она думала о Диме, но уже не так сильно, словно сквозь вату.

Так прошла неделя. И наконец отец отпер дверь, просто оставив её нараспашку.

— И что? Это всё? Просто так? — удивилась Ната. — А я-то думала, ты меня тут до Судного дня продержишь. И ещё — я ведь не передумала, пап...

— Ты — нет, он — да, — спокойно ответил из кухни отец.

— Н... не верю...

— А ты сама у него спроси.

Наташа ничего не ответила, только быстро собралась и нашла свой мобильный в комнате, включила — восемь звонков от Димы, пара-тройка от подруг, и два от Кати. А ещё одна смс: «Нат, где ты? Что случилось? Что за глупая игра в молчанку?»

Сразу отлегло от сердца — никогда от неё Димка не откажется. Вот сейчас она всё ему объяснит, и они вместе посмеются. А потом... потом он обязательно что-нибудь придумает, чтобы отец её больше не запер.

Окрылённая, Наташа накинула ветровку и выбежала на улицу. Быстро подсчитала в уме, что сегодня как раз Димкино дежурство, и полетела в больницу. Ната не ошиблась — Дима сидел в ординаторской, заполняя чью-то историю болезни. Из-за дальнего «кофейного» стола поднялась Мария Николаевна.

— Наталья, ты чего пришла-то? Не отдыхается?

— По вам вот соскучилась, — отшутилась Ната. — Мне с Дмитрием Сергеевичем поговорить надо. Я тут вспомнила, что кое-что недозаполнила...

— Ну, поговори, поговори, — Мария Николаевна, конечно, ни словечку не поверила, но из ординаторской вышла.

— Привет, Наташ, тебе отец передал? — Дима поднял глаза от бумаг — чужие серо-зелёные глаза.

— Что передал? — Наташа ещё не понимала, но уже чувствовала, что всё идет кувырком.

— Я звонил тебе, не дозвонился. В итоге передал сообщение ему... Видимо, он решил тебя не расстраивать. В общем... я уезжаю. Вернее, мы с женой и детьми. Понимаешь, Нат, я понял, что не могу без них. Сперва метался, страдал, думал, что надоел... телефон-то у тебя был отключен. А потом вдруг понял, что они — рядом и никуда не исчезнут и будут всегда со мной.

«И я буду!» — хотелось кричать Наташе, но гордость требовала: «Молчи!»

— Ты... ты только не обижайся, ладно. Я вот пережил, и ты переживёшь.

Сил сдерживаться больше не было, и Ната, закусив губу, чтобы не расплакаться, выбежала из кабинета.

«Ненавижу! — билось в висках, пока Наталья бежала по залитой солнцем улице, смахивая слёзы. — Всю жизнь мне поломал! Сволочь! Не прощу, никогда не прощу!»

Потом она вдруг остановилась — пришла холодная отчётливая уверенность, что надо съехать на съёмную квартиру. Странно, что она раньше до этого не додумалась.

* * *

Тревожный звонок раздался в неожиданно поздний час. Наташа, дремавшая перед телевизором, встрепенулась, не сразу сообразив, что и где звонит.

— Наточка, — голос соседки срывался на визгливые нотки, — Наточка, папу твоего, Владимира Анатольича, увезли в больницу.

— Что? Когда? — Ната постепенно приходила в себя, но мысли всё ещё путались на пороге между явью и сном. — Что с ним?

— Инфаркт. Наточка, я тут за квартирой пока пригляжу, а ты поезжай.

— С-спасибо...

Наташа медленно опустила трубку, всё ещё пытаясь осмыслить ситуацию. Несгибаемый деспотичный отец, с которым она не общалась вот уже полгода, сейчас в больнице... с инфарктом.

Всё ещё словно в тумане, Ната натянула пальто, сапоги, вызвала такси и только потом сообразила, что придётся подождать. Впрочем, на счастье, такси подъехало довольно быстро, и в больнице Наталья была уже через пятнадцать минут.

Отец, осунувшийся и будто бы ставший вдруг меньше, лежал на больничной койке. Врач предупредил Нату, что волновать его сейчас нельзя, хотя кризис миновал. Впрочем, это она и сама знала.

— Ната, — почти одними губами позвал отец.

— Да, пап, — Наташа присела рядом на больничный табурет.

— Я... тогда покормить тебя хотел...

— Когда? — не поняла Ната. — Ты не волнуйся, всё будет хорошо. Я с врачом говорила — прогнозы благоприятные...

— Когда маму... в больницу... — отец не договорил, прикрыл глаза.

И тут Нату словно по сердцу острым резанули. Отец о ней, дуре, заботился! А она тогда на него наорала. Да и потом... Сколько же несправедливых упреков ему пришлось выслушать от родной дочери.

— Па-ап, — на глаза навернулись слёзы, — папочка, я с тобой. Всё будет хорошо.

Сухие потрескавшиеся губы больного растянулись в улыбке. И впервые за много лет Наташа почувствовала себя так, словно что-то тяжёлое скинули с её плеч. Что-то, что раньше мешало жить и даже дышать. И сразу всё встало на свои места — ей надо было помочь единственному близкому человеку. Теперь она позаботится об отце, как он раньше заботился о ней.

...Наташа вышла, а я задумался о «синдроме попутчика». Вот она выговорилась перед незнакомым человеком, и ей стало легче. А перед кем могу выговориться я? Что я могу рассказать случайному пассажиру? Что я знаю о себе, кроме романа с Катей и её бегства?

Значит, остаётся только ждать встречи с Катей. Встречи, которая расставит все точки...

АРХЕОЛОГ, ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА

Константин Кудряшов

* * *

Рюкзак был похож на вареник, куда щедрая хохлушка положила слишком много комковатого творога, так что теперь весь он вспучивался небольшими грыжами, грозящими прорвать ветхий выгоревший брезент. С такими произведениями заплечного искусства вдоль трассы, даже такой забубённой, как эта, может идти разве что какой-нибудь бодрящийся дедок, обутый в резиновые галоши поверх длинных самовязаных шерстяных носков, в которые заправлены спортивные порты с лампасами. А сам рюкзак, называемый более подходящим в данном случае словом «сидор», ерзает и скачет, потому что внутри чаще всего сидит сеголетошний поросенок, которого дедок либо честно купил, либо злодейски похитил. Второе вернее.

Однако рюкзак, брошенный в проросшую чернобыльником пыль обочины, вёл себя спокойно, не ерзал и не скакал. И прилагался к нему вовсе не дедок, смолящий вырвиглазную козью ножку, а длинный и тощий джентльмен в рваных узких джинсах, стильных очках наперекосяк и с рыжей всклокоченной бородой, по которой можно было определить, чем её владелец питался последние дня три. Очевидно, быстрорастворимой лапшой с ароматизатором, идентичным паре ударов в печень.

На чёрной футболке джентльмена выделялись белёсые подмышки, а также была изображена жуткого вида окровавленная саблезубая харя со щербатым кинжалом, зажатым аккурат промеж кариеса. Каким образом это чудо умудрилось оказаться в благословенных чувашских краях, где и за меньшие прегрешения против туземных обычаев можно спокойно выхватить в грызло или, говоря по-здешнему, «в гычу», интриговало. И побуждало как минимум сбросить

скорость. К тому же голосовал джентльмен, не помахивая вялой ластой, как принято в наших широтах, а уверенно отклячив большой палец, будто стоял в заокеанской прерии и держал путь в какую-нибудь Оклахому. Короче, судьба автостопщика на ближайшие несколько сот километров была решена.

— Иван меня зовут, — представился джентльмен, упихав свой страдающий грыжами сидор на заднее сиденье. — Спасибо, что остановились, а то все едут и едут, мимо и мимо, а некоторые даже пальцем у виска крутят, придурки... Что? Да нет, не бойтесь, все законно, у меня даже командировочное удостоверение есть. В мешке? Да какие там бомбы с наркотиками, вы что? Так, всякое... А, бутерброды у вас... Нет, спасибо. А, впрочем, дайте один. О! Божественная колбаса! Да ладно вам, генетически модифицированная, подумаешь! В нашей экспедиции такую колбасу с боем взяли бы, если хотите знать! Потому что жрать нечего, вот почему. Какая экспедиция? Известно какая, археологическая, копаем здесь, богатое городище, могильничек тоже вот есть... А чего сразу золото? Почему как только археологи, так сразу золото? Всё равно как те деревенские, где мы копаем. Тоже мне золото, ага. Так бы я его и повёз в мешке по трассе! Мы каменный век копаем, какое уж там золото. Хотя клад — да, нашли. А в мешке, если хотите знать, никакое не золото, а самое настоящее говно... Ну, чего тут смешного? Это же для науки! Не, лучше я всё по порядку...

* * *

Жрать в экспедиции и вправду было почти совсем нечего. Кто тому виной — бог весть.

Может быть, недостаточное финансирование, позволившее закупить для питания личного состава только слежавшийся рис, унылую заплесневевшую перловку и просроченную тушёнку.

Может быть, главный начальник экспедиции археолог Сидоров, который, ограничившись строгим: «Ну, вы здесь начинайте как-нибудь, и чтобы результаты были, а то я вам устрою!» — умотал на своем «уазике» в очередную разведку.

А, быть может, и сам Иван, которому впервые в жизни доверили два десятка первокурсных рыл, озабоченных только тем, чтобы предать анафеме призрачную власть аспиранта Ивана. А потом купить у местной деревенской дуры бабы Зины свирепый картошечный самогон, налопаться, орать у костра песни про восьмиклассницу и солнышко лесное и совершенно не думать о полевой археологии каменного века.

Иван, будучи человеком с высшим образованием, рассудил, что бесконтрольное нажиралово личного состава свирепым картошечным самогоном ставит научную работу под угрозу. И потому, явившись к местному дилеру, то есть к деревенской дуре бабе Зине, поставил два условия.

Первое.

Отпускать свирепый картошечный самогон только аспиранту Ивану и уж никак не первокурсным рылам.

Второе.

Назначить рыночный курс из расчета две банки просроченной тушёнки за поллитровку свирепого картошечного самогона.

А уж распределять ценный алкогольный продукт среди работников экспедиции он, Иван, будет самостоятельно, сообразуясь с научными потребностями.

Таким образом, меры для полноценной научной работы по раскопкам были приняты.

И результаты не замедлили сказаться.

Первым результатом стала хозяйственная тётя Нюра, которая, подоив свою корову на полднях, возвращалась с полным подойником парного молока.

Тётя Нюра на полном ходу сыграла в виртуозно откопанную яму размером метр на полтора и глубиною в два метра. А всё потому, что смотрела не под ноги, а на облачка, смекая, какая погода будет завтра и куда деревенский пастух — похмельный склочник дед Натолий — погонит коров. Ну, и ещё потому, что злые и трезвые первокурсники, посланные аспирантом Иваном выкопать полевой туалет, избрали для рытья ямы нахоженную местными тропинку. Дескать, хорошая дорожка, даже спьяну и в темноте не промахнёшься, так чего же мучиться?

Тётя Нюра, вылезши из ямы и вернувшись в деревню, устроила кордебалет. Показывала смятый подойник. Демонстрировала фингал под левым глазом и впечатляющее владение русским матерным языком. А также сильно перепачканные скверной субстанцией байковые шаровары. От шаровар при этом несло, как от ассенизационного обоза. Надо полагать, что первокурсники не только отрыли туалетную яму, но и устроили её презентацию, пригласив всех заинтересованных лиц испытать бытовые удобства.

Этот результат был так себе. Насчёт скверной субстанции похмельный склочник дед Натолий высказался, что, мол, сама Нюрка хороша, да и мало ли чего с женщиной приключиться может, особенно ежели она сильно напугается. Фингал тоже был подвергнут обструкции, поскольку все деревенские знали,

что третьего дня в доме тёти Нюры состоялся светский раут. А многие даже слышали, как тётя Нюра во время светского раута вроде бы адресовала своему сожителю, механизатору Витальке, следующую речь: «Ой, миленькай, только не по голове!»

В качестве причины для народных волнений оставался только помятый подойник, но его никто даже и не принимал во внимание.

Тем не менее деревенские начали утверждаться во мнении, что с этими археологами дело нечисто и хорошего от них не жди. Особенно утвердился похмельный склочник дед Натолий.

Он явился на раскоп, когда аспирант Иван скреб затылок, интеллигентно матерился вполголоса и пытался понять, за что ему такое наказание — хорошо сохранившиеся погребения каменного века. Прекрасные скелеты, лежащие на боку в позе эмбриона, присыпанные красной охрой и в количестве девяти штук. Потому что с этими скелетами сплошная морока — чистить, мерить, клеить, упаковывать, и не дай бог поломаешь им хоть один мизинец — главный начальник археолог Сидоров обязательно будет орать и называть аспиранта Ивана кретином и позором Института археологии. А если увидят местные, то начнётся светопреставление. Потому что местным очень трудно доказать, что этот скелет не принадлежит их раскулаченному прадедушке, которого именно здесь расстрелял и прикопал кровавый Сталин.

— Бог в помощь! — раздалось из-за отвала раскопа. Похмельный склочник дед Натолий пошуровал клюкой, шагнул, ещё шагнул и остановился как вкопанный, уставившись на девять мёртвых приятелей родом из каменного века.

— А! Здорово, дед! — Иван пожал руку похмельного склочника. — Ну, как там все?

— Да чтоб их в медном тазу с долотом и зубилом! Нормально вроде. Только Нюрка, слышь, расстроилась. Зачем, говорит, эти архи олухи приперлись? Жили и жили без них... Ну, без вас то есть. А то, говорит, перекопают всё, а зачем, говорит, непонятно. Не, паря, ты эту дуру не слушай. Баба она и есть баба, а вот только... Народ, говорю, волнуется. Вы вот вроде как для науки приехали, а зачем мёртвых тревожить? Оно, конечно, нам вроде как всё равно, а вот и не всё равно. Потому как может это наше народное достояние. Вон и старики рассказывали, что здесь у нас генералы всякие схоронены, и есть которые даже с золотыми крестами. Оно и ладно, и лежали бы себе. А вот ты явился и их мёртвые кости, героические, понимаешь ли, тревожишь, а кресты золотые складёшь в мешок,

и привет, а? Или ещё что собрались с мёртвыми костями сделать? Ты рожу-то не криви. Нешто мы не понимаем, зачем мёртвые кости всяким-разным нужны? Телевизор-то, между прочим, у нас в деревне, считай, в каждом доме, у всех тарелки стоят! Видели, небось, зачем мёртвые кости нужны. Для нау-у-уки, ишь ты! А если для науки, зачем тогда крестик не носишь?

Поняв, что просто так, без внятных объяснений, похмельный склочник дед Натолий не уйдет, Иван поманил его к своей палатке, откуда вынес многозначительно булькнувшую четвертную бутыль.

Бутыль была ополовинена.

Объяснения были выслушаны.

В результате по деревне поползли слухи, что приехавшие археологи, судя по всему, являются несомненными жидами-масонами и христопродавцами. А мёртвые кости нужны им для совершения тайных полуночных обрядов, из-за которых они, собственно, и приехали. И даже ни разу не скрываются, вон, ихний старший носит на футболке окровавленную саблезубую харю со щербатым кинжалом, зажатым аккурат между кариеса. И теперь они только дожидаются ближайшего полнолуния, чтобы совершить акт богомерзкого кровопийства, как это было неоднократно показано по тарелочному телевидению. А уж если по телевидению показали, то всё правда.

Однако антиалкогольные меры, принятые Иваном, дали ещё и побочный результат. Местный дилер, сварливая дура баба Зина, в течение двух недель исправно отпускала самогон только в обмен на просроченную тушёнку. И это было хорошо. Но, как говорят пессимисты, все хорошее когда-нибудь кончается.

Кончается, в посрамление пессимистам, и плохое. Например, эта самая просроченная тушенка.

Сварливая дура баба Зина придерживалась не столько духа соглашения, сколько буквы, а потому наотрез отказалась отпускать свирепый картошечный самогон, не получая тушёнки. То есть в обмен на обещания «заплатить когда-нибудь потом».

Личный состав экспедиции в течение этих двух недель питался лежалым рисом и заплесневевшей перловкой, осуществляя довольно широкий фронт землеройных работ. К исходу двухнедельного срока выяснилось, что резервы человеческого организма имеют предел. Иван это понял, когда сразу несколько человек не явились на перловочный обед в лагерь, а отправились к реке.

— Помоги, господи, жрать же хочется! — услышал Иван с косогора. Подойдя поближе, он увидел, как его подчинённые выволакивают из бочажка самопальную сеть и, нимало не смущаясь, с помощью перочинных ножей разделывают тощих плотвичек и пожирают их прямо свежими, не сходя с места. Даже не присаливая, но зато подмигивая друг другу и растягивая в плотоядной улыбке окровавленные губы. Содрогнувшись, Иван принял решение.

— Надо сделать перерыв, — внушал себе Иван. — Если они не жрут, они не могут работать. А если они не будут работать, они станут бездельничать. А безделье — первый шаг к бунту. А бунт — это значит хана всей научной работе. Значит, что? Значит, их надо подпоить. Немножко, только чтобы отвлеклись от факта, что жрать нечего... В конце концов о таких штуках нам говорит вся историческая наука... Да! Народ надо отвлечь!

Запасы свирепого картошечного самогона были открыты.

Потом выпиты.

Потом усвоены.

На следующий день по окрестным деревням поползли слухи, подтверждающие, что археологи-таки докопались до нечистой силы. В некоторые деревенские окна происходил внезапный ночной стук. У похмельного склочника деда Натолия переполошили кур в курятнике. Сначала грешили на хорька, но потом доподлинно установили, что хорьку нипочем не накласть такую кучу у порога, а, главное, незачем выдирать перья из куриных хвостов.

Тётя Нюра видела бледных зомби с горящими зелёным огнём глазами и окровавленной пастью. Зомби тащили на большом куске ткани за четыре угла что-то, похожее на труп, но толстое и слишком круглое, провисающее до земли. Следы показали, что бледные зомби с глазами, горящими зелёным огнём и окровавленной пастью, выкопали у нее на огороде две грядки молодого картофеля.

А в заброшенной церкви многие наблюдали мельтешение потусторонних огоньков и гнусавые голоса, тянувшие что-то заунывное на нечеловеческом языке. Дед Натолий, которого уже успели признать экспертом по нечистой силе, уверял, что там творили чёрное сатанинское богослужение, и не было никаких оснований, чтобы ему не верить.

Короче говоря, тучи народного гнева вполне оформились и нашли себе подходящую жертву. Лишь один Иван об этом не подозревал. У него в голове было две мысли.

Первая.

Жрать нечего.

Вторая.

Работа на раскопе стоит. Скелеты лежат. А ведь скоро припрется главный начальник археолог Сидоров с миллионом научных идей о том, как жили люди в каменном веке, и хорошо бы их способ жизни опробовать прямо сейчас.

На следующее утро так оно всё и вышло. Как по писаному. Жрать было попрежнему нечего. Приехал археолог Сидоров. С идеей, за которую в обществе, более приличном, чем научная экспедиция, моментально сажают в чумовоз и отвозят в самый строгий дурдом.

* * *

Главный начальник археолог Сидоров принес в лагерь экспедиции мёртвую свиную голову.

— Вот, — сказал археолог Сидоров на общем собрании. — Вот мёртвая свиная голова. Есть гипотеза, что люди в каменном веке умели долго хранить продукты в ямах. Поэтому я решил поставить эксперимент. Значит, ты и ты идёте за крапивой. Ты наточи мне лопату. А я заверну эту мёртвую свиную голову в крапиву и зарою в какой-нибудь секретной яме. Потому что знаю я вас, паразитов, вы эту мёртвую свиную голову выроете и сожрёте до срока. Или отнесёте сварливой деревенской дуре бабе Зине, которая вам даст за эту мёртвую свиную голову восемь бутылок свирепого картошечного самогона. А вы и рады. Вам бы только нализаться, залезть в заброшенную церковь, орать песни, проверять, пошто студенткам сиськи, и не думать про полевую археологию, а ещё люди с высшим образованием. Нет, ну что за поколение, ни одной мысли в глазах, сплошной педикулез. Значит, так. И чтобы сей же секунд отправились на раскоп. Особенно это касается моего заместителя — младшего научного сотрудника аспиранта Ивана. Вот, полюбуйтесь, человек с высшим образованием, так сказать, молодой учёный, а такой кретин. Вы, Иван, вообще, извините, позор всего Института археологии Российской академии наук. Значит, сколько времени уже ковыряетесь, а результаты? Это куда вообще? Вы каменным веком занимаетесь или что? Крапиву принесли мне тут? Всё, Иван. Хватит курить. Берите нивелир, лотки, лопаты, ножи и марш-марш, чтоб я вас в лагере не видел, а третий пласт снять до конца и всё аккуратно зачистить, сфотографировать, зарисовать и нанести на чертёж. И со скелетами — смотрите у меня. Сами знаете, что народ из-за них

волнуется, так что не тяните. А, значит, кто снова пойдёт в деревню клянчить у сварливой дуры бабы Зины картошечного самогона, того я собственноручно к растакой-то матери и без зарплаты! Так... Василий! Подгоняй наш «уазик». Я снова отправляюсь в археологическую разведку. За меня, как всегда, остаётся мой заместитель Иван. Он, между прочим, человек с высшим образованием, так что извольте его слушаться. Приеду — проверю.

* * *

Поначалу все грешили на студенческие мужские носки. Известно ведь, что некоторые будущие археологи за гигиеной особо не следят. Даже простая вода им нужна, как правило, лишь для того, чтобы хоть кое-как залить горящие трубы, а весь их утренний туалет сводится к медитативному почесыванию щетины и ковырянию в носу. Носки же чаще всего доводятся до такой степени, что человек, лишенный обоняния, мог бы точить ими лопаты.

В отсутствие начальника Сидорова его заместитель Иван принял радикальное решение.

— Все мужское население лагеря стирает и сдает носки! И ходит босячиной! Благо погода позволяет...

Поворчав, носки постирали и сдали. Смрад в лагере не уменьшился. Одна экзальтированная барышня на вечерних посиделках выдвинула мысль, что это кармическое наказание за то, что археологи суть гробокопатели. А потому обречены вечно вдыхать запах разложения плоти. За что и была выругана Иваном. Мелькали слова «дура», «сам дурак», «блин, угораздило же взять баб в экспедицию», снова «сам дурак», но слова «оставлю без зачёта по практике» поставили всё на свои места.

Иван, будучи человеком с высшим образованием, подошёл к проблеме с позиций рационализма. Ход его рассуждений напоминал логические построения другого известного мыслителя — Винни-Пуха.

— Если воняет в лагере, значит, это в лагере. А если это воняет в лагере, значит, надо как следует все обнюхать...

Подождав, пока все сотрудники уйдут на раскоп, он принялся наворачивать вокруг лагеря правильные круги, через каждые пять шагов припадая на четвереньки и принюхиваясь.

За ним с безопасного расстояния наблюдал его давний недруг из местных, похмельный склочник дед Натолий. Чуяло его сердце, что с этими городскими

учеными всё не по-людски, чуяло! И вот вам, пожалуйста, ходит этот скаженный Иван кругами и кладёт земные поклоны. Нешто так нормальные люди делают? Не-е-ет. Здесь дело нечисто. Ишь как выкаблучивает, будто требы нечистому кладёт! Точно! Вот ей-тебе крест на пузе!

Вечно похмельный дед Натолий поддернул синтетические порты с надписью «Abibas» и, скрываясь в разнотравье, побежал, ковыляя, в деревню поднимать народ против «диавольских козней». Впрочем, особо стараться ему было уже и не нужно. Напуганный непонятными явлениями народ был уже вполне готов к тому, что Пушкин называл «бессмысленным и беспощадным». Во главе народа стояла хозяйственная тётя Нюра, больше всех потерпевшая от археологов, которые навели на деревню нечистую силу, а лично у Нюры скрали две грядки картофеля и замарали байковые шаровары.

* * *

— Черти бы взяли эту бородатую сволочь, — бормотал Иван, продолжая нарезать по лагерю сужающиеся круги и обнюхивать почву. — Неймётся ему с этой, блин, экспериментальной археологией... Ладно бы хоть как в прошлом году, когда проверял гипотезу, что в каменном веке люди не строили жилищ, а ночевали исключительно на деревьях. Говорил же ему, что до добра это не доведёт... Нет, ему ради науки обязательно надо какое-нибудь кровопролитие совершить. Ну, хорошо. Забрался на ветлу. Храпел там полночи, видел сны, как ему за этот идиотизм Нобелевку вручают. А потом всё-таки навернулся и сыграл башкой об корневище. И что доказал? Только что лыковая верёвка в качестве страховки — полный отстой, и что если доктор наук идиот, то ничем этот идиотизм не вышибешь, хоть три раза бейся башкой об корневище. Ну, и бился бы сам по себе, никого не впутывал. А сейчас со своей мёртвой свиной головой, натурально всем свинью подложил. Хоть беги из лагеря, до того падалью прет невыносимо... Где только он её закопал, в каком, блин, «секретном месте»? Неужели... Да нет, это было бы совсем уже за гранью добра и зла... А с другой стороны, сам Сидоров тоже за гранью добра и зла, так что почему бы и нет?

Сильнее всего смердело именно около палатки Сидорова. А когда Иван осторожно приподнял прорезиненное брезентовое днище, на него накатила такая волна зловония, что он попятился, рухнул задницей в пыль и ошалело замотал головой.

На него снизошло озарение. Стало ясно, что Сидоров, будучи человеком не только с высшим образованием, но и с докторской степенью, последовал

советам античных мудрецов — если хочешь надежно скрыть что-нибудь ценное, прячь это на самом виду. И спокойненько прикопал мёртвую свиную голову прямо под своей палаткой. Кстати, судя по аромату, глубокую яму учёный рыть поленился, видимо, надеясь на авось.

— Значит так, — рассуждал Иван, отбежав к наветренной стороне и отдышавшись. — Надо подождать, пока мои паразиты, во-первых, вернутся с раскопа. Во-вторых, налижутся свирепого картошечного самогона и разбредутся по интересам. То есть ловить и жрать тощих плотвичек, мародерничать по деревенским огородам и орать песни в заброшенной церкви. Потому что если при них достать из-под палатки Сидорова мёртвую свиную голову, то экспедицию можно смело закрывать — идиотика терпеть ещё можно, а такого отпетого шизофреника — вряд ли. Да, лучше если в темноте и когда никого в лагере не будет, точняк. Как вот только эту свиную дрянь унести — не в руках же... Может, на кол насадить? А что, нормалевич... Главное, нос себе чем-нибудь заткнуть... Ваты нет, ну так хоть туалетной бумагой, а то вонищи будет — мама дорогая...

Да, в логике Ивану отказать было нельзя — вот что значит человек с высшим образованием.

* * *

— Ты, Нюрк, не мельтешись раньше времени, — говорил горячим сивушным шёпотом похмельный склочник дед Натолий, придерживая свою собеседницу за рукав. — Подумаешь, две грядки картошки, эка корысть. Здесь дело серьёзное, понимать надо. Здесь секта, чуешь? Раскопки-хренопки, это всё прикрытие, я по телеку такое видал. Там тоже показывали, что этак вот крутились около одной деревни, копали скелеты, а потом — бац! Корова телёночка родила с человечьей головой, а тот, как родился, так всех проклял и по-чёрному, и по матушке, и привет! Лежит вся деревня, кто где был, как есть застывшие, глаза открытые, а сами уж почернеть успели... Ты вот что давай сделаем. Ты беги сейчас к Палычу, ну то есть к менту Синдяпкину, чтоб если что, то всё по закону было бы. А как стемнеет, мы с тобой пойдём посмотрим, чего они там у себя затевают. Потому что мало ли что...

* * *

Из-за леса лезла здоровенная луна, отливающая красным. С реки поднимался сизый колдовской туман, скрадывающий очертания палаток, которые сейчас и впрямь казались оплотом злых шаманов в кочевье неведомого народа. На высокое разнотравье выпала прохладная роса, так что похмельный склочник

дед Натолий вполголоса клял свой ревматизм, чертовых сектантов, которые как-то слишком тихо себя ведут, не иначе что-то затевают, а также демократов и олигархов, которые довели страну до ручки. Доставалось и тёте Нюре, которая в свою очередь костерила болвана Натолия, что спьяну выдумал какую-то чертовщину, да ещё и её с собой потащил на ночь глядя, и неизвестно что после этого про неё, честную женщину, в деревне подумают, позора не оберёшься...

— Стой! Тихо, дура! Чуешь? — дед Натолий пихнул свою подельницу локтем в бок. — Я ж тебе говорил, что они только полнолуния ждут! А ты не верила, эх, бабы-бабы... Во! Во! Видала?

Из-за среза холма медленно и размеренно приближалась фигура в балахоне, несущая в руках шест с насаженной на него чудовищной неведомой остроухой башкой. Башка казалась зеленоватой и слегка фосфоресцировала. Фосфоресцировал и балахон — аккурат по его центру вырисовывалась страшная оскаленная харя. Приречный ветерок донёс до сидящих в засаде гнусавое пение вполголоса и сладковатый, но весьма сильный запах тления. Последним, что успел разглядеть похмельный склочник дед Натолий перед тем, как обернуть тыл и догонять визжащую тётю Нюру, были два окровавленных отростка на лице фигуры. Они напоминали то ли клыки, то ли бивни молодого слона. Спустя три секунды спасающийся бегством дед Натолий думал только о том, что худа без добра не бывает. Прохладная роса, покрывшая высокое разнотравье, сослужила свою службу — прикрыла следы позора на дедовых синтетических портках.

* * *

— Блин, неймётся всё-таки моим паразитам, — рассуждал Иван, поднявшийся на вершину холма и успевший заметить, как по высокому росистому разнотравью в направлении деревни улепетывают двое, — тоже нашли, где пристроиться, шерочка с машерочкой... Нет, я всё понимаю, любовь там, морковь всякая, да и лунные ночи тоже упускать грешно, но не на косогоре же! Ладно... Дальше вроде можно и не идти. Сидоров, хоть и доктор наук, а ленивый, и сюда за своей мёртвой свиной головой не попрётся. Так что можно её здесь где-нибудь и прикопать...

Иван подальше отбросил черенок от лопаты с насаженной на него свиной тухлятиной и принялся выковыривать из носа самопальные фильтры, сделанные из длинных жгутов туалетной бумаги. Видимо, бумага была не самого лучшего качества, поскольку рассадила слизистую до крови.

Лопата была остро отточена, так что могилу для мёртвой свиной головы Иван выкопал довольно быстро, развлекая себя экспедиционным гимном вполголоса, сложенным в честь археологической разведочной машины, на которой ему пришлось исколесить не одну сотню километров в поисках следов людей каменного века. Правда, из-за расковырянного носа гимн получался несколько гнусаво:

Эту скорость нельзя толковать свысока,
Не измерить её километрами в час.
Её могут развить лишь одни облака,
Лишь одни облака и машина УАЗ...[1]

* * *

— Спокойно, товарищи, спокойно, разберёмся, — местный участковый Синдяпкин, освещённый наскоро сложенным костром, поправил фуражку. — Значит, вы, гражданин начальник экспедиции, утверждаете, что ваши подчинённые не принадлежат ни к какой тоталитарной секте, так? А вот эти люди, — тут он махнул рукой в сторону пары десятков своих односельчан, — свидетельствуют, что сами видели, как примерно час назад как минимум один работник экспедиции совершал сатанинский обряд. И как вы объясните тот факт, что налицо надругательство над человеческими останками? Вы же обещали, что найденные вами скелеты в количестве девяти штук будут в течение двух-трех дней обработаны и увезены для дальнейших исследований. А на деле выходит, что они у вас находятся в открытом состоянии уже две недели. И ваши подчинённые рядом с этими покойниками спокойно выпивают, закусывают и вообще, извиняюсь, конечно, предаются разврату. Это вот как прикажете понимать?

Археолог Сидоров понимать отказывался. Час назад он вернулся из разведки, ожидая застать мирно спящий лагерь, собирался потихоньку проверить, на месте ли мёртвая свиная голова и завалиться спать, чтобы с утра поднять своих паразитов и погнать их на работу. Вместо этого он обнаружил себя в эпицентре народного гнева и теперь мысленно прощался с открытым листом, дающим право на проведение раскопок, а также с недавно вставленными зубными протезами. Впрочем, кое-какие мысли у него имелись. Так, на определённые подозрения наводило катастрофическое отсутствие его заместителя Ивана среди

[1] Автором гимна археологов-разведчиков о машине УАЗ является сотрудник Волго-Окской археологической экспедиции Иван Купцов. Он же и послужил прототипом главного героя рассказа.

личного состава экспедиции, который сгрудился по другую сторону костра, сжимая в руках шанцевый инструмент.

* * *

— Ну вот и славно, трам-пам-пам, — заключил Иван, положив последний кусок дерна на могилу мёртвой свиной головы. — Теперь хрен кто догадается, что эта дрянь здесь. Ювелирная работа! Эх, сам себя не похвалишь, так никто ведь не похвалит... Ну что, теперь и покурить не грех, на бережку-то да под луною, а?

Весил тощий Иван немного, может быть, килограммов шестьдесят. Однако козырьку речного косогора, на который присел аспирант, хватило и этого. Сигарета полетела в одну сторону, зажигалка — в другую, а сам младший научный сотрудник — в третью, согласно закону всемирного тяготения. Сверху на него спланировало где-то с полтора кубометра супеси, которая неожиданно больно ударила Ивана по темечку. Хоть и травмированный, Иван все-таки оставался человеком с высшим образованием и сумел сообразить, что супесь так здорово лупить просто физически не может. И, наскоро продрав глаза, принялся шарить вокруг себя по рухнувшей земле, которая многозначительно приняла форму могилы. Через пару секунд он сильно раскровенил себе руку о какое-то лезвие.

— Ах ты, ёлы-палы... Быть не может... — Иван, дрожа от нетерпения, стряхивал последние песчинки с большого каменного ножа, целиком выточенного из полупрозрачного зелёного нефрита. — Ну вы, блин, даёте... Ну вы, блин... Да, Вань, это тебе не свиная башка и не паршивые скелеты! Пусть Сидоров теперь обзавидуется! Таких ножей всего четыре было, а у меня — пятый! И ещё киноварь целым комком, и ещё наконечники копий, да тоже шлифованные. Мама дорогая, это же клад! Клад каменного века, чтоб меня... Это ж редкость какая — нефритовый нож и копья... Это значит, что пути миграции племен каменного века шли не оттуда сюда, а наоборот, отсюда — туда! Это, блин, Нобелевка! Ну, может, не Нобелевка, но точно не на деревьях спать, как придурок Сидоров! Да провались он к собачьим чертям! Вот только сейчас надо побыстрее домой и ментов поднять, чтоб клад зафиксировали...

Иван, приплясывая и не обращая внимания на кровь, залившую его правую руку чуть не по локоть, сгреб клад каменного века в охапку, схватил драгоценный нож и помчался в лагерь, горланя что-то торжествующее и радостное.

* * *

Когда со стороны реки раздался хриплый вой, в котором было мало что человеческого, местный участковый Синдяпкин уже почти закончил составлять протокол о хулиганских действиях работников археологической экспедиции. Вокруг него отирался похмельный склочник дед Натолий, поминутно заглядывая через плечо и вставляя замечания по поводу того, что сектанты совсем распоясались и что он этого так не оставит.

— Ты, Палыч, вовсе зря им фулиганку шьёшь, вот ей-богу зря, — поддёрнул синтетические портки дед. — Ты сам не видел, что они вытворяют, вот и не говори. Какая им ещё фулиганка, если они с мертвяками якшаются? Господи, седьмой десяток на свете живу, а такого страха не припомню... А! Вот он! А! А-А-А-А-А!!!

Зашедшийся криком дед вздрогнул и вторично опозорил портки.

С речного косогора в расположение лагеря неслась фигура, подсвеченная со спины яркой луной. Было отчетливо видно, что правая рука фигуры окровавлена практически по локоть. И в этой самой руке был зажат длинный широкий нож самого зловещего вида. Местный участковый Синдяпкин одним из первых поставил у себя телевизионную тарелку. Кроме того, он любил смотреть научно-популярные сериалы про зомби и мертвецов. Так что Синдяпкин сразу догадался, что с такими ножами добрые люди не носятся. А носятся с ними как раз те, кто продал душу нечистому и, принося кровавые жертвы, вырезает сердце именно такими вот смертоносными орудиями. Впрочем, догадка была скорее всего лишней, поскольку инфернальная фигура издавала хриплый вой, в котором ясно различались слова: «А-а-а-д! АД! АД!»

Через секунду ночь, уже и так исполосованную мужскими криками и женским визгом, расколол грохот табельного оружия местного участкового Синдяпкина.

* * *

— Вы, Иван, чудовищный, сказочный, просто-напросто феерический кретин! — бушевал археолог Сидоров. — Вы хоть понимаете, что вы натворили? Молчать! Я вам сам объясню! Вы распустили и разложили личный состав экспедиции. Это, извините, не археологи. Это, извините, пьяное быдло! Ладно, пусть. Я в конце концов понимаю, что, так сказать, выпивка всегда сопутствует полевым работам. Но вы не вели даже работ! Почему девять скелетов ещё не обработаны?

Ах, вы хотели делать всё скрупулезно и как положено по инструкции? Похвально, похвально... А по инструкции положено прерывать эксперимент вашего непосредственного начальника? То есть мой, понимаете, мой эксперимент? Эксперимент доктора наук Сидорова? Кто дал вам право выкопать свиную голову и унести её чёрт-те куда? И при этом инсценировать какой-то шутовской сатанизм? Вы понимаете, что местные могли запросто вас линчевать, или нет? Скажите спасибо, что вам повезло найти клад... Кстати, о кладе. Можете объяснить, зачем, изъяв этот действительно ценный клад, вы неслись в расположение лагеря так, как будто вам, извините, под хвостом намазали горчицей? Что, нельзя было прийти спокойно? Ах, это вы от радости, да? И от радости же вы, надо полагать, орали как резаный. А вы понимаете, что из ваших истеричных воплей «Клад!» местный участковый Синдяпкин услышал только последние две буквы? Да вы молиться на него должны, что он со страху не открыл огонь на поражение. И ведь имел на это полное право, поскольку вы транспортировали бесценный нефритовый нож, который по факту может считаться холодным оружием, как сабельку! Вы что, решили поиграть в Гражданскую войну? В красных и белых? Сабелькой помахать? Вы вообще археолог или махновец? Уйдите с глаз долой. Вы меня заставляете сожалеть о том, что я — доктор наук Сидоров, а не местный участковый Синдяпкин, который в случае чего имеет право открыть огонь на поражение... Слышите? Вон! И не приближаться к раскопу! Как минимум две недели! А чтобы вы не прохлаждались без дела, я нашёл вам занятие. Надеюсь, вы как младший научный сотрудник справитесь с тем, чтобы отвезти пробы грунта на анализ? Да? Ну вот и чудненько. Через три часа вам предоставят рюкзак и пятьдесят проб по полкило каждая. Да, в целом — двадцать пять килограммов. И ничего не тяжело. Вы же молодой учёный, не правда ли? Значит, вам должно быть чрезвычайно интересно, как питались наши предки в каменном веке. По пробам грунта с предполагаемого отхожего места мы это и определим. Надеюсь, ответственное задание выбьет у вас из головы лишний научный энтузиазм...

* * *

«Патриот» продолжал пожирать дорогу со скоростью два километра в минуту. Иван, прервав свой рассказ, грустно чему-то улыбнулся и попросил разрешения закурить.

— Ну, так вот, — затянувшись, продолжал он. — Вот я, вот рюкзак, а ехать мне ещё долго. И, похоже, надо будет сворачивать на Чебоксары. А вам, наверное,

лучше по объездной... Что? Почему по трассе пошёл? Ну, знаете, можно было бы и на автобусе, командировочные мне выдали, денег сначала хватало... И вы туда же? Да не пропивал я их, не пропивал! Понимаете, пробы грунта — это ведь и вправду ценный материал. А Сидоров упаковал их в полиэтиленовые пакетики, тонкие такие... Вот я и подумал, что лучше купить на экспедиционные деньги пластиковые мисочки для еды, знаете, такие с крышечками, и переложить пробы туда. А мисочки оказались дорогие, и на автобус уже не хватило... О! Спасибо, что подвезли, как раз сейчас мне на Чебоксары. Ну всё! Пока! Ещё раз спасибо! И вам тоже удачи!

В зеркало заднего вида можно было разглядеть, как Иваном и его рюкзаком заинтересовался постовой, дежуривший у поворота. Он уже подходил к младшему научному сотруднику, многозначительно похлопывая себя жезлом по руке. Интересно, что он подумает, когда обнаружит в мешке энтузиаста полевой археологии пятьдесят кучек земли, аккуратно разложенной по пластиковым контейнерам для пищевых продуктов?

Уже давно простившись с Иваном, я ещё долго ловил себя на том, что меня одолевают приступы неожиданного веселья. Во дают ребята жизни! Жалко, что мне не попался такой попутчик в Иркутске, я бы его до конца пути не отпускал! И послушать приятно и поржать вместе. Везёт мне за время этой поездки на хороших людей, чего и говорить. Мне невыносимо захотелось оказаться в компании таких вот ребят, историков или геологов. Чтоб байки у костра, гитара... Впрочем, сначала я должен решить вопрос с Катей. И я доведу начатое до конца. А там — посмотрим.

Пейзаж за окнами УАЗа начал постепенно меняться. Домишки вырастали на глазах, превращаясь в такие же невзрачные серые пятиэтажки, вынужденные каждый день смотреть на суматошно спешащих куда-то людей и проносящиеся мимо машины.

С двух сторон от дороги тёмными брызгами заблестела река. Казалось, что сама атмосфера города располагает к созерцательности и неспешным размышлениям.

Поэтому, когда мой, доселе молчавший, спутник неожиданно заговорил, я даже вздрогнул от неожиданности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дарья Русинова

...Когда вспоминаю её, кажется, что не десять лет прошло, а один день. Иногда сижу один и слышу её голос, слышу, как она идёт по комнате, ищет меня. Открываю глаза, а её нет... уже убежала. Или, бывает, по улице иду, а она впереди, передо мной, как всегда, куда-то спешит, опаздывает. Сколько раз было, что обгонял, останавливал и... ошибался, конечно. Извинялся, уходил, говорил себе, что с ума схожу. Но всё равно. Каждый раз, когда вижу светлые волосы до плеч и быстро-быстро семенящую походку, хочу убедиться. А вдруг на этот раз она?

Первый раз я увидел её здесь, в Нижнем. Как сейчас помню, что только-только начиналось лето. По Волге ходили быстрые катера и мощные грузные торговые корабли. В небе хищно кричали толстые чайки, резко спускаясь к тёмной воде и так же стремительно взмывая обратно в высь. Целыми днями мы с друзьями пропадали у реки. Купались, загорали на песке и глазели на редко пролетающие в небе самолёты.

Я уже тогда хотел безудержной безграничной свободы. Стоять на корме белого корабля в белоснежной фуражке, обгонять белых чаек и держать курс на горизонт...

Я никогда не понимал, как люди добровольно выбирают тихую жизнь в одном месте. Никогда не стремился к стабильности. Мне всегда хотелось попробовать всё, при этом не привыкая ни к чему.

Я готовился к поступлению в Академию водного транспорта. На судовождение. Решил стать моряком.

* * *

Уже намного позже я узнал, что тогда ей было девятнадцать... Да, уже десять лет прошло... Так и не скажешь...

* * *

В тот день она пришла с подругами на пляж. Туда, где мы проторчали всё лето. Высокая, стройная, с пушистыми белыми волосами. Все только на неё и смотрели тогда. Она лежала на тёплом песке, жмурясь от яркого солнца, и казалась такой нереальной в этом небольшом городе.

Как будто бы она играла только ей известную роль в каком-то французском фильме, которые тогда показывали только в кинотеатрах. Я помню, как светлая чёлка падала ей на глаза, когда она читала, а она каждый раз убирала её таким плавным медленным жестом. До сих пор его вспоминаю...

Всё лето я не осмеливался к ней подойти. Каждый раз обещал себе, что на этот раз найду повод и наконец-то познакомлюсь с ней.

И прибегал, считал минуты до того, как увижу её, а когда она приходила, старался сделать так, чтобы она меня не заметила.

Помню, как один раз она не появлялась больше недели.

Я ждал, ждал, а её всё не было. Было ощущение, что меня предали. Только через некоторое время я понимал, что мы даже не знакомы, и она вообще может не знать о моём существовании и уж точно ничего мне не обещала...

Лето заканчивалось. Пришло время учиться. Я так и не познакомился с ней.

* * *

С того лета прошло около двух лет. Мне было двадцать. Я учился на втором курсе Волжской академии водного транспорта. Мечтал стать капитаном и плавать в страны, название которых видел только в учебниках географии. Начал курить. Коротко постригся. Играл в футбол за институтскую сборную. На свой день рождения первый раз напился с одногруппниками. Встречался с симпатичной Настей с юридического и всё никак не мог попасть к ней домой.

* * *

Потом у нас проходили учения. Вся группа должна была всю неделю плавать на корабле по Волге. Судно было, как нам объясняли, учебно-производственное, оно и сейчас вроде у них используется — «Александр Попов». Раньше-то мы только на тренажёрах учились, а тут всё в первый раз было по-настоящему. Нас учили ориентироваться, следить за изменением погодных условий, проверять электронику, выставлять данные, нести настоящую морскую вахту

и придерживаться курса. В общем, всё то, о чём нам говорили в Академии, мы теперь должны были применять на практике.

Я понял, что это и есть мое призвание. Мне нравилось ощущать брызги на лице, нравилось жмуриться от яркого солнца, а большего всего мне нравилось, что я могу управлять огромным кораблём, плавно разрезающим синюю речную гладь.

Вечерами я выходил на палубу, смотрел на звёзды и представлял, что когда-нибудь буду плыть по настоящему морю, которого тогда ещё ни разу не видел, и мечтал, что однажды стану капитаном.

В последний день, когда мы всей толпой спускались с корабля, к которому привыкли за последнюю неделю, в порт приехал декан академии.

Хотел поздравить новоиспечённых матросов. Тут началась суматоха. Все пожимали друг другу руки, откуда-то вокруг нас образовалась целая толпа. Родители, чьи-то друзья — казалось, что все бросили свои дела и приехали поздравить нас.

И тут среди всего этого хаоса, чужих лиц и незнакомых людей я увидел ее...

Она стояла поодаль и улыбалась. В руках у неё был фотоаппарат. Уже позже я узнал, что она снимала для какой-то небольшой районной газеты, и это было её первое задание.

Она практически не изменилась. Те же светлые мягкие волосы, которые переливались на солнце, те же плавные жесты, мимика, улыбка...

Мне показалось, что я опять сижу на берегу и любуюсь ею. Я забыл про всё, что было вокруг. Я просто стоял и смотрел на неё.

Через минуту я понял, что она заметила мой взгляд и с удивлением смотрит в ответ.

Ещё секунда, и я услышал её голос совсем рядом:

— Мне кажется, мы с тобой где-то встречались, только я совсем не помню, где и когда это было.

Я не знал, что сказать в ответ.

Единственное, что удалось из себя выдавить:

— Что ты здесь делаешь?

Сейчас я уже не помню, о чём мы тогда разговаривали. Она несколько раз повторяла название газеты, для которой фотографирует, а я так его и не запомнил. Она говорила что-то о себе, о том, что заканчивает учиться, поступает в аспирантуру, любит фотографировать и ещё много-много чего. Я стоял, отвечал что-то невпопад, не слышал вопросы и сразу же забывал её ответы.

Постепенно все начали расходиться. Первым уехал декан, тем самым дав понять, что всё закончилось. Потом разошлись мои одногруппники. Я видел, что она тоже хочет уйти, но понимал, что если её отпущу, то не найду больше никогда.

И тогда я сделал то, что перевернуло всю мою жизнь. Я попросил её встретиться со мной ещё раз. Не позвал на свидание, а именно попросил. Сказал, что мне нужно увидеть её хотя бы ещё раз. Я не поверил, что всё это происходит со мной, когда она согласилась... После того вечера я больше не отпускал её.

* * *

Мы прожили вместе около трёх лет. Именно столько мне потребовалось, чтобы закончить учиться и устроиться на свой первый корабль. Сейчас мне кажется, что только в тех нескольких годах и заключалась вся моя настоящая жизнь.

Наверно, каждый из нас сотни раз слышал фразу о том, что люди не ценят то, что находится рядом с ними. Я на собственном примере убедился в истинности этой фразы. Я был одним из тех, у кого было всё. Я любил самую лучшую в мире девушку, а она отвечала мне взаимностью. Она была первой, ради которой я был готов на всё. У нас были тысячи желаний, мы были молоды и могли бы добиться всего, что хотели, вместе.

Но чем лучше было всё у нас, тем больше я чувствовал, что моя жизнь превращается в спокойную и размеренную рутину миллиона таких же, как я. Я ощущал, что загоняю себя в самим же созданные рамки. Чем чаще она начинала предложения с «мы», тем острее я чувствовал, что больше так не могу.

Мне нужна была свобода. Я не хотел принадлежать никому. Даже ей...

* * *

Они всё ещё стояли на мосту, за окнами УАЗа где-то внизу всё также поблескивала тёмно-синим глубокая Волга. На небе постепенно собирались грозовые тучи. Казалось, ещё чуть-чуть и начнется сильный ливень. Попутчик взял паузу на несколько минут, взгляд его был направлен вглубь себя. Казалось, он пытается вспомнить то, что давно осталось в прошлом. Через несколько минут он продолжил.

* * *

Всё закончилось, по сути, так и не начавшись. Мы пошли на день рождения к её подруге. Та ждала ребёнка. В квартире собралось много народа. Все

радостно-счастливые, с одинаковыми улыбками на лицах. Я не знал даже половины этих людей. Ходил среди гостей, не находя ни с кем общих тем, изредка узнаваемый кем-то из дальних знакомых. Единственное, чего мне хотелось, это поскорее уйти с этого чужого праздника, оказавшись дома с ней вдвоем. Я решил найти любимую и увести её оттуда. Она сидела рядом с именинницей и другими девушками. Вдруг поймал её взгляд на себе. Она как будто бы спрашивала меня: «Когда?..»

Я не мог с ней не поговорить.

— Почему ты на меня так смотришь? Ты что-то хочешь сказать?

— Нет, просто часто думаю о нас. О том, что не вижу, что будет дальше.

— Да нормально всё будет, не переживай.

— Я давно уже поняла, что из-за тебя мне переживать точно не стоит...

С того дня рождения я ушёл один. А ещё через месяц уже она насовсем ушла из моей жизни.

Тогда я думал, что она больше не вернётся. Я решил осуществить свою мечту и отправился в своё первое в жизни долгое плавание.

Я уже был морским офицером. Заключил свой первый контракт на год с пассажирским судном.

И понеслось. Сначала плавал по России, потом были контракты с Испанией, Англией, Америкой, другими странами. Я привык к невыносимому графику на судне. Мы работали по шесть часов подряд, а следующие шесть — отдыхали. И так каждый день. Без праздников и выходных. Я перестал чувствовать постоянную качку и смену часовых поясов, даже 45 градусов жары на палубе и 60 в машинном отделении мне казались не достаточно высокой платой за ощущение безграничной свободы и за чувство, что моя мечта наконец-то начала исполняться. Помню, что на одном грузовом судне набрали команду, где никто не говорил не только на русском, но и на английском. К тому моменту я уже был вторым помощником капитана, а с рядовым составом общаться не мог... Пришлось одновременно учить немецкий, испанский и итальянский, чтобы хоть как-то объяснить членам команды, что они должны были делать.

Психология человека, годами бороздящего океаны, постепенно меняется. У меня полностью исчезла тоска по дому, мне казалось, что я знаю весь мир и могу выбрать любую страну и любой город, чтобы остаться там навсегда.

Но почему-то я всё равно хотел вернуться домой. Я не мог до конца её забыть. И продолжал вспоминать, боясь возвращаться. Иногда я просыпался среди ночи

от того, что отчетливо слышал её голос, тихо шепчущий мне что-то на ухо. Или от того, что она уходила от меня даже во сне, а я не мог её остановить.

Я пересилил себя только через 10 лет после того, как оставил свою родную страну. Может быть, я смог бы сделать это и раньше, но мне постоянно казалось, что я должен добиться ещё чего-то. Я ждал, когда стану капитаном. Я возглавлял экипаж и палубную службу. Годами не возвращался на родину и боялся этой встречи, как мальчишка...

* * *

Вернувшись, я сразу отправился в Нижний. Через общих знакомых выяснил её номер телефона, дрожащими руками нажал эти цифры. Два длинных гудка разделили мою жизнь на до и после.

— Алло, кто это?

На том конце трубки я услышал до боли знакомый голос

— Привет. Это я... Ты меня узнала?

Как и в тот день, когда мы познакомились, я опять не знал, что сказать.

Она не стала делать вид, что не узнает или что у неё нет на меня времени. Мы договорились встретиться так, как будто бы и не было всех этих лет. Так, как будто бы всё нормально и мы виделись только вчера.

Я не спеша прошёл мимо покосившихся маленьких домиков, на крышах которых теплыми красками играло гаснущее вечернее солнце. В сумерках они выглядели почти игрушечными — как будто забывчивые актеры оставили в спешке свои картонные декорации.

По стертым ступеням я спустился вниз к набережной.

Только тот, кто вырос у воды, сможет оценить и понять непередаваемое ощущение, непременно возникающее, когда смотришь, как одна река вливается в другую. Будто два гиганта сошлись в равной схватке. И ты знаешь, что эта битва никогда не будет выиграна, но всё равно не можешь оторвать взгляд от захватывающего зрелища.

Так и непокорная Ока вливается в гордую размеренную Волгу. Одна река превозмогает другую, и обе они сливаются воедино, образуя неделимое синее пространство, которое раскинулось перед тобой, насколько хватает глаз.

Я стоял и вспоминал все те годы, прожитые впустую. Пустые часы, не заполненные её смехом, её разговорами и ей самой. Бессмысленные дни, которые ничем не отличались один от другого. Пустые и ненужные только потому,

что её не было рядом. Я не понимал, почему столько лет мы боялись показать свои настоящие чувства. Почему она не смогла простить, а я даже и не думал извиняться. Над моей головой медленно пролетали белоснежные чайки, высматривая что-то в синей воде и ни на секунду не прерывающие свой полёт. В тот момент я бы тоже хотел стать птицей. Свободной и беспечной. Парить над водой, расправив руки-крылья, доверив свою судьбу ветру и небу. Но нет. Я был всего лишь человеком, который боялся встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

Я знал, что она должна прийти с минуты на минуты. Мне казалось, что я уже слышу её голос, вижу её улыбку и ощущаю аромат её таких до боли знакомых духов. Мне хотелось бежать. Бежать без оглядки. Бежать от самого себя, от реальности, от неё. Но вместо этого я продолжал стоять, наблюдая, как мимо меня медленно проплывает грузная баржа.

Когда она подошла, я не поверил своим глазам. Она нисколько не изменилась. Единственное, что всегда улыбающийся взгляд теперь стал глубоким и печальным, а вокруг рта залегли небольшие морщинки, делавшие её немного старше.

И я понял, что всё это время бежал от самого себя. Пытался сбежать от своих настоящих чувств, придумал несуществующую мечту и даже её осуществил.

Она смотрела мне в глаза и улыбалась.

Как тогда, десять лет назад, сидя на берегу...

...Мой попутчик любезно согласился показать мне гостиницу, где жила Катя. Купить цветов? А уместны ли цветы при наших нынешних отношениях? Цветы уместны всегда! Я взял аккуратный небольшой букет в стоявшем тут же киоске.

В холле, на ресепшен, меня встретила приятная девушка:

— Вы к кому?

И тут мне стало по-настоящему неловко — я напрочь забыл фамилию Кати!

— К... Екатерине... — промямлил я и тут же, видя недоумевающий взгляд администратора, выпалил: — Катя, журналистка из Москвы у вас проживает?

— Конечно, — профессионально улыбнулась девушка. — Она как раз сейчас с подругами пошла обедать в наш ресторан!

Вход в ресторан оказался тут же в холле. Я зашёл и увидел несколько компаний за столиками. Пожилая пара, какие-то ребята в костюмах... А вот, кажется, то, что надо — три девушки за столиком возле окна...

— Катя!!! — я решительно направился к девушкам.

Она обернулась. Поглядела на меня. Молча, спокойно, доброжелательно. Взглядом, которым звёзды смотрят на провинциальных охотников за автографами.

— Да, что вы хотели?

Я остолбенел. Не так я представлял себе нашу встречу. Это что, заранее заготовленный холодный душ? Психологический ход? Способ поставить меня на место? Нет, непохоже. Я, дурак дураком, начал лепетать что-то про Иркутск, помолвку, цветы, мою многодневную погоню... Сбился и замолчал. Потому что на её лице появилось выражение неловкости, как бывает у людей, когда они говорят с душевнобольными.

— Извините, молодой человек. Я вижу вас впервые.

Я чувствовал себя объектом идиотского розыгрыша. Я стоял с цветами в руках перед самым дорогим в мире человеком и чувствовал себя никем. Самый ужас был в том, что я вдруг усомнился, что это моя Катя. То есть нет, совершенно точно это была она — девушка с фотографии в моём бумажнике. Но вот только я больше не был уверен, что Катя — моя.

Девушки-соседки начали откровенно улыбаться. Разговоры за соседними столиками затихли. В воздухе сгущалось облако грядущего скандала. Я повернулся и пошёл прочь. Что-то нахлынуло на меня и...

...Опомнился я за рулем своего верного «Патриота». Машина шла по трассе в сторону Владимира.

Впрочем, в тот момент мне это было совершенно безразлично. Никакой Кати не было. Нет! Не так! Катя была, и был Егор Родионов! Но их вместе не было никогда! Ни-ко-гда! Не было никакой подготовки к свадьбе, никакого романа. Не было ничего.

...Я гнал машину. В моей голове было первозданно пусто. Несколько раз меня здорово мотало по дороге — спасал только крепкий характер УАЗа. Автомобиль словно понимал, что как водитель я сейчас ничего собой не представляю. После очередной болтанки я всё-таки остановился и невидящим взглядом уставился сквозь ветровое стекло. Сколько я так просидел — не знаю. Привёл в чувство меня сначала осторожный, а потом всё более настойчивый стук в боковое стекло...

РЕЗЬБА ПО СУДЬБЕ

Константин Кудряшов

Когда едешь по Владимирской губернии, когда кругом спокойные леса и перелески с маячащими иной раз маковками церквей, в голову настойчиво лезет что-то исконное, посконное и домотканое. Пафосное такое. Вроде: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». И тогда, чтобы отогнать от себя призрак чудовищно патриотической Надежды Бабкиной в цыганском платке, так и хочется сыграть на понижение. Например, припомнить строки из бессмертной поэмы уроженца здешних краев, великого алкаша Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»: «Мой глупый земляк Владимир Солоухин зовёт вас в лес собирать солёные рыжики. Да плюньте вы ему в его солёные рыжики!»

Скептики говорят, что сила мысли, дескать, нематериальна. Оно, может, так и есть, но сейчас сильно захотелось воспользоваться примером Ерофеева и плюнуть скептикам аккурат в их солёные рыжики... То есть, конечно, не в рыжики, а в скептические морды. Потому что у обочины вяло телепался персонаж, как будто сошедший со страниц алкогольного катехизиса русского человека. Глаза вразброд, рожа красная, уши пенёчками, дружелюбная улыбка от уха до уха, и, судя по повадкам, человек весьма интеллигентный. Обычный алкаш свою пластиковую торпеду с пивом почем зря мнет руками и запрокидывает над головой, обливаясь от жадности дрянным опохмелочным зельем. Этот же — аккуратист. Ставит на асфальт резной ковш... Ковш? Да еще резной?

Тормозной путь у «Патриота» недлинный, однако аккуратист успел налить в свой почти антикварный сосуд хорошую порцию пенного, основательно приложиться и даже утереть губы рукавом тёмно-зелёной вязаной кофты, которую так и подмывало в унисон резному ковшу назвать как-нибудь эдак. Например, полукафтаньем. А то и вовсе епанчёй.

И пахло от проспиртованного аккуратиста, который вместе с ковшом устроился на переднем сиденье, не сивушным выхлопом, а как-то очень уютно — сосновой смолой, стружкой, хорошо высушенным березовым веником. И говорил он сугубо по-владимирски, мелкой скороговоркой, упирая на «о».

— Дак полно! Нынче пиво такое, если магазинное, то, как есть, заячьей мочой отдаёт. Это, брат лихой, у меня пиво особое. Это, понимашь, настоящий владимирский шатун. Слыхал, поди? Бывал, говорю, вологодский шатун. Дак его, когда варят, передержать полагается. А владимирский шатун — пиво редкое, запросто так его варить не станешь. А вот сварили. Дак, если хорошему человеку, отчего и не сварить? Свадьбу, понимашь, гулять будем. Ну а мужики как узнали, кто свадьбу гулят, дак расстарались. Мы, мужики то есть здешние, вот липу режем, бондарничам, ну и там по мелочи, шайку сбить, то ли жбан, веничка сделать, в общем, что по банному делу полагается. Дак кабы не он, Леха, ну, жених то есть, рази ж что осталось бы?

* * *

— Так, Сева, теперь снимаем крупный план, чтоб все эти деревянные фитюльки видно было... Бадейку вон ту не забудь и, главное, резьбу по ковшам дай... Не, так не годится. Фактуры маловато. Давай-ка туда лаптей ещё положим, ага. И веник. Чтоб самой последней дуре из Крыжополя ясно было, что сюжет про бизнесмена, который занимается банными аксессуарами... Не, так не пойдёт. Лучше пусть «предприниматель, возрождающий традиционные русские промыслы». Ведь так, Алексей Степанович?

Алексей устало кивнул головой. Он уже успел окрестить про себя эту вертлявую тётку, главу съёмочной группы, «мымрой очкастой». И теперь покорно дожидался окончания телевизионной суеты, которая вопреки всем ожиданиям внушала не гордость за себя, любимого, а странное стыдливое чувство. Однако «мымра очкастая» оказалась опытным журналистом — сразу просекла невесёлое настроение главного героя сюжета.

— Ну, всё, всё, Алексей Степанович. Совсем немножко осталось. Сейчас вот один небольшой стендап снимем, в качестве такого эффектного финала, и всё. Значит, вы стойте здесь, на фоне этих своих бадеек, так, очень хорошо. А я к вам подойду как бы из-за кадра, и мы с вами непринуждённо побеседуем о проблемах, с которыми вам приходится иметь дело. Есть ведь проблемы? О-очень хорошо. Много? Зажимают вас? Ну вот и отличненько. Так, Сева! Камеру! Внимание! Работаем!

* * *

— Ну что ж, Алексей Степанович, в заключение хочу пожелать вам от лица всех телезрителей и от себя лично успехов в преодолении трудностей на вашем нелегком пути возрождения традиционных русских промыслов, которыми испокон века была славна земля Владимирская. Или, как принято говорить, легкого пара!

— Легкого пара она ему желает, вот ведь сколопендра! — В кнопку «off» с ненужной силой вдавился толстый узловатый палец, после чего телевизионный пульт был со злобой брошен на пол. — Ну Леха, ну змей... Да ты хоть понимаешь, на кого тявкать надумал, чмо? Проблемы, говоришь? С бизнесом твоим вонючим? Это, значит, мои предприятия лишают тебя сырьевой базы, умник? Это, козёл, у тебя ещё не проблемы. Это, урод, только преамбула. А через пару часов тебе настанет уже амбула... Лизка! Не, ты слыхала, что этот хрен на всю страну сказал, а? Чего ты там бормочешь?

— Ну, чё орёшь? Не видишь, я с подругой разговариваю... Да нет, Дашуль, это я не тебе. Это у моего по работе неприятности с имиджем. Да не знаю, козёл какой-то. Вроде по телевизору на Витеньку наехал. Не прямо, но понять, говорит, можно... И, главное, в самый Витенькин день рождения... Да ну на фиг, сами разберутся! В общем, ты поняла, да? Сегодня вечером, у нас в новом поселке, где коттеджи, не доезжая стройки... А, ты своим ходом что ли? Машина сломалась? Нету? Ну ты даешь! А ещё отличницей была, наша классная, помнишь, как говорила, что, мол, из Даши настоящий человек получится, не то что из вас, шлёндры... Даже не знаю тогда, как объяснить, я с быдлом уже давно не ездила... Ну извини, извини, ты-то здесь при чём? Мы ж десять лет не виделись, а тут так всё одно к одному сложилось — и дом новый, и у Витеньки день рождения... Короче, там вроде автобус должен ходить, спросишь, если чё... Обратно? Ну ты даёшь! У нас останешься, места полно! Ладно, всё, чао, до вечера...

* * *

— О! Гля! Лошара зашевелился! Живой ещё... — над Алексеем склонилась сизая башка, похожая на небрежно вылепленный щетинистый пельмень. — Мож, добавить чуток? Или чё там Витек велел сделать? Ну чё, лошара, хошь, глаз выдавлю? Или просто в душу ухреначить? Тока ты смотри обмочиться или обхезаться мне тут не вздумай, козёл. Ты мне потом всю машину языком своим поганым вылижешь...

— Ты хавальник-то завали, — раздалось с переднего сиденья. — Это в девяносто четвертом тебе был Витёк, а сейчас — Виктор Платонович Бычков! Понял?

— Не, ну, а чё я, чё я... Я ничё, в смысле...

— Вот в том-то и смысле, что ты — ничё, а он — Виктор Платонович, хрен бы ему через всё рыло... Нет, ну, как же ведь человек поднялся, а? Местный олигарх, благодетель, надежда и опора, все дела... Не, я его, конечно, уважаю, но все ж таки западло с нами так поступать. Я уж, считай, лет десять как никого пальцем не трогал, нормально так, да? А тут как, блин, тогда, помнишь, когда Вована на стрелке завалили? Застава, блин, в ружьё, найти этого вот лошару и в лес отвезти...

— Не, ну, а чё? Он чё, по телеку будет базлать вот просто так, что Витёк... То есть, Виктор Платонович — чмо, а его за это в задницу целовать? Так, да? Не, ты скажи, а?

— Да ясно всё, не ори. Сказали в лес, значит, в лес, судьба у него такая.

— Ну! А я чё говорю! Тока он, козёл, живой ещё. Может это... Слышь, может, давай остановимся уже, а? Нормально вроде, слышь? Как раз между посёлком и деревней... И стройка рядом. А чё? Найдут этого лошару — стопудов на чучмеков этих, на гастеров подумают. Напали, хавальник расфигачили... То есть, конечно, нанесли тяжкие телесные повреждения, несовместимые с жизнью, хе-хе... Слышь, лошара, молись! Ща тебе будут меры физического воздействия... Ты, говорят, деревянными изделиями занимался, да, коммерсант грёбаный? Это... Слышь, как там про сапожника, который дурак?

— Сапожник без сапог, балбес. Пословица такая.

— Во-во! Сапожник, значит, без сапог, а ты, козёл, без гроба будешь! Чё гроб заранее не дотумкал сделать? Резной, млин? Для возрождения русской традиции?

Машина завернула на едва видную в темноте лесную дорогу и, проехав метров десять, остановилась. Алексея вытащили наружу за ноги, так что он сильно ударился головой о порожек. Впрочем, больно не было — видимо, организм милосердно отключил рецепторы. Так что больно будет потом... Хотя какое ещё потом? Никакого потом уже не будет. Сейчас его добьют и забросают лапником. Только бы побыстрее. Предсмертная тоска хуже истязаний, это Алексей теперь точно усвоил. Главное, почему вспоминается не то что положено, а утрешняя «мымра очкастая» со своими дурацкими вопросами? Говорили же, что перед смертью вся жизнь перед глазами проходит... Выходит, врали?

Земля ощутимо дрогнула. Секунду спустя раздался мягкий, но очень громкий грохот, и в районе стройки взметнулись яркие языки пламени.

— Ё-моё... Ты видал? Чё теперь делать? А? А с этим лошарой чё?

— Чё делать, чё делать... По уму если, это чмо надо как раз туда отвезти и бросить, чтоб он там сгорел к собачьим чертям... Но это если по уму, а так... Там сейчас шухер такой, что хана всему, бой в Крыму и всё в дыму. Но не успеем, вот зуб даю. Пока то, пока сё... А там уже менты, пожарные, спасатели, народ, короче... Не, не годится. Давай лучше мы этого долбозвона на руках вытащим до трассы и бросим на хер. Там по-любому сто машин проедут, и все на пожар, сечёшь? Спешить то есть будут. Ну и переедут его пару раз, делов-то. А нам валить отсюда надо, и поскорее, а то потом стопудов какая-нибудь сволочь вспомнит, что были вроде здесь двое, третьего волокли... Чё стоишь, оглобля? Взяли, млин!

* * *

Идти по ночной дороге через лес в одиночку всегда страшно, и Даша ни за что бы не отважилась на такой поступок, хоть и не слыла в своей деревне трусихой. Но сейчас ей было не до того. Сейчас она шла, глотая слёзы. Впрочем, слёз было немного, потому что она уже успела поплакать около большой елки, на повороте от коттеджного посёлка. Там, в этом самом посёлке... В общем, Дашу никто ещё так не унижал, как в этом посёлке, сгори он синим пламенем. А главное, как всё хорошо начиналось...

Утром в сельскую амбулаторию, где Даша работала медсестрой, позвонила её бывшая одноклассница Лизка. И вот так вот, нежданно-негаданно, пригласила к себе отметить день рождения мужа Витеньки. О том, кто такой Витенька, знали даже в самых глухих деревнях — его фамилию склоняли на все лады и не всегда доброжелательно. Ну, чужое богатство всегда глаза застит, это уж закон такой. А вот то, что её школьная подруга так удачно выскочила замуж, это был сюрприз. Ситуация была, как говорят, и хочется и колется. Пойти вроде бы надо, нехорошо подругу обижать. Да и интересно, как там богатые живут. Так сказать, был резон людей посмотреть. Но только вот себя показать Даша робела. Чем хвалиться? Медсестра в деревне, живёт с мамой, небогато живёт. Но вроде и не хуже других. Уж во всяком случае, если кому вдруг понадобится сшить чего-нибудь помоднее, так это к Даше, шьёт она здоровски. Так что не стыдно и в свет выйти. Или всё-таки стыдно? Мало ли, как там у них в коттеджах принято... Но тут включилась мама. Дескать, давай-давай, нечего взаперти сидеть, не монашка ведь, а все твои подруги вон замужем давно, одна ты такая тетёха... Короче, решилась.

Жизнь показала, что мама не всегда бывает права. Конечно, все явились на машинах, и только одна Даша приехала на автобусе, да ещё и заблудилась по дороге. Звонила подруге на мобильник, а та, когда выскочила её встречать, заметила, что телефон у Даши старенький, какие теперь не носят. И ладно бы смолчала, так ведь нет, ещё и Витеньке его чуть не в руку сунула. А тот, конечно: «Ой, смотрите, какая редкость! Я и не подозревал, что вы, Дарья, такой богатый человек! Не каждому ведь по карману держать у себя такой антиквариат!» И схвативши телефон, прижал к уху: «Але, барышня! Смольный мне! Ленина, Ленина!» Конечно, Даша попробовала все обратить в шутку, тем более что все вокруг и так смеялись, держась за животы. Но глаза тут же стали на мокром месте. Лизка, конечно, телефон вернула, однако ж высказалась в том роде, что надо бы аппарат сменить. Думаете, не обидно?

За столом Даша и вовсе оробела. Попробовать такие яства... Точно, яства, вот именно это слово из исторических романов Даша и вспомнила... В общем, попробовать ничего не посмела. Взяла только знакомое, чуть-чуть салатика вроде «Оливье», уж его-то Даша знала как есть, чтоб не опозориться перед гостями. Ну и Витенька, конечно, не удержался. Мол, вы, Дарья, не стесняйтесь, я же вижу как вам «Оливье» нравится. Ничего, что майонеза маловато? Я же знаю, как в деревнях «Оливье» готовят — тазик сечки из гречки да тазик майонеза. Да вы не стесняйтесь, мы по-свойски... Водочки? Извините, самогона у нас нет, так вы водочки выпейте. С ней даже майонез легче идет!

После второй перемены... Нет, ну точно как в историческом романе, прям как в «Князе Серебряном», Даша хорошо помнила, что у царей тоже блюда по нескольку перемен выносили... Так вот, после второй перемены кто вышел воздухом подышать, кто покурить, кто просто так по дому походить. Даша тоже вышла. Худо ей было. Вроде и на людях, но всё-таки одна. А как ещё? Сама заговорить ни с кем не решалась, к ней после «антикварного» телефона и «Оливье» как-то тоже не подходили. Ну, разве что издалека поглядит какая-нибудь фифа, фыркнет и захихикает, да ещё что-нибудь кавалеру шепнёт. Тот тоже смерит взглядом, всё равно как на чучело посмотрит и отвернётся. Нет, пора и честь знать.

И только собралась забрать сумочку, как подошёл Витенька. Ой, какой у вас наряд замечательный, туда-сюда... Неужели сами сшили, нет, правда? По дизайнерским, небось, лекалам строчили? Ну, оно и видно, последняя мода с китайской барахолки... А под нарядом всё ли настоящее? Или тоже китайский ширпотреб, а? А, может быть, проверим? Ну-ка, ну-ка...

Даша, конечно, вырывалась, только кричать ей почему-то казалось стыдным — вдруг услышат, что же тогда подумают? А именинник уже под подол залез. И тут, как нарочно, Лизка выбегает. Что началось! И шмара Даша оказалась, и стерва, и курва, и нищебродка, которую приличным людям показать-то нельзя, разве что для смеха. Припомнила ещё про тихий омут и чертей, дескать, такие вот отличницы всегда норовят исподтишка кусок урвать... Да и остальные набежали. Кто просто смотрит, кто смеётся, кто поддакивает, кто улюлюкает...

О том, чтоб остаться на ночь, речи, конечно, никакой и быть не могло. Автобусы давно уже не ходили, так что Даша шла теперь по лесной дороге примерно в общем направлении к дому. Интересно, стройку уже прошла или нет пока? От воспоминаний опять защипало в носу и захотелось плакать...

Земля ощутимо дрогнула. Секунду спустя раздался мягкий, но очень громкий грохот, и в районе стройки взметнулись яркие языки пламени.

Этого ещё не хватало! Даша вздрогнула и пустилась бежать, но, не пробежав и тридцати шагов, споткнулась обо что-то мягкое. Пока падала, успела увидеть, как стремительно удалялась тёмная машина почему-то без габаритных огней.

— Господи! Да вы кто? Вы живой? Что с вами?

Человек, скорчившись, валялся на дороге. Руки и ноги его были обмотаны коричневым скотчем. Тот же скотч широкой полосой заклеивал рот. Даже в темноте было ясно, что человека долго и со знанием дела избивали.

— Ну? Живой? Ой, мамочки, что же это такое?

Раздался вой сирен и на дороге показались мельтешащие сине-красные огни. Даша вскочила и замахала руками.

— Эй, девка, ты чего? Отойди, не видишь что ли, пожар там, а ты тут это... Опаньки! Чего этот там у тебя? Он живой? Сильно обгорел? Ты не реви, а дело говори. Здесь нашла? Думаешь, со стройки? Погоди, сейчас Петрович на мотоцикле подкатит... Да знакомый мой, он рядом живёт, пожар увидел и сразу ноль-один... А? Медсестра? А ну покажи корочки! Ё-моё! Чего ж ты мне здесь свинью за бобра продаёшь? Должностную инструкцию не помнишь? Если ты медработник, так бери этого приятеля и госпитализируй куда поближе... Ну куда ты его тащишь, дура? Говорю же — Петрович на мотоцикле подъедет и увезёт вас в твою амбулаторию. О! Вот и он! Лёгок на помине! Всё, девка, некогда мне тут с тобой, а то без нас всё потушат и тю-тю мои боевые выплаты...

Спустя десять минут Петрович, лихо и заполошно сигналя, подрулил к деревенскому дому.

— Здесь что ли твоя амбулатория? Ну, давай помогу. А чегой-то он у тебя связан? Ладно, не моё это дело. Бери и выхаживай, как знаешь...

В доме загорелся свет и щелкнула задвижка.

— О-с-споди! — Дашина мать, выскочив на крыльцо, остолбенела и воззрилась на полумертвого незнакомого человека и на заплаканную растрепанную дочку. — Всё не слава богу. Ты, Дашуль, не иначе как с ума сдурела. Ты зачем его домой тащишь? Всегда ведь такая была, сколько помню. То скворчонка у Барсика отняла, выходила и ругаться выучила. То самого Барсика от глистов пользовала, то белок, то синиц, то собак шелудивых, вечно дома лазарет. Теперь ещё и бомжа вшивого подобрала! Это в гостях его тебе дали, заместо подарка на чужих именинах? Удружили, нечего сказать... Да ты не плачь, не плачь... Ладно, пойдём помогу...

* * *

— Вот, аккурат полгода назад это и было, — аккуратист вопросительно повел глазом, после чего открыл бутыль и налил себе в резной ковш расхваленного им самим же владимирского шатуна. — Теперь, брат, шалишь! Дашка Лешку выходила, как всё равно того скворчонка. Чуть не месяц, слышь-ка, с ложечки его кормила. А оно вон как потом вышло — от судьбы-то не уйдешь. Свадьба! Всё теперь, хана Лёхе. Эх, какого холостого мужика теряем, а? Ну да ладно, это ничего. Дашка вот поди-ка тоже не знала и не гадала, кого подобрала. А оказалось — первейший жених! И предприниматель, и в банном деле понимает, и по телевизору его показывают! И ведь как складно всё... Дашка-то ведь из самой что ни на есть нашей коренной здешней семьи. Прадеда её я ещё застал маленько. Дак лучше её прадеда никто бочки не делал! А уж какой резчик был, что ты! Значит, и впрямь такая им судьба оказалась, а ты говоришь... Ну ладно, мне ещё здесь по делам надо... А это тебе. Держи, говорю! Где ты ещё такой ковш возьмёшь? Разве что к нам опять приедешь, дак... А что, приезжай. В баньке попарим, шатуна поднесём! Ну, счастливо!

Мужик помахал рукой и оправился куда-то в поля. «Патриот» резво взял с места. Резной ковш, оставленный на сиденье, источал еле слышимый запах солода и, как ни странно, какого-то предпраздничного настроения. Деликатно рыгнув, выключилось радио и, автоматически настроившись на местную волну, выдало:

— В связи с неоднократными нарушениями действующего налогового законодательства и подтверждёнными фактами коррупции сегодня был взят под стражу известный бизнесмен Виктор Платонович Бычков...

ДОРОГА ДОМОЙ

Дмитрий Кащеев

Хлопнула дверь, и я остался наедине с самым загадочным из своих попутчиков. Наедине с самим собой. За эти дни череда удивительных лиц и судеб промелькнула передо мной, оставляя неизгладимый след в душе. Но в чьей душе? Кто этот человек, которого я привык считать Егором Родионовым?

Встреча с Катей должна была разрешить все вопросы и избавить меня от метаний. Но стало только хуже. Воображение сыграло со мной злую шутку. Выходит, любовь моей жизни — выдумка больного сознания? И вся жизнь... тоже? Что я ищу? Куда я на самом деле еду? Откуда эти зияющие пробелы в моей памяти? Чьей рукой вбит маршрут в моём навигаторе? От всей этой неопределённости кругом идёт голова... Нет-нет, надо попробовать разобраться!

Есть масса нестыковок, объяснить которые попросту невозможно. Ну, ладно — письмо. Набил в горячке сам себе в дополнение к придуманному роману с Екатериной. Допустим. В этом ведь нет ничего чудесного. Нервное переутомление, бессонница, газетные статьи, телепередачи, и вот в голове родилась целая история. Только почему я так ухватился за этот бред и, сломя голову, бросился по пятам за Катей? Ведь раньше даже спьяну не выкидывал подобных фортелей, чётко разделяя реальность и фантазии. Итак, что мы имеем: пишу письмо сам себе, сам же ему удивляюсь и беру с места в карьер, даже не удосужившись попрощаться с друзьями. В результате догоняю совершенно мне незнакомую девушку, которая и правда журналистка из столицы. Только нас с ней ничего не связывает. Ничегошеньки! Так. И что дальше? Убеждаюсь, что нас никогда ничего не связывало и... продолжаю двигаться дальше. Полная чушь!

А ведь я уже на финишной прямой. Сотня километров — и вот он, конец маршрута.

Что меня ждет там?

Смешно, но в голову лезут совсем уж параноидальные вещи. Может, я стал жертвой какого-то секретного эксперимента? Или был зазомбирован на какое-либо действие в точке прибытия. Особенную тревогу у меня вызывало, конечно, отсутствие четких воспоминаний о детстве, родителях. Я не мог вспомнить ни маму, ни отца. Может, я тоже сирота, как один из моих попутчиков? Во всех историях с подобными играми сознания должны обязательно присутствовать врачи, но я совершенно не помнил, чтобы общался с какими-нибудь врачами вообще в последние годы. Я даже не представлял, ходят ли сейчас медики в белых халатах или одеты на манер западного медперсонала из сериалов. Стоп!!!

Мои мышцы неожиданно ослабли, словно из них разом ушла жизнь! Я вильнул рулём и нажал тормоз непослушной ногой... Врачи были!!! Мигалки, рёв сирен, истошные крики, какие-то военные и врачи!!! Много врачей! Рука непроизвольно потянулась ко лбу, пальцы ощупали плотный рубец...

* * *

Я сидел, сжавшись на сиденье своего УАЗа и закрыв глаза... Воспоминания нестройной толпой образов мельтешили в хороводе, постепенно выстраиваясь в картинку. Это, несомненно, был вечер... Я был за рулём. Чёрт! Не могу вспомнить марку, но это явно был не «Патриот». Что-то хищное и опасное даже на вид. Укрощенный зверь. Видимо, когда-то я любил именно такие автомобили. Куда я ехал? Зачем? Грузовик словно материализовался из воздуха. Скорее всего я из-за скорости не заметил очередного провала-подъема дороги. Удар!..

Я выскочил из УАЗа и бездумно зашагал возле машины. В моем сознании, словно на фотопленке, проявлялись яркие слайды из прошлого. Вот я в школе — второй класс — мы с одноклассником стоим в очереди в кинотеатр. Выпускной в школе — я танцую с красивой девушкой из соседнего класса. Армия — мы с ребятами из разведроты фотографируемся на фоне каких-то развалин. Чечня? Дагестан? Институт — сессия — сокурсник Серега, проходя мимо меня, сует мне в руку «шпору» по сопромату. Снова девушка с выпускного: немного повзрослевшая и ставшая ещё более очаровательной. Мы гуляем по городскому парку, едим мороженое. Громко играет музыка, но мы не замечаем никого, кроме друг друга... Девушка закидывает голову и смеётся приятным звонким смехом. Я почти вспомнил её, но эта картинка немедленно сменяется другой. То же лицо с распахнутыми от ужаса глазами и полный ужаса крик! Таня! Танечка!

В тот злополучный вечер она была со мной в машине! Я лихорадочно пытаюсь разминуться с быстро наползающей громадой грузовика, но он почему-то дублирует мои маневры, а рядом, на пассажирском сиденье, отчаянно кричит Таня... Моя Таня! Мой любимый человечек, которого я поклялся защищать и беречь от всех невзгод! И погубил по собственной неосторожности! Ведь она надеялась на меня до последнего мгновения!

В горле страшно пересохло, словно там прошёлся наждак, я сел в автомобиль и проехал вперед, к придорожному кафе, которое виднелось неподалеку. Продавщица подала мне мгновенно запотевшую на воздухе бутылку минеральной воды.

— Молодой человек, вам с сердцем плохо? — участливо поинтересовалась женщина. — Вы присядьте, отдышитесь.

Я благодарно кивнул и присел к ближайшему столику. Дыхание потихоньку выровнялось, пульс перестал отбивать сумасшедшие дроби.

Женщина за прилавком сочувственно улыбнулась мне:

— Место здесь какое-то проклятое. Что не месяц, то аварии. Некоторые водители то сознание теряют, то засыпают... А три года назад вообще настоящая катастрофа случилась — водитель грузовика с бетонными плитами на подъеме отключился. А за ним целая куча машин шла, да все на приличных скоростях. Полтора десятка человек сразу насмерть — человек пятьдесят по больницам развезли. Хорошо ещё, что военный госпиталь неподалеку находится — оперативно сработали... Ну как, полегче стало?

— Спасибо, отпустило, — я расплатился и вышел на улицу.

Мой «Патриот» стоял возле кафе, напоминая рыцаря в серебряных латах. Он словно говорил мне: «Ничего, хозяин. Я тебя из любой переделки вывезу, уж поверь». Я улыбнулся этим мыслям и благодарно похлопал своего верного Росинанта по сверкающему боку. Вот так — с машинами начал общаться. А что ещё ждать от психа, который сам себе пишет письма и путешествует маршрутами, проложенными неизвестно кем неизвестно для кого. И снова сердце пронзила — боль. Таня. Была. Со мной. И её больше нет. А я остался жив. Сознание снова услужливо прокрутило страшные кадры. Кричащая Таня, мощный удар и... пустота с тишиной. А потом всё взорвалось огнями мигалок и рёвом сирен...

Почему же я так уверен, что всё это произошло в действительности? После того как я устроил погоню за своей якобы невестой через полстраны, могу ли я доверять себе вообще? Может, я и в самом деле воевал в горячей точке, и теперь

это даёт о себе знать в виде изменённой психики? Ведь провалы в моей памяти чудовищны, и они продолжаются! — может быть, скоро я не смогу вспомнить лиц людей, с которыми работал в Иркутске... Только машина с иркутскими номерами, словно якорь, держит меня в реальности. Нет, так я могу только усугубить это сумасшествие.

Я сел за руль и включил навигатор. По крайней мере у меня есть цель, и скоро я раскрою самую главную загадку — куда я еду. И зачем. Мотор «Патриота» одобрительно заурчал, соглашаясь с моим решением. Пусть я ненормальный, но я твёрдо знаю, что мне делать ближайшие полдня. Многие ли из людей могут сказать то же самое? Я подумал о своих попутчиках. Странное дело — они казались мне практически роднёй — я знал о них больше, чем о самом себе. Совершенно разные люди — они, каждый по-своему, помогли мне. Сколько раз накатывало тупое отчаяние и желание бросить всё и повернуть назад. Повернуть назад и забыть дурацкую историю с навигатором, сбежавшей невестой и прочими несуразностями. Однако смог бы я жить спокойно дальше, не выяснив всё до конца? Сколько в жизни бывает таких моментов, когда судьба услужливо подсовывает тебе один-единственный шанс, а ты проходишь мимо, или испугавшись, или просто не обратив внимания? Впрочем, осталось не так долго ждать...

Внутренне я готов уже к любому исходу. Если вдруг это окажется розыгрышем иркутских друзей, я буду только рад и с удовольствием посмеюсь вместе с ними, а если что-то другое, то, как говорится, будем посмотреть по обстоятельствам. Мы живём в очень рациональном мире, где всё имеет то или иное объяснение.

* * *

Движение становилось всё более оживлённым, и я понял, что приближаюсь к Москве. Чувство волнения и тревоги вернулось с новой силой. Я почти не прислушивался к указаниям навигатора, точно прекрасно знал эту дорогу. А ведь я никогда в Москве не был... Нет, это тот, иркутский Егор не был, а я... кто знает. Моё тело как будто жило отдельной жизнью: руки крутили руль и переключали скорости, ноги исправно жали на педали.

Выражение «дежавю» лучше всего подходило к данной ситуации. В какой-то момент я решил, что за поворотом обязательно должна быть заправка. И не ошибся.

Вне всяких сомнений, я не раз проезжал здесь. Это знакомое каждому водителю чувство, когда много раз выбираешь одну и ту же дорогу и помнишь даже незначительную деформацию дорожного полотна.

Интересно, почему меня не удивило это открытие?

Стоп! В этом доме жила бабушка моего одноклассника! Она частенько забирала нас после школы к себе, и мы часами играли в сумрачной квартире-«сталинке» с высоченными потолками. Было немного жутковато и страшно интересно.

Я притормозил у обочины, рядом со знакомым домом.

Я должен был вспомнить всё, иначе просто не смогу заставить себя двигаться дальше. Навигатор всячески пытался привлечь моё внимание, но я отключил надоедливый прибор — больше в нём не было нужды. Я был в своём городе.

Я — Егор Родионов — уже не гнался за химерами. Я ехал домой. В голове постоянно крутилось что-то важное, но я никак не мог ухватить эту настырную мысль. Таня! Моя одноклассница, ставшая потом моей невестой, и девушка на соседнем сиденье в тот ужасный вечер... В навигаторе был её адрес... Только самой Тани там быть уже не могло.

* * *

Мы стали встречаться в последнем классе школы. Знакомы, конечно, были и раньше, но по-настоящему узнали друг друга до обидного поздно. Затем выпускной, суета с поступлением в вузы, Таня переехала в другой район, и мы как-то потеряли друг друга. Я не поступил тогда и ушёл через некоторое время в армию. Служил в Дагестане. Я часто думал о Тане, но уже не рассчитывал хоть когда-нибудь быть с ней рядом. И вот перед демобилизацией неожиданно получил от неё письмо. Оказывается, она меня долго разыскивала. Вернувшись, я поступил в университет, где училась Татьяна. Через некоторое время она уже закончила вуз, а я всё ещё ходил в студентах. Пришлось перевестись на заочный. Таня работала дизайнером, я же пошел в архитектуру. Решения о свадьбе специально мы не принимали, просто в какой-то момент осознали — пора. Мы ехали, чтобы отметить нашу помолвку в уютном загородном ресторанчике. Помню это тёплое ощущение в груди. «Теперь-то уже всё с нами будет правильно!» А потом — грузовик, визг тормозов и застывший Танин взгляд... В один момент я потерял не только любимую, но и смысл жизни вообще. Погибших увозили военные врачи. Откуда я это знал — не помню. Но отчетливо помню, что носилки с Таней грузили в зёленый УАЗ-«буханку» с крестом на боку. Меня отвезли в город.

Из больницы я сбежал, когда понял, что могу передвигаться. Свести счеты с жизнью... мне не хватило мужества. Единственное, что могло как-то заглушить боль, — это лихорадочное беспрерывное движение. На электричках, автобусах, попутках, а где и вовсе пешком я забирался всё глубже на восток, отрезая себя расстоянием от жутких воспоминаний. А потом пришло спасительное забвение.

Говорят, что от себя не убежишь, но у меня получилось. Правда, лишь на время.

Теперь я уже не сомневался, что своими руками запрограммировал маршрут в навигатор. Я даже отчетливо вспомнил, где и когда купил его.

Теперь я знал всё. И знал, что должен делать. Скорее всего в Таниной квартире сейчас живёт её мама. Я выясню у неё, где находится могила Тани. А потом... Потом я решу разом все проблемы. Очень просто. Сделаю то, что испугался сделать три года назад. И мы снова будем вместе. Я и моя Танюшка. Но сначала я выслушаю справедливые упреки Ксении Михайловны и попрошу у неё прощения, что не уберёг дочь. Я сделаю всё как следует.

* * *

Я подъехал к дому Тани и припарковался. Двор выглядел патриархально — именно так выглядели дворы моего детства. Теперь я помнил и это. На лавочках восседали обязательные бабушки. С визгом носилась беззаботная малышня, ребята постарше с уморительно серьёзным видом обсуждали какие-то свои дела. Я был спокоен, как человек уже принявший пусть тяжёлое, но решение. Набрал на домофоне цифру 27 — никто даже не спросил, кто я и зачем: домофон прочирикал и дверь отрылась. Я неторопливо поднялся на нужный этаж — я действительно никуда не спешил. Дверь в Танину квартиру была приоткрыта — я взялся за ручку и вошёл...

В прихожей стояла мама Тани.

— Здравствуйте, Ксения Ми... — начал я, чувствуя, как предательский спазм перехватывает горло.

— Егор, ты? — Ксения Михайловна поднесла правую руку к сердцу и стала тихо оседать по стенке.

Я кинулся поддержать её...

— Мама, что случилось? Кто там? — раздался из комнаты такой знакомый звонкий голос.

Ноги у меня подкосились, и я не заметил, как очутился на полу рядом с Ксенией Михайловной.

— Да что тут такое происхо... — раздалось совсем рядом. — Егор! Егорушка! Родной мой!

Я, не в силах ничего сказать, обнимал Татьянку, гладя по спутавшимся волосам и, чувствуя, как Танины слёзы бегут у меня по лицу. И не только Танины. Вопросы, ответы... Потом, всё потом. Три года пустоты кончились. Наконец я вернулся домой.

Путевой дневник

Путевой дневник

Путевой дневник

Путевой дневник

Путевой дневник

Путевой дневник

Долгий путь, длинная трасса.

Молчаливый водитель едет в Москву через всю Россию и берет случайных попутчиков. **У этого человека есть цель,** ради которой он готов оставить все. **Есть воля, чтобы продолжать движение. Есть машина, которая не подведет. Нет только одного — понимания, как ему жить дальше.** В рассказах попутчиков, как в зеркале, **герой видит отражение собственной судьбы.** И продолжает гнаться за своей любовью, которая, на самом деле, принадлежит совсем не ему...